

**КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ
СИЛЫ
В ВЕНГЕРСКИХ
ОКТЯБРЬСКИХ
СОБЫТИЯХ**

II

И * Л

*Издательство
иностранной
литературы*

ELLENFORRADALMI ERŐK
A MAGYAR
OKTÓBERI ESEMÉNYEK BEN

II

KIADJA
A MAGYAR NÉPKÖZTÁRSASÁG MINISZTERTANÁCSA
TÁJÉKOZTATÁSI HIVATALA

BUDAPEST, 1957

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ СИЛЫ В ВЕНГЕРСКИХ ОКТЯБРЬСКИХ СОБЫТИЯХ

ИЗДАНО ИНФОРМАЦИОННЫМ БЮРО
СОВЕТА МИНИСТРОВ
ВЕНГЕРСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Перевод с венгерского

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1957

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В последних числах января 1957 года в Будапеште вышла в свет вторая часть «Белой книги» — «Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях», изданная Информационным бюро Совета министров Венгерской Народной Республики.

Во второй части «Белой книги» приведено значительное количество документов, материалов и фотографий, показывающих чудовищные зверства контрреволюции и разоблачающих активную роль международных империалистических сил в подготовке и проведении фашистского мятежа в Венгрии.

Издательство иностранной литературы публикует полный перевод второй части «Белой книги».

Введение

Пропаганда реставрации буржуазных порядков как до октябрьских событий, так в значительной мере и во время октябрьских событий отличалась лицемерием и маскировкой истинных целей. Это лицемерие было хорошо продуманным коварным приемом, рассчитанным на обман народных масс, выступающих за социализм. Опубликованные *в печати* в период вооруженного мятежа требования и программы контрреволюции намного отставали от тех *устных* требований, с которыми выступали ее агитаторы, и от *практических действий* контрреволюции. Рассматривая пункты выдвинутых программ, мы должны иметь в виду ту особенность этого периода, что деяния контрреволюции далеко опережали все то, что было провозглашено и опубликовано.

В печати, например, не выдвигалось требование сместить всех находившихся до сих пор на руководящих постах государственных и муниципальных служащих, директоров заводов и других ответственных работников — коммунистов или же сотрудничавших с коммунистами, в то время как в различных областях государственной жизни — во многих учреждениях и на предприятиях — эта программа контрреволюции уже начала осуществляться на практике. Много замечательных уважаемых руководителей было удалено со своих постов, а их места одно за другим захватывали сторонники буржуазной реставрации.

Не было, например, опубликовано в печати и контрреволюционное требование о запрете коммунистической партии и аресте коммунистов-руководителей; в то время как помещения райкомов партии Будапешта были захвачены вооруженными группами, здание Будапештского горкома партии подверглось артиллерийскому обстрелу, а многие руководящие партийные работники были убиты. Организованные вооруженные группы обходили в Будапеште дом за домом, арестовывали сотни и сотни членов партии, а других внесли в списки для ареста. Белый террор начал свирепствовать и в провинции.

Контрреволюционеры писали о равноправии и дружбе с Советским Союзом, а на деле предали поруганию памятники советским героям, срывали красные звезды, сжигали книги на русском языке, в том числе произведения Ленина, Толстого, Достоевского и даже произведения Петефи, переведенные на русский язык.

Если бы контрреволюция сразу же раскрыла и в печати свои истинные планы и показала свое настоящее лицо, широкие массы, и в том числе социалистическое студенчество, скоро выступили бы против нее.

Провозглашенные и опубликованные требования к правительству и лозунги вообще имели преходящий характер. Когда правительство выполняло какое-либо требование, контрреволюционеры тотчас же выдвигали новые, заявляя, что они не верят правительству, пока оно не выполнит и эти требования. Примером тому является непрерывное изменение требований относительно состава правительства: вначале требовали ввести Имре Надя в состав правительства, когда же это было выполнено, контрреволюция потребовала удалить министров-коммунистов и ввести в правительство Кетли и других, а в первые дни ноября уже был выдвинут лозунг: «Долой Имре Надя!»

Тактика наращивания требований инспирировалась рупором американских империалистов, пресловутой радиостанцией «Свободная Европа».

31 октября через радиостанцию «Свободная Европа» некий полковник Бэлл потребовал передать портфель министра обороны «борцам за свободу», и вскоре из Малетера сделали министра обороны. 31 октября радиостанция «Свободная Европа» протрубила в эфир: «Пусть ликвидируют Варшавский договор и заявят, что Венгрия не является больше участником договора». На следующий день, 1 ноября, Имре Надь подчинился этому. «Свободная Европа» не скрывала, что хочет посадить на шею венгерского народа правительство «твердой руки» из эмигрантов, задачей которого было бы восстановление в Венгрии старого строя. Об этом много писала в те дни и зарубежная печать.

Чтобы уяснить характер требований контрреволюции, необходимо также учесть, что в тот период сам центр американской пропаганды, направлявший все контрреволюционное движение, дал в тактических целях указание о том, что сейчас *еще не время* требовать возвращения заводов, шахт и поместий их бывшим владельцам. Однако ясно, что, как только бывшие капиталисты захватили бы *политическую власть*, американские пропагандисты и их венгерские агенты не стали бы «настаивать» на том, чтобы крупные предприятия оставались общественной собственностью.

Несмотря на то, что тактика маскировки помогала контрреволюции скрыть свои планы реставрации старого строя, все же эти планы, хотя и в смягченной и завуалированной форме, вылезли

наружу. Сторонники бывшего хортистского режима, полагая, что политическая власть уже находится в их руках, не могли сдержаться и в известной мере нарушили тактику, предписанную американскими идеологами радиостанции «Свободная Европа». Там и сям уже появились старые помещики, требуя возвращения своих земель; Отто Габсбург потребовал венгерскую корону; графы-эмигранты осели в самой фешенебельной гостинице пограничного города Шопрон; в Венгрию приехал герцог Лихтенштейн. Разоблачил себя и Миндсенти.

Буржуазные реставраторы действовали по рецепту, изготовленному американскими агентами. Согласно их планам, первый шаг состоял в том, чтобы разгромить органы власти народно-демократического государства, объявить вне закона партию рабочего класса и загнать ее в подполье, а также под предлогом «нейтралитета» вырвать Венгрию из лагеря социалистических стран и присоединить ее к западному капиталистическому блоку. Разумеется, вначале контрреволюция скрывала от народа, что если хозяевами положения в Венгрии окажутся американцы, западные «войска ООН» и их венгерские агенты, то реставрацию власти крупного капитала можно будет осуществить беспрепятственно. Она скрывала также и то, что это привело бы к возрождению противоречий между Венгрией и ее соседями, в результате чего наша родина стала бы очагом новой войны. Эти планы предусматривали превращение Венгрии в передовой плацдарм западного империализма на Востоке. Все это таило в себе столь очевидную опасность, что более трезвые буржуазные политики не могли закрывать на это глаза. Например, Нандор Билкеи Горзо даже в так называемом «столичном национальном комитете» предостерегал от «опасной игры» — расторжения Варшавского договора.

Одним из признаков буржуазной реставрации было появление на политической арене партий, существовавших в период режима Хорти. В здании Будапештского горсовета уже обосновались «христианская венгерская партия» и «союз христианской молодежи». Кроме того, в столице возникли еще три организационные группы, создававшие «христианскую» партию. Образовались «христианская демократическая народная партия», «ассоциация христианской молодежи» и «христианская демократическая партия». Возрожденные «христианские» партии режима Хорти, а также их союзники немедленно начали распространять в печати и другими способами грязную антикоммунистическую, антисоветскую, антисемитскую и ирредентистско-шовинистическую агитацию.

Были созданы и такие партии, организаторы которых намеревались реставрировать буржуазную власть не в хортистском духе, а заменить социалистический строй буржуазно-демократическим

или буржуазно-либеральным. Однако на деле военное и политическое руководство контрреволюцией было в руках политических и военных представителей фашизма Хорти. Многие группы сторонников буржуазной реставрации представляли собой мешанину из буржуазно-демократических, буржуазно-либеральных, «христианских» и фашистских направлений. Но всех их «объединяло» преклонение перед западными империалистами.

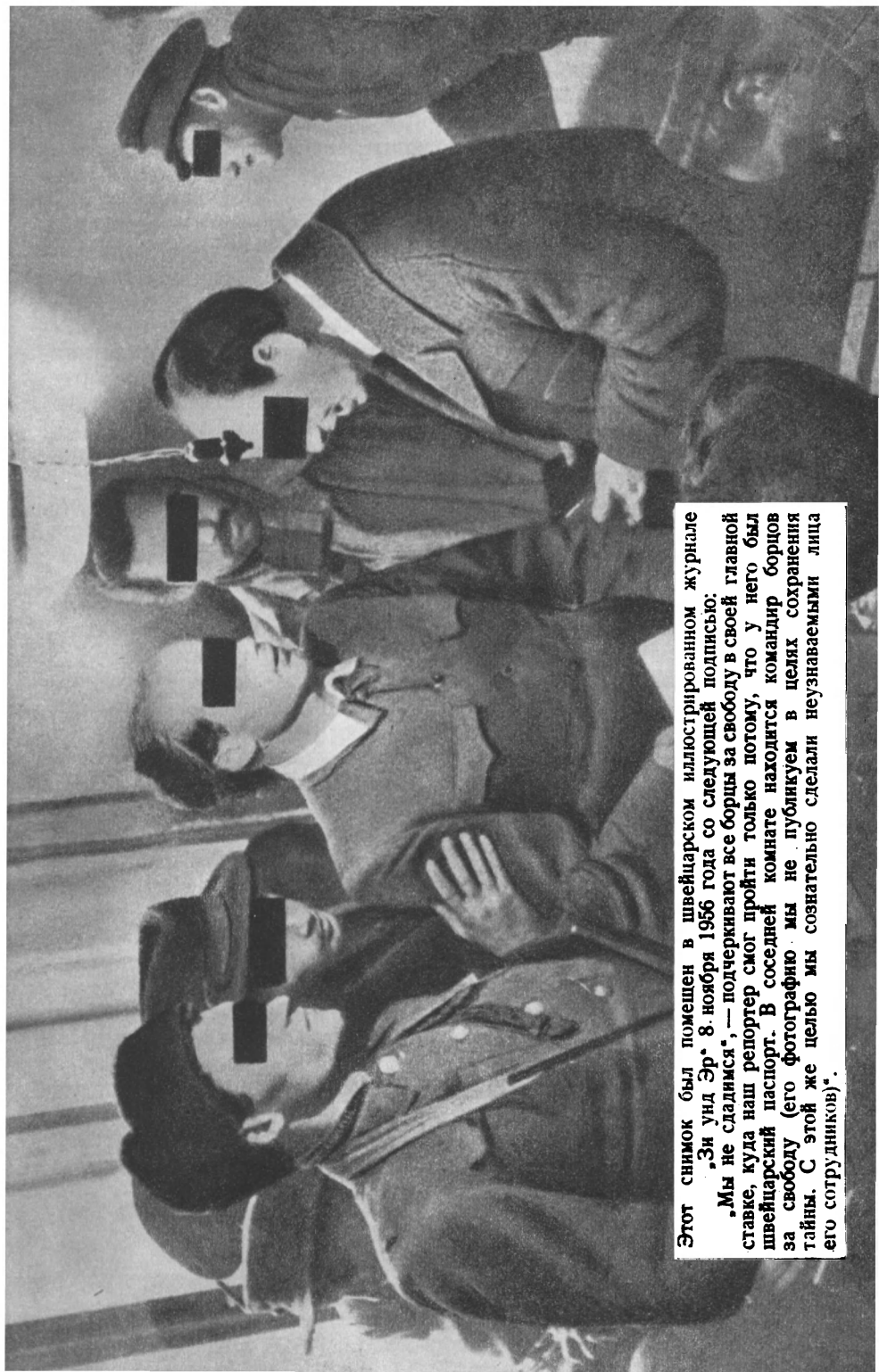
В эти дни в отдел печати Совета министров поступили прошения от многих неизвестных или почти неизвестных лиц и групп, создававших партии, с просьбой разрешить им издание газет. «Партия венгерской независимости» к прошению, переданному 1 ноября, приложила и свою программу, в которой, между прочим, *отвергала социалистический строй* и недвусмысленно провозглашала *«осуществление чистой, вечной венгерской буржуазной демократии»* и *«неприкосновенность частной собственности»*.

Фашистские силы буржуазной реставрации создали также так называемый «всевенгерский блок беспартийных». В проекте программы, который этот «блок» передал правительству Надя, мы читаем: «Поставить под наблюдение полиции всех партизан, которые после роспуска Управления госбезопасности находятся на свободе». И далее: «На всех предприятиях, фабриках, в управлениях и учреждениях немедленно распустить комитеты коммунистической партии, профсоюзные комитеты и отделы кадров...»

Под руководством фашистов был создан также «боевой союз венгерских политических заключенных», в который вошли и осужденные нилашистские убийцы. Эта организация намеревалась издавать газету «Эбрестё» («Пробуждение»), которая даже своим названием напоминала пресловутую фашистскую контрреволюционную организацию 1919 года — «объединение пробуждающихся венгров».

Характерным фактом, убедительно свидетельствовавшим о реставрации хортистского режима, было создание 1 ноября в здании Будапештского горсовета так называемого «столичного национального комитета». Этот комитет заявил, что только он имеет право производить назначения в орган городского управления. Как гласит протокол, адвокат Карой Зайговари заявил, что «национальный комитет должен объявить о смещении всех руководителей — от заведующих отделами и выше». 2 ноября комитет «приступил к работе». Делегат от несуществующей «христианской венгерской партии» предложил, чтобы некий пиаристский священник стал заведующим городским отделом просвещения, и потребовал возвратить в столицу всех хортистов, уволенных в 1945 году и в последующий период.

Многие факты реставраторских тенденций имели место в различных провинциальных городах и деревнях. В данном выпуске мы приводим характерные в этом отношении факты.

Этот снимок был помещен в швейцарском иллюстрированном журнале

„Зи унд Эр“ 8 ноября 1956 года со следующей подписью:

„Мы не сдаемся“, — подчеркивают все борцы за свободу в своей главной ставке, куда наш репортер смог пройти только потому, что у него был швейцарский паспорт. В соседней комнате находится командир борцов за свободу (его фотографию мы не публикуем в целях сохранения тайны. С этой же целью мы сознательно сделали неузнаваемыми лица его сотрудников)“.

Одним из самых типичных выразителей реставраторских тенденций являлся кардинал Миндсенти. Вечером 3 ноября Миндсенти выступил по радио с речью, в которой изложил свои политические взгляды. Несмотря на туманный характер речи, она была весьма недвусмысленной.

Миндсенти директивно и повелительно провозгласил, каково должно быть общественное устройство Венгрии. Он заявил:

«Мы хотим быть бесклассовым обществом, живущим в правовом государстве, быть нацией и страной культурно-националистического духа, развивающей демократические завоевания и стоящей на основе частной собственности, ограниченной правильно и справедливо в зависимости от социальных интересов».

Миндсенти возвращается к демагогии «христианского курса» и нацизма, когда он ломает копыя ради «справедливой» частной собственности, «ограниченной в зависимости от социальных интересов». Но мы знаем по опыту истории, что на практике все это означает неограниченное господство капитала.

Основой социалистического общества является общественная собственность на средства производства. Миндсенти в своей речи похоронил этот общественный строй, назвав его обанкротившимся. Миндсенти, разумеется, не признавал правительство Имре Надя, спесиво заявив об этом так: «Участники и преемники обанкротившегося строя (!) [преемники: Имре Надь и члены его правительства. — *Составит.*] несут особую ответственность за свою деятельность, в равной мере за промахи, затяжки или неправильные мероприятия».

Угроза Миндсенти обращена и к Имре Надю и его сторонникам:

«...по всем линиям через независимый и беспристрастный суд должно проводиться привлечение к законной ответственности».

Миндсенти потребовал также новых выборов, на которых «могут выступить все партии», причем «под международным контролем» Кардинал повторил лозунг «независимости» под западным контролем, провозглашенный за несколько дней до этого радиостанцией «Свободная Европа», и потребовал обеспечения свободной деятельности всех партий буржуазной реставрации и фактического подавления коммунистической партии с целью загнать ее в подполье.

Кардинал закончил свою речь требованием вернуть церкви «ее учреждения», а в это понятие, естественно, включались и ее бывшие земельные угодья.

Миндсенти произнес надгробную речь над «обанкротившимся строем» народной демократии. Однако он слишком поторопился с надгробной речью. Строй народной демократии и венгерский трудовой народ возместят ущерб, нанесенный политикой Ракоши,

и восстановят разрушения, вызванные провалившимся контрреволюционным мятежом.

В этом выпуске мы публикуем отдельные факты политического характера и данные о проведении капиталистической реставрации, а также приводим новые фактические материалы о кровавых злодеяниях контрреволюции, полнее раскрывающие характер контрреволюционного мятежа.

Собранные материалы позволяют сделать следующие неопровержимые выводы:

1. Инициаторами и организаторами вооруженного мятежа были иностранные агенты, хортистские эмигранты и руководители хортистских нелегальных организаций в стране. Они организовывали массовые выступления и постепенно становились во главе их.

2. Оставшиеся в стране представители разгромленного двенадцать лет назад строя уже приступили в столице и во многих провинциальных городах, селах и районах к восстановлению старой власти. Находящаяся за рубежом эмиграция вместе со своей агентурой внутри страны приготовилась полностью захватить власть в свои руки.

3. Подстрекательские передачи действующей на территории Западной Германии радиостанции «Свободная Европа», которая содержится на американские доллары и получает руководящие указания из Америки, сыграли большую роль в идеологической подготовке контрреволюции и в практическом руководстве ею, в развязывании вооруженной борьбы, в несоблюдении распоряжения о прекращении огня, в возбуждении массовой истерии, приведшей к линчеванию невинных людей, верных своему народу и своей родине. Руководители радиостанции «Свободная Европа» несут особую ответственность за кровопролитие среди венгров, за следовавшие вслед за этим призывы к венграм бежать на Запад и за трагедию, пережитую в результате этого тысячами и тысячами венгерских семей.

4. После 29 октября цель контрреволюционных мятежников становилась все более ясной. Этой целью было свержение социалистического народного строя и включение Венгрии в сферу интересов капиталистического Запада, то есть реставрация буржуазного строя.

Разгром контрреволюционного мятежа был для венгерского народа единственным способом избежать мрачного периода новой контрреволюции.

Осада здания Венгерского радио 23—24 октября

ГДЕ НАЧАЛСЯ ВООРУЖЕННЫЙ МЯТЕЖ

КТО НЕ МОГ ПРОНИКНУТЬ В СТУДИЮ

(Рассказ И. К.)

Утром 23 октября я узнал о том, что студенты Строительного технического института в связи с польскими событиями готовят молчаливую демонстрацию солидарности у памятника Бему. Демонстрация была запрещена. В ответ на это студенческие собрания — насколько я знаю, за исключением студентов Экономического института — приняли решение выйти на демонстрацию вопреки запрету. Я слышал, что в Строительном институте организаторы настаивали на проведении демонстрации, заверяя, что она будет совершенно «немой». Они заявили, что дойдут до памятника Бему, а затем сразу же возвратятся в институт.

Я наблюдал все шествие на проспекте Байчи-Жилинского. Оно продолжалось примерно час. Демонстрация, разумеется, отнюдь не была «немой». Демонстранты шли с транспарантами, на которых были написаны названия их институтов. В большинстве своем это действительно были студенты, особенно в первый период демонстрации. Демонстранты с воодушевлением скандировали лозунги, которые, как я потом узнал, содержались в листовках, изданных Союзом трудящейся молодежи. Эти лозунги провозглашали польско-венгерскую дружбу, советско-венгерскую дружбу на основе равноправия и были направлены против Ракоши или требовали включения Имре Надя в состав руководства. Часто подчеркивалось единство рабочих и студентов. В дальнейшем, когда состав демонстрантов стал более пестрым, на первый план все чаще стали выдвигаться антисоветские лозунги: «Нам не нужна гимнастерка!» и т. д. Помню, что в то время демонстранты еще не требовали вывода советских войск, хотя уже по всему городу можно было прочесть такие требования в листовках, расклеенных в самых различных местах. Демонстранты потребовали, чтобы на домах были вывешены национальные флаги. Выполнение этого требования встречалось дружными аплодисментами. Потом появились требования, чтобы были вывешены флаги с гербом Кошута, а старый герб был вырезан. Прохожие сравнительно пассивно и в большинстве с улыбкой смотрели на демонстрацию. Слов

осуждения не было слышно. Тот, кто не симпатизировал происходящему, молчал, и это можно было прочесть только на лицах людей. Но уже и здесь, на улицах, я слышал в ряде мест замечание, которое затем, вечером, повторялось все чаще: «Наконец-то после двенадцати лет мы дождались и этого».

В половине девятого я узнал о том, что демонстранты окружили здание Радио. Около девяти часов или в четверть десятого я подъехал на автобусе к кинотеатру «Ади». Здесь мне впервые бросилось в глаза, что вечерняя жизнь города не похожа на обычную. Людей на углу бульвара Музеум и проспекта Ракоци было значительно больше, чем всегда. Сначала я попробовал пройти к Радио со стороны бульвара Музеум, но мне удалось добраться лишь до улицы Шандора Броди, где горели две легковые машины. Дальше дорогу преграждала огромная толпа. Раздавались винтовочные выстрелы. Со двора университета выбегали люди. Доставая из только что вскрытых пачек боевые патроны, они кричали: «Вот такими патронами стреляют сотрудники госбезопасности!» — и совали молодежи патроны и винтовки. Это происходило около четверти десятого. По словам Бенке и многих других сотрудников, оставшихся в здании Радио, его охрана впервые начала применять боевые патроны после полуночи.

Я попытался подойти к Радио со стороны улицы Пушкина, однако и там мне это не удалось. На мостовой валялись битые кирпичи, взятые, по-видимому, со стройки на углу. На улице в это время то скапливались, то вновь разбегались группы прохожих. В одной из групп кто-то рассказывал, что бойцов войск госбезопасности, прибывших на помощь радиостудии, забросали камнями, а те, не оказывая сопротивления, бегут в сторону студии. Какой-то человек заявил, что если бы в него бросили кирпичом, он бы в обиду себя не дал. Однако таких толпа быстро заставляла умолкнуть. Гораздо чаще раздавались возгласы: «Негодяи!», «Стреляют в венгров!» и т. п. Ни у кого даже не возникала мысль: нормально ли это, когда кто-то — кто бы то ни было — пытается занять студию, и какова в этом случае задача охраны.

Среди прохожих было много просто любопытных. Их настроение также обратилось против сотрудников госбезопасности. На проспекте Ракоци, возле улицы Шип, стояли пустые автобусы. С крыши одного из них какой-то молодой человек обращался с речью к толпе, заполнявшей мостовую. Я не слышал, что он говорил. Он провозглашал какие-то требования, и каждая его фраза встречалась аплодисментами и овацией. По улицам мчались мотоциклисты, некоторые из них останавливались у тротуаров; вокруг них собирались группы людей, которые что-то громко обсуждали, а затем мотоциклисты следовали дальше. В этих группах то и дело выкрикивали: «Стреляют в венгров!» — и уже слышанную мною фразу: «Наконец-то после двенадцати лет...». Тем временем при-

бывали все новые и новые грузовики, заполненные молодежью, с развевающимся впереди национальным флагом. В это время вокруг редакции «Сабад неп» тоже собралась огромная толпа и оттуда тоже доносились выстрелы. С одного грузовика молодая девушка крикнула: «Мы уже свалили монумент Сталина». «Когда?» — спросил кто-то из толпы. Девушка посмотрела на часы и ответила: «Сейчас 9 часов 36 минут. Это произошло 6 минут назад».

По Бульварному кольцу толпа двигалась в сторону ресторана «Эмке». Длинной вереницей, друг за другом, стояли трамваи, некоторые с выбитыми стеклами.

На проспекте Ракоци кто-то сказал, что с Чепеля двинулись рабочие. Это вызвало явный испуг, но рабочие не пришли. В течение вечера все более явным становилось противоречие между ранее провозглашенными и приемлемыми лозунгами, с одной стороны, и действиями — с другой. В то же время и выдвижение лозунгов шло в определенной последовательности. Вначале эти лозунги были направлены против сталинизма и Ракоши и требовали независимой и свободной Венгрии. В то же время захват и использование автомашин Управления грузовых перевозок, деятельность мотоциклистов, разъезжавших повсюду с национальными флагами, доставка оружия, нападение на здание Радио — все это свидетельствовало о том, что эти действия были организованы заранее и направлены отнюдь не против отсутствовавшего и уже отстраненного секретаря партии Ракоши.

В СТУДИИ

(Р а с с к а з Л. М.)

После нервной напряженности, царившей в здании Радио, сообщение об отмене запрета демонстрации, ставшее известным в два часа дня, было воспринято с облегчением. Работники Радио прикидывали, куда поехать, чтобы организовать запись. Однако настроение сотрудников Радио и требования наиболее крикливых элементов свидетельствовали о том, что хорошего ждать не приходится. Более трезво настроенные люди ворчали, когда высказывались уж очень абсурдные требования. Но настроение было таково, что не оставалось никакой надежды, что сегодня где бы то ни было восторжествует благоразумие.

Около пяти часов мы узнали, что толпа приближается к зданию Радио. Примерно к половине шестого демонстранты заполнили улицу Шандора Броди настолько, что с этой стороны уже нельзя было подойти к воротам. На улице стоял сплошной гул, так что слов нельзя было разобрать. Однако было ясно, что настроение является враждебным и агрессивным. Вскоре начали сжигать красные флаги. Директор Венгерского радио Валерия

Оружие из арсенала контрреволюционеров:

I. Скорострельный карабин „МП-44“ немецкого производства.

II. Автомат американского производства типа „ЮС. Карабин“

III. Английский автомат „томпсон“ нового типа.

IV. Немецкий автомат „МП-40“ времен второй мировой войны.

Оружие, захваченное у контрреволюционеров. Западногерманский автоматический пистолет производства „Ваффенfabрик Маузер Оберндорф, Неккар“; его деревянная кобура дает возможность вести прицельный огонь.

Бенке и спортивный репортер Сепеши вышли на балкон и попытались выяснить, чего хочет толпа. На обращение «Товарищи!» толпа ответила протяжным свистом и криками: «Мы венгры!» Положение стало опасным.

Первая делегация, в которую входили несколько студентов и вызывающе державших себя молодых парней, похожих на люмпен-пролетариев, а также один-два антипатичных пожилых мужчины — всего примерно двенадцать человек — вели себя весьма агрессивно. Они требовали прервать текущую передачу, вынести микрофон на улицу и дать им возможность зачитать свои требования, состоявшие из шестнадцати пунктов.

Бенке ответила: мы охотно зачитаем шестнадцать пунктов, внеся в них некоторые изменения, ибо по радио уже переданы подобные резолюции институтских собраний, состоявшихся утром и накануне вечером. Однако передачи мы не прервем, а сообщим об этих пунктах в ближайшем выпуске последних известий или же изложим их в подготавливаемой передаче о демонстрации. Мы не можем вынести микрофон на улицу, не можем впустить толпу в студию, так как следствием этого было бы в лучшем случае вавилонское столпотворение, анархия на улице или разрушения в студии. Один очень молодой парень весьма неряшливого вида вскочил и начал грубо оскорблять Бенке, подчеркивая, что «они не отступят до тех пор, пока радио не будет принадлежать народу». На вопрос, каким образом, по его мнению, радио должно принадлежать народу, он ответил: «Вынесите микрофон на улицу, чтобы каждый мог сказать то, что хочет».

В итоге после острых споров слово взяли более культурно и спокойно говорившие члены делегации, очевидно студенты. После этого наши условия были приняты. Единственным вопросом, вызвавшим довольно серьезный спор, был вопрос о выводе советских войск. Я помню, что мы и тут договорились, найдя такую формулировку, в которой говорилось о полной независимости на основе равноправия с Советским Союзом.

Тем временем на улице распространили ложный слух, будто бы делегацию задержали и избивают. В наши окна и раньше бросали камни, а теперь град камней усилился. Было опасно стоять у окон или на балконе. *Когда делегация вышла и один из ее членов попытался рассказать о достигнутой договоренности, его встретили таким же враждебным шумом и камнями, как и работников Радио.* Демонстранты, не выслушав, разогнали ими же самими избранную делегацию и, по свидетельству отдельных лиц, даже избили ее членов. Потом на протяжении нескольких часов все повторялось снова: приходила делегация, мы договаривались с ее трезво мыслящими представителями, однако это никак не влияло на толпу. Последняя делегация, которой была известна участь ее предшественников, уже не рискнула вернуться обратно.

Бенке прервала переговоры лишь после того, как «мирные демонстранты» убили армейского майора, назначенного в охрану.

В восемь часов Герэ произнес свою речь, но толпа, находившаяся перед зданием Радио, не слышала ее, так как эту речь не было возможности транслировать. Таким образом, утверждение, что нападение на здание Радио было вызвано речью Герэ, является ложью: нападение началось за несколько часов до этого выступления. Историк Балаж Надь, находившийся вечером возле Радио, рассказывал потом, что он обратил внимание на то, что один пожилой мужчина в штатском, но с военной выправкой обратился к толпе с призывом: «Захватим Радио!» «Зачем?» — спросили его стоявшие вокруг студенты. Даже не отвечая, человек в штатском разослал молодежь в разные места группами по восемь-десять человек.

До этого, около семи часов, в здание Радио прибыли Геза Лошонци, Миклош Вашархейи, а позднее Золтан Санто. Лошонци вышел на балкон, взглянул на толпу и возвратился. Улица хотела слышать Имре Надя. Лошонци позвонил ему и спросил, не приедет ли он. Имре Надь ответил, что не приедет, пока его не позовет партия. Позднее мы узнали, что Надь уже выступал перед демонстрациями у парламента. Работники Радио записали его выступление на пленку и привезли ее. Мы вынесли репродуктор на улицу. При первой же фразе Имре Надя толпа умолкла, а потом начала шуметь, свистеть и разбила репродуктор. Следовательно, Надь тоже был не нужен. Между восемью и девятью часами вечера Лошонци и Вашархейи покинули Радио.

Первые выстрелы по зданию Радио были сделаны в девять часов. Между девятью и десятью часами раздавались лишь одиночные выстрелы, однако, по всей вероятности, это стреляли снайперы, ибо трое сотрудников госбезопасности, показавшиеся в окне, мгновенно были ранены в голову. После десяти часов Радио уже находилось под непрерывным обстрелом.

Из редакции «Сабад неп», Союза писателей и Союза журналистов нам все время звонили знакомые и незнакомые товарищи. *Кое-кто из газеты «Сабад неп» обвинял нас, другие только спрашивали, правда ли, что в районе Радио сотрудники госбезопасности стреляют и убивают студентов — участников мирной демонстрации. Мы отвечали, что стреляют в нас; охрана Радио не стреляет, потому что нет даже приказа об открытии огня. Находившиеся в здании Радио делали все, чтобы заставить безоружную толпу разойтись, а до тех пор не хотели открывать огонь против вооруженных нападающих. Однако эти попытки не увенчались успехом.*

Защитники начали бросать гранаты со слезоточивым газом, но этим причинили вред лишь себе, потому что газ через разбитые окна проник в комнаты. Обороняющиеся просили брандспойты, но так как их не доставили, они пустили в ход шланг, имевшийся во

дворе. Впрочем, это не дало результата, потому что вскоре солдату, который держал шланг, прострелили руку. Пуля пробила и наколочник шланга.

Позднее стало известно, что на демонстрантов, находившихся перед зданием, напирала большая толпа, которая собралась у Радио, привлеченная паническими слухами о том, что там «стреляют в студентов». В различных местах города, как рассказывают свидетели, велась подстрекательская кампания. В ход пускались и слухи и «вещественные доказательства» вроде боевых патронов. «Таковыми патронами стреляют убийцы из госбезопасности», — говорили подстрекатели.

Вооруженная охрана была смешанной по составу: в нее входили сотрудники госбезопасности, связисты, армейские офицеры, танкисты и т. д. Они не готовились к вооруженной борьбе: у них было немного людей и очень мало боеприпасов. Когда обороняющиеся увидели, что толпа демонстрантов окружила здание (гражданские лица могли попасть в здание только через ворота гаража и то поодиночке. Мятежники еще не знали, что этот вход тоже ведет в помещения Радио) и что угроза вторжения мятежников стала реальной, они попросили подкреплений. Было получено сообщение, что отправлены две группы по 600 солдат. Однако подкрепления мы так и не получили. Один раз мы увидели, как на улицу въехал грузовик с солдатами, но застрял в толпе. Люди вскакивали на этот грузовик и просили или отнимали у солдат оружие. Из министерства внутренних дел и министерства обороны мы получали довольно неопределенные ответы на наши вопросы и просьбы. Особенно настойчиво мы просили прислать побольше пехоты, чтобы солдаты, не применяя оружия, при помощи одной физической силы могли очистить улицу. Мы не понимали, почему не приходит помощь.

Тем временем мы узнали, что нападению подверглись также телефонная станция «Йозефварош», Главное управление полиции, районные полицейские управления, многие типографии и другие общественные здания. Дьёрдь Фазекаш время от времени звонил из управления полиции и сообщал, как идет борьба в других местах. *Когда началась вооруженная борьба, два студента из оставшейся у нас делегации тоже попросили оружие и вместе с охраной до утра боролись против мятежников.*

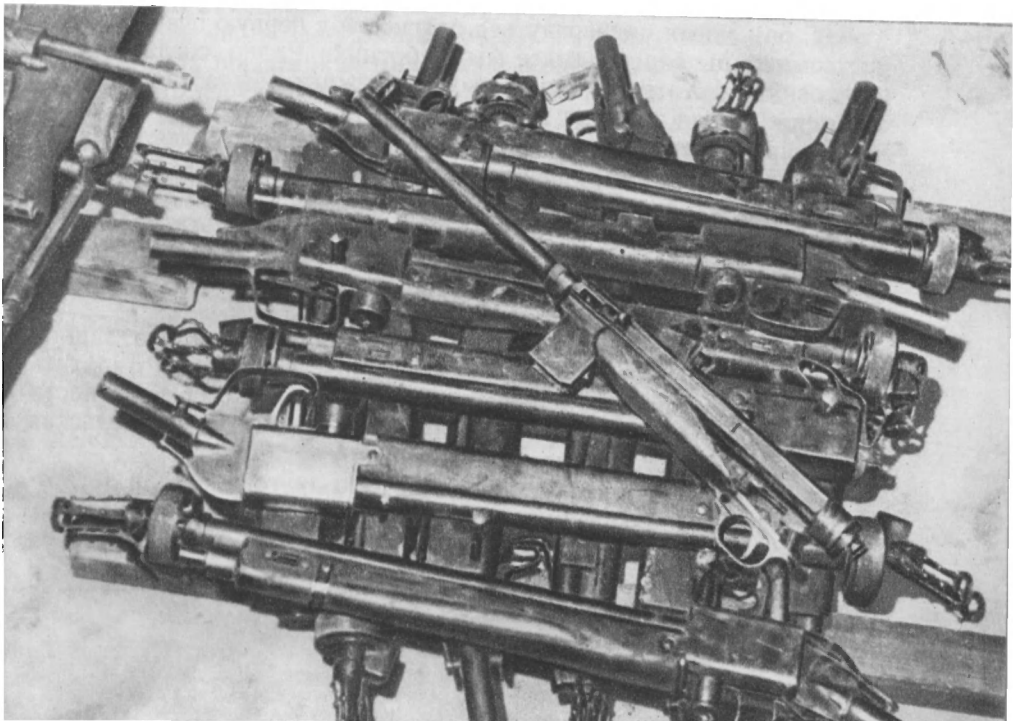
После десяти часов вооруженная атака усилилась. Здание Радио подверглось осаде по всем правилам военного искусства; на крышах домов, находящихся на другой стороне, были созданы огневые точки. Стреляли с чердаков, из-за труб, а потом и из окон. Спустя некоторое время в нас начали стрелять и с крыши нашего дома.

Во время боя был разбит телефонный коммутатор и внутренняя связь прервана. Поэтому приходилось все время ходить в радио-

Захваченные автоматы западного производства.

Приклады этих автоматов западного производства были спилены, чтобы можно было носить автоматы под пальто.

студию к Хартаи и Лангу и передавать им указания, как вести передачи. Когда стрельба усилилась, это стало довольно опасно. И все же делать это приходилось часто, потому что из Центрального Комитета мы получали одно за другим сообщения, а затем поправки к ним. (Например: «Пленум ЦК назначен на 31 октября». Затем последовала поправка: «На ближайшие дни», а вслед за ней еще одна поправка, гласившая, что пленум «созывается немедленно».) И все-таки до самого окончания программы мы вели передачи нормально.

К полуночи всем нам стало ясно, что имеет место не необдуманное нападение группки фашистов, которое скоро выдохнется, а хорошо организованная крупная вооруженная акция. Толпа не расходилась, и все попытки разогнать ее оказались тщетными. Больше нельзя было ждать, и командир охраны запросил указаний у своего командования. Ровно в 12 часов 35 минут он получил приказ открыть огонь.

В момент объявления приказа вошел армейский полковник Ференц Конок. Он предложил не открывать огонь и попросил Бенке найти какой-нибудь другой путь к соглашению. Полковник только что беседовал у ворот на улице с молодежью, которая заявила, что не хочет ничего иного, кроме как зачитать по радио свои шестнадцать пунктов, и очень бы хотела уже разойтись по домам. Вначале Бенке отклонила это предложение, заявив, что такая игра продолжается уже с половины шестого: если мы договариваемся с делегатами, то толпа на улице их уже не слушает, потому что толпой руководят другие люди и в других целях. Однако товарищ Конок был против стрельбы. Он жалел не тех, кто стрелял в нас из-за надежных укрытий, а невооруженных юношей, запрудивших улицу: они могли подвергнуться опасности в первую очередь. Бенке, командиры охраны и все мы, работники Радио, согласились с полковником. Хотя это казалось безнадежным, была сделана еще одна, последняя попытка договориться.

Товарищ Конок снова вышел на улицу и возвратился с каким-то мужчиной, по виду рабочим, и двумя юношами. Бенке обязалась зачитать имевшийся у них текст. Мы уже не очень придирались к тексту, и они тоже были весьма уступчивы. Но и эта последняя попытка также оказалась безуспешной, хотя делегация сделала все возможное, особенно рабочий, который кричал до хрипоты, убеждая толпу разойтись.

Этот эпизод важен, ибо он свидетельствует о том, что защитники Радио сделали все от них зависящее, чтобы предотвратить вооруженную борьбу. Не поведение сотрудников госбезопасности настраивало население против этих органов, а подстрекательская пропаганда, подогреваемая паническими слухами.

Около часу ночи командиры, видя, что другого выхода нет, отдали своим подразделениям приказ открыть ответный огонь.

Мы надеялись, что если безоружная толпа разойдется — а это и произошло, — то охрана, защищающая Радио, быстро справится с нападающими вооруженными лицами, которых, как предполагали, было немного. Однако выяснилось, что в нападении участвуют значительно большие силы, чем можно было думать. По всем признакам, у нападающих было много оружия и пополнения, тогда как защитники Радио получали лишь одни обещания.

Около трех часов ночи положение обороняющихся стало критическим: у них было мало людей и еще меньше боеприпасов. В здании находилось много убитых и раненых, а подкрепление и тем самым освобождение от осады — ведь мы были окружены — не приходило. Главному командованию все время докладывали, что если помощь не придет, здание Радио уже нельзя будет удержать. Помощь нам все время обещали, и защитники стремились продержаться.

На рассвете стало ясно, что удержать часть здания Радио, выходящую на улицу Шандора Броди, невозможно. Уже на протяжении многих часов мы находились в одной комнате в глубине здания, и лишь время от времени кто-нибудь из руководителей бежал к телефону. Комната директора, где находился телефон, подвергалась исключительно сильному обстрелу. Поддерживать телефонную связь с внешним миром также было трудно. Руководящие сотрудники Радио решили перейти в помещение, где находился усилитель (технический центр), и обеспечить бесперебойность передач до тех пор, пока это возможно. 24 октября утром, в 4 часа 30 минут, мы все-таки начали передавать обычную программу. После шести часов мы направились к передатчику, но из-за очень сильного обстрела многие уже не могли туда проникнуть. Усилитель тоже находился под огнем, однако обстреливался не так сильно, как часть здания, выходящая на улицу Шандора Броди. С 7.15 утра щит управления также подвергся столь сильному обстрелу, что передачу из здания Радио пришлось прервать. В дальнейшем передачи велись из Лакихедь. В восемь часов утра нам еще раз удалось установить связь и каким-то образом сообщить, — кажется, Эрне Герэ, — что через несколько минут мы должны будем сдать Радио. Даже в этот момент нам снова обещали подкрепление.

Около девяти часов несколько солдат, еще оставшихся в живых, решили сложить оружие — у них уже почти не было патронов. Когда они вошли к нам в раздевалку, мы дали им плащи и пальто и стали ждать прихода мятежников. Так как усилитель находился в конце коридора, наше положение было опасным — мы оказались как бы в ловушке. С нами было очень много женщин и даже маленьких детей из детского сада, которых толпа днем не выпустила на улицу. Настроение было почти паническим. Велась ожесточенная стрельба, но никто к нам не приближался. Мы опа-

сались, что, если мятежники подойдут к этому узкому коридору, они сначала бросят гранату, что приведет к гибели находящихся здесь людей. Поэтому Бенке и Сечи вызвались выйти наружу и сообщить о нашем намерении сдаться. Так и было сделано. На лестничной клетке мы встретились с вооруженными людьми, которые, увидев, что идут гражданские лица — работники Радио, уборщицы, техники (Бенке и другие руководители Радио не были узнаны), — окружили нас, вывели на улицу и там отпустили. Тех сотрудников госбезопасности, которые не смогли как следует прикрыть свою форму, задержали.

Таким образом, группа, в которой я находился, утром 24 октября вышла из осажденного здания Радио.

КАК БЫЛО ОРГАНИЗОВАНО НАПАДЕНИЕ

(Из рассказа И. Н.)

...Чтобы выяснить намерения демонстрантов, охрана еще до наступления вечерапустила делегацию в составе десяти человек. Их первым требованием было немедленно включить в программу передач шестнадцать пунктов. Были высказаны и другие неясные пожелания: «Это — народное Радио, следовательно, вы должны передать его народу», а также: «Мы должны вместе руководить Радио» и т. д.

О том, сколь агрессивно была настроена толпа, свидетельствовал тот факт, что около восьми-девяти часов на улице Шандора Броди и площади Кальвина она задержала несколько проезжавших машин, а затем подожгла их. Атаки непрерывно усиливались, и командир охраны несколько раз докладывал, что солдаты не могут противостоять натиску. Однако вновь последовал приказ — воспрепятствовать вторжению толпы, не открывая огня.

Несмотря на то, что охрана получила некоторое подкрепление, положение становилось опасным.

Около половины двенадцатого двор тоже стал простреливаться с улицы через открытые главные ворота на улице Шандора Броди. В это время были застрелены майор и еще один офицер, находившиеся во дворе. Но и после этого охрана не открыла ответного огня.

Позднее начался исключительно ожесточенный огневой бой. Как мы, находившиеся в здании, могли определить, судя по доносившимся со всех сторон выстрелам, вооруженные люди полностью окружили все пять зданий Радио. Ночью, когда мы, спасаясь от обстрела, переходили из комнаты в комнату, стало ясно, что нас обстреливают со всех прилегающих домов. Нападавшие разместились в нескольких жилых зданиях по улице Шандора Броди, а также в Национальном музее и на разных этажах жилых домов на улицах Сенткирай и Музеум. Такой интенсивной

стрельбы не ожидали даже демонстранты, поэтому в отдельных местах толпа в панике разбегалась.

По вспышкам выстрелов можно было определить, что стреляют из окон жилых домов. Всю ночь непрерывно шла исключительно сильная перестрелка.

Утром, примерно около семи часов, нападающие начали проникать в помещения через чердаки, подвалы и другие здания, действуя хорошо продуманными методами, и к десяти часам утра полностью захватили Радио.

Ход событий позволил определить, что имеет место планомерное, заранее подготовленное, хорошо организованное вооруженное нападение. Огневые позиции нападавших были расположены так, что почти все простреливаемые снаружи комнаты пяти зданий находились под огнем.

Когда началась перестрелка, я с несколькими сотрудниками находился в здании на улице Пушкина. По мере того как огонь становился все ожесточеннее, приходилось искать убежища от пуль, переходя из комнаты в комнату. Особенно ожесточенная атака велась из дома на углу улиц Шандора Броди и Пушкина, так как отсюда легко мог простреливаться сад, где, по нашим сведениям, было много убитых.

В полдевятого утра нас захватили в одной из внутренних комнат здания студии и вместе с охраной, обезоруженной в этой части здания, отвели как пленных в гараж. По дороге нас избивали и угрожали нам¹.

Захватившая нас вооруженная группа в большинстве своем состояла из пожилых людей. Они все время угрожали нам. По-видимому, это были уголовники. В группе был только один юноша, по внешнему виду студент, который, казалось, был намерен спасти нас, но, учитывая угрожающее поведение остальных, не рискнул этого сделать. Нас отвели в гараж, где уже находились 50—60 обезоруженных сотрудников госбезопасности. Нам удалось избежать явной опасности благодаря другому вооруженному юноше, тоже, по-видимому, студенту. Он подошел к нам, штатским (нас было трое), и сказал: «Очень жаль, мы хотели не этого», — и показал в сторону убитых, павших в ночном бою и лежавших во дворе. В ответ на нашу просьбу он, наведя на нас автомат, отделил нас от группы. Сопровождаемые этим юношей, мы спустились в подвал и оттуда бежали из здания Радио через двор соседнего дома.

(Из воспоминаний Н. Н.)

Главный вопрос — если это действительно главный вопрос... — когда и кто начал стрельбу возле здания Радио. Для выяснения этого я попытаюсь составить хронологическую таблицу. Я, ко-

¹ Захваченного майора Фехера, одного из командиров охраны, убили в кабинете директора Радио. — *Прим. составит.*

нечно, не могу взять на себя ответственность за точность времени, так как ночь казалась бесконечно длинной и каждую минуту происходило страшно много событий, что намного увеличивало, по крайней мере для очевидца, значение этих минут.

Но обратимся к хронологии:

5 часов 30 минут. Начало демонстрации перед зданием Радио.

6—7 часов. Попытки успокоить толпу с балкона, а также с автомобиля на улице; выборы делегаций; прибытие военных подкреплений со стороны входа в гараж на улице Музеум.

7—8 часов. Переговоры с делегациями; новые попытки успокоить толпу с балкона; попытка использовать влияние Лошонци, Гимеша и, возможно, Имре Надя; проникновение демонстрантов в здание Радио через окна; проламывают ворота с улицы Шандора; солдаты госбезопасности, построившись в ряд, не применяя оружия, вытесняют толпу за ворота.

8—9 часов. Натиск со стороны улицы Шандора становится все сильнее, и мы узнаем, что зданию Радио угрожает опасность и со стороны площади Михая Поллака; взрываются гранаты со слезоточивым газом; толпу перед воротами сдерживают с помощью шланга; демонстранты забрасывают помещения первого и второго этажей осколками кирпичей, камнями, неразорвавшимися гранатами со слезоточивым газом и, вероятно, бутылками с бензином, поджигая мебель в одной из комнат; сотрудники госбезопасности оттесняют толпу по улице Шандора до ее пересечения с улицами Пушкина и Сенткирай и останавливают на углах кордон. *Все это — без выстрелов, даже без предупредительных выстрелов, хотя из-за града камней среди защитников уже много раненых.* Есть ли раненые в толпе и сколько их, я не знаю.

9—10 часов. Прибытие новых военных подкреплений; толпа, вытесненная с улицы Шандора, пытается проникнуть со стороны площади Михая Поллака; напор там усиливается, и уже слышится грохот выстрела. Согласно приказу, охрана может давать лишь предупредительные выстрелы; *по словам солдат, в них уже начали стрелять из сада музея.* На улице подожгли автомашины. Стоявшую перед воротами машину, с помощью которой проломили ворота, втащили во двор. Со стороны бульвара Музеум подходят два танка, под прикрытием которых «пехота» демонстрантов вновь подбирается к «фронту», проходящему по улице Шандора. Танк останавливается прямо против ворот. Он служит прикрытием, из-за которого мятежники всю ночь обстреливают ворота.

10—12 часов. Подразделения, защищающие Радио, по-прежнему вооружены лишь гранатами со слезоточивым газом и резиновым шлангом. С улицы слышится все более частый ружейный огонь. Однако пока стреляют лишь из карабинов и пистолетов: у атакующих нет ручных гранат, пулеметов, ручных пулеметов. Но вот уже доносятся автоматные очереди. Первый убитый среди

нас — майор госбезопасности Мадьяр. Он вышел за ворота и пытался уговорить толпу разойтись. Он не вынимал пистолета из кобуры. Кто-то из толпы застрелил его. Когда его, беднягу, втащили во двор, офицеры решили проверить обойму его пистолета, чтобы удостовериться, все ли патроны на месте, стрелял ли майор или нет. Обойма оказалась нетронутой. Это произошло приблизительно в половине одиннадцатого. Помню, что с этого момента солдаты получили приказ давать предупредительные выстрелы.

Во всяком случае, является фактом, что *уже в то время нас держали под обстрелом*. Особенно сильно стреляли через ворота на улице Шандора из-за танка, вновь и вновь делая попытки ворваться в здание под прикрытием огня. Но ожесточенная стрельба доносилась и со стороны площади Михая Поллака; стреляли также со стороны улицы Музеум, хотя и более короткими очередями. Каково было в это время положение на улице Сенткирай, я не знаю. Подойти к окнам, выходящим на улицу, было уже невозможно, и все мы перешли в комнаты, обращенные окнами во двор. Большинство разместилось в кабинете Бенке.

Мы думали, что нападавшие израсходуют свои боеприпасы и к полуночи стрельба утихнет. Но это были напрасные мечты. С течением времени огневая мощь нападавших возрастала. Около одиннадцати часов послышались разрывы ручных гранат, а позднее — очереди ручных и станковых пулеметов.

Поскольку охрана не вела огня и вообще была пассивна, нападавшие беспрепятственно заняли самые удобные позиции. Так, на улице Шандора они разместились в квартирах противоположных домов, выходящих окнами на улицу, устроили огневые позиции на крышах, за трубами и другими прикрытиями. Около двенадцати часов мы, по существу, были уже окружены и подвергались все более ожесточенному обстрелу. Улица Шандора начала пустеть: демонстранты, не пожелавшие братья за оружие, разошлись.

Около полуночи начался настоящий, можно сказать, вооруженный, методический штурм Радио. С этого времени даже через ворота гаража на улице Музеум можно было уйти с большим трудом. В 12 часов 30 минут ушла еще одна группа, состоявшая преимущественно из женщин, остальные находились там уже до окончательного захвата здания.

Я хорошо знаю, что спорный вопрос заключается в следующем: кто выстрелил первым? О бое около Радио распространилось чрезвычайно много различных тенденциозных слухов и ужасных рассказов. Я знаю, что уже около восьми часов вечера отдельные люди и даже целые группы мчались на грузовых машинах в разных направлениях по городу и кричали: «У Радио госбезопасность массами убивает людей!» Лица, распространявшие этот ложный слух, делали это явно преднамеренно, чтобы сконцентрировать у Радио еще большую толпу, разжечь страсти и вызвать кровопро-

литие. Короче говоря, это были контрреволюционеры. *Подразделения, защищавшие Радио, получили в половине первого ночи приказ от вышестоящего военного командования открыть огонь.* В половине первого ночи демонстрантам каким-то образом удалось прислать в кабинет Бенке довольно большую делегацию. Здесь солдаты сообщили делегатам, что они получили приказ открыть огонь: возвращайтесь назад и скажите, что через двадцать минут подразделения, защищающие Радио, откроют огонь по нападающим. Я вспоминаю, какие бледные и испуганные лица были у делегатов. Они объяснили, что не могут остановить стрельбу со стороны нападающих, так как не имеют на них влияния. Бенке рассказывала, что два члена делегации заявили, что они уже ничего не могут сделать на улице и поэтому останутся в здании и будут вместе с солдатами защищать Радио...

Хотя я и не являюсь специалистом в военных делах, но даже мне, несведущему человеку, ясно, что *военные действия против Радио были хорошо подготовлены. Тот или те, кто руководил нападением, хорошо знали этот район и правильно выбирали огневые позиции.* Подавляющее большинство сражавшихся у Радио, возможно, даже не имело понятия о том, как нужно передвигаться в этом лабиринте зданий, в которых к тому же вследствие различных перестроек была чрезвычайно запутанная система коридоров; они не знали, какие пункты необходимо захватить в качестве ключевых позиций. Однако главари отдавали приказы на основе разработанных военных планов. Тактика заключалась в следующем: все более сжимать кольцо вокруг защитников или разбивать отряды, защищающие Радио, на изолированные друг от друга группы. Эта тактика удалась. Вечером штурм велся еще из соседних домов, а под утро огневые позиции были уже размещены на крышах и этажах зданий Радио. Нападавшие держали под огнем переходы, коридоры, ведущие из одной части здания в другую; простреливались также лестничные клетки, чтобы защитники не могли попасть с одного этажа на другой. Видно было, что у мятежников имеется неограниченное количество оружия и боеприпасов и хорошо организован их подвоз. Мы же, находившиеся в помещениях Радио, уже с половины первого, а значит, с момента начала действительного штурма, все время испытывали нехватку боеприпасов. Я утверждаю, что военное руководство штурмовавших было более единым и имело лучший план, чем защитники. Защитники, помимо усиленной охраны, состоявшей из сотрудников госбезопасности, были набраны из различных частей. Военную слабость обороны характеризует тот факт, что была «обеспечена» оборона только самих зданий. В то же время, несмотря на многократные предупреждения даже такого несведущего человека, как я, никто не позаботился, чтобы занять крыши, не говоря уже о близлежащих домах. То есть мы позволили загнать себя в мышеловку...

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ОДНОГО ИЗ КОМАНДИРОВ ОХРАНЫ РАДИО

В три часа вместе с ротой бойцов вооруженных сил я прибыл к зданию Радио на улице Шандора Броди.

Пока шла демонстрация, в здании царили тишина и спокойствие. Около 6—6.30 на улице Шандора Броди появились первые группы демонстрантов. Толпа непрерывно росла и вела себя все более агрессивно. Она не последовала призыву разойтись, поэтому, чтобы рассеять ее, мы «клином» врезались в толпу и применили гранаты со слезоточивым газом. Позже мы стали давать предупредительные выстрелы, вследствие чего нам дважды удалось очистить улицу Шандора Броди. Но, поскольку толпа видела, что мы стреляем только в воздух, она возвратилась и уже не расходилась больше.

Первые одиночные выстрелы боевыми патронами были сделаны демонстрантами с улицы Шандора Броди и почти одновременно со стороны Национального музея — через Дворцовый сад — в 19 часов 30 минут. Стреляли по окнам, возле которых тогда стояло много людей.

Первыми выстрелами были сразу же убиты несколько человек. К тому времени, когда мы получили приказ открыть огонь, среди охраны насчитывалось свыше двадцати убитых.

Когда мы открыли огонь, улица на какой-то срок опять опустела, но к этому времени мятежники заняли расположенные напротив дома и крыши и оттуда вели обстрел. Стрельба велась из пулеметов не только с улицы Шандора Броди, но также с крыш домов, находящихся на улице Сенткирай... Ружейный огонь продолжался до трех часов ночи. Затем на некоторое время наступило затишье. Мятежники, просочившись через ограду Дворцового сада, начали штурм внутри здания. Оставшиеся в живых бойцы охраны перебрались в подвал. Мы ушли оттуда лишь на рассвете в пятницу. В ночь на пятницу здание было атаковано танками. Танкисты правительственных войск под командованием подполковника Шоймоши к шести часам утра отвоевали здание.

В помещении студии мятежники взломали шкафы, растащили содержимое письменных столов, украли ценное техническое оборудование. В саду и в караульной комнате остались следы боев последних дней: валялись трупы, обмундирование, оружие, тысячи метров магнитофонной ленты, разбитые пластинки.

В три часа дня по распоряжению высших властей я вывел из здания усиленный отряд и передал несение охраны правительственному отряду воспитанников пехотного офицерского училища имени Дожа.

Майор Н. К.

УБИЙСТВО АРМЕЙСКОГО МАЙОРА КОВАЧА ВО ВРЕМЯ НАПАДЕНИЯ НА РАДИОСТУДИЮ

(Рассказ капитана Е. З., преподавателя
Академии имени Петефи)

Около десяти часов вечера прибыли два венгерских танка. Один из них встал у входа в студию, непосредственно у ворот. Затем приблизительно час-полтора было относительно тихо (лишь временами доносились выстрелы и взрывы). Не знаю почему, около 11 часов 30 минут танк отошел от ворот студии. Тогда толпа, стоявшая на улице, устремилась внутрь. Мы, около десяти человек, стоявших у ворот, побежали навстречу толпе, пытаясь остановить ее без оружия, *голыми руками*. Уже тогда я видел, что два стоявших впереди толпы человека в штатском были вооружены автоматами. Один из них сразу же выстрелил в нас, и майор Ковач, находившийся рядом со мной, упал. Поняв, что свершилось убийство, толпа внезапно остановилась. Два или три человека в штатском подняли упавшего майора Ковача, внесли в небольшую комнату во дворе радиостудии и положили там. Когда Ковач умер (это произошло сразу, так как пуля попала в голову), среди сотрудников госбезопасности уже насчитывалось несколько раненых — одни были ранены камнями, другие огнестрельным оружием. Около 11 часов 30 минут где-то позади, возле музея, стреляли штатские. Около половины двенадцатого начался организованный штурм студии, продолжавшийся до десяти часов утра следующего дня. Необходимо отметить, что с военной точки зрения студию обороняли очень слабо. В подвале студии имелся запасный выход, который, однако, не был защищен. Через этот выход позже просочились мятежники. В интересах обороны нужно было бы занять соседние дома. Однако их захватили мятежники. В домах на противоположной стороне улицы и рядом со студией они создали огневые точки и обстреливали здание Радио. Создавалось впечатление, что *организаторы нападения на студию понимали толк в деле*. У мятежников было очень много оружия, даже пулеметов, и чрезвычайно много боеприпасов...

НАПАДЕНИЕ НА РАДИО СО СТОРОНЫ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ

По свидетельству очевидцев, 23 октября, когда произошло нападение на Радио, уже вечером, в 6 часов 30 минут, очень много вооруженных людей заполнило сад при музее. Швейцар охранял вход в музей со стороны улицы Шандора Броди, и хотя вооруженные люди неоднократно пытались войти туда, он не пустил их. В швейцара стреляли через окно его сторожки, выходящей в сад, когда он находился на своем посту. До полуночи он еще охранял

помещение, однако после двенадцати часов ночи вооруженные люди взломали двери черного хода, который выходит на улицу Музеум, и ворвались в здание. По музею мятежников мог вести только опытный человек, о чем свидетельствует тот факт, что они сразу же нашли лестницы черного хода и поднялись в мало приметную археологическую библиотеку, окна которой выходят в сторону Радио. Оттуда начался обстрел здания Радио. Контрреволюционные группы использовали, таким образом, массивное здание музея в качестве боевой позиции и тем самым непосредственно повинны в разрушениях, произведенных в музее. В археологической библиотеке, в выставочных и других помещениях впоследствии можно было корзинами собирать патронные гильзы, ручные гранаты и взрыватели к ним. В одном зале были найдены две бутылки с бензином. В ставне окна, выходящего в сторону Радио, было проделано отверстие и устроена огневая точка. Здесь также лежали кучки различных патронных гильз.

На рассвете 24 октября зданием овладела новая группа людей, одетых в венгерскую военную форму. В этот день в 13 часов 30 минут в здании начался пожар. Из-за боев, развернувшихся вокруг, пожарные смогли начать тушение пожара только на заре 25 октября. Около девяти часов утра 25 октября, в четверг, первые советские части подошли к музею. Однако тушение пожара было сопряжено с большими трудностями: стрельба заставляла пожарных несколько раз прекращать борьбу с огнем. Мятежники стреляли из своих укрытий в пожарных, стремясь помешать тушению пожара.

В четверг, к вечеру, благодаря героической работе пожарных огонь был погашен. Но к этому времени погибла пользующаяся мировой известностью коллекция минералов и коллекция окаменелостей, а также чучела многих животных столь популярной африканской выставки; бесценные коллекции и библиотека музея стали жертвой пожара.

Нападение на Центральную телефонную станцию „Йожефварош“

СООБЩЕНИЕ ОЧЕВИДЦА К. О. О НАПАДЕНИИ НА ТЕЛЕФОННУЮ СТАНЦИЮ

«23 октября вечером, в 18 часов 30 минут, я возвращался домой. На улицах было удивительно много народу, на бульварах Ференца и Йожефа скапливались целые группы. На углу улицы Бароша и бульвара Йожефа стояло чрезвычайно много людей, которые громко разговаривали. Меня это удивило, так как все это противоречило нормальной обстановке. Так как у меня на 25—26 октября была назначена конференция в заочном университете, я поспешил домой, не обращая внимания на эти группы. Приблизительно до 19—20 часов я занимался, а затем пошел в буфет на углу улицы Бароша и бульвара выпить пива. Достать пива было невозможно, потому что здесь, на площади героев тридцать второго года, было очень много народу и как раз в это время продавался чрезвычайный выпуск «Иродалми уйшаг» («Литературная газета»), который брали с бою. В конце концов у продавца отняли газеты и попросту расхватили их. Чрезвычайный выпуск был на одном листе; его содержание я не знаю и до сегодняшнего дня. Затем я вернулся домой. Между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи мой сосед Я. П. разбудил нас с женой и мы перешли в его квартиру. Два окна его квартиры выходят на площадь Михая Хорвата; мы расположились у этих окон и отсюда наблюдали за событиями, развернувшимися перед нашими глазами.

Вначале на площади находилось только 30—40 вооруженных людей, которые останавливали и отбирали все транспортные средства.

Кое-кто из задержанных шоферов отказывался вести машины, и тогда этих шоферов прогоняли. В каждую автомашину садились один-два контрреволюционера и уезжали в разных направлениях. Было отобрано несколько легковых и грузовых машин и даже два санитарных автомобиля. Примерно с 23 часов телефонная станция была уже окружена. В час ночи прибыли три грузовые машины с вооруженными людьми в штатском, на которых были серые стальные каски. На каждом грузовике вплотную друг к другу стояло человек по сорок. Прибывающих вооруженных лиц встре-

чали вооруженные штатские, которые прибыли сюда раньше; они направляли их к главному входу телефонной станции, особенно к большим решетчатым железным воротам. Вооруженные лица разделились на две группы. Один за другим появлялись национальные флаги, зазвучали лозунги. У двух входов создавалась давка; шум продолжался около часа. В это время мы слышали также, что один из контрреволюционеров крикнул: «Подложите взрывчатку и двери откроются!» Здесь же непрерывно разъезжала легковая автомашина БМВ черного цвета. Через каждые десять-пятнадцать минут она появлялась на площади Михая Хорвата и, ненадолго задержавшись, следовала дальше через улицу Футо, а затем возвращалась обратно. Более чем вероятно, что во время этих коротких остановок находившиеся в машине люди давали указания. На крыше машины был прикреплен довольно большой национальный флаг. Приблизительно в два часа пополудни контрреволюционеры заняли телефонную станцию. Мы видели, как во время штурма разоружили двух солдат и одного полицейского и направили их в сторону улицы Футо. Кроме того, пять гражданских служащих, которых, по-видимому, выдворили из здания станции, также пошли по направлению к улице Футо. После этого вооруженные люди сели на два из трех бывших там грузовиков и отправились по улице Бароша в сторону площади Кальвина. Таким образом, на телефонной станции находилось около сорока вооруженных человек. Кроме того, там остались и те, кто раньше был на улице; они продолжали задерживать проезжающие машины.

24 октября приблизительно в пять часов утра небольшая группа сотрудников госбезопасности после одного-двух винтовочных выстрелов отбила телефонную станцию и удерживала ее в течение трех-четырех дней. Они не только удерживали телефонную станцию, но и следили за порядком на площади. Контрреволюционеры днем, вечером и ночью время от времени нападали на телефонную станцию. Группы контрреволюционеров сосредоточивались на углу возле ресторана «Матра» со стороны улицы Кишта-цио и на пустыре на улице Футо. Отсюда группы по восемь-десять человек обстреливали станцию приблизительно через каждый час. Однако работники госбезопасности не отвечали на огонь, и вооруженные группы удалились через улицу Футо.

25 октября в четыре часа дня две группы вновь обстреляли станцию с двух указанных выше направлений. У каждой из них было по одному немецкому скорострельному пулемету; они выпустили по телефонной станции два ящика патронов, а затем ушли через улицу Футо. Эти нападения непрерывно повторялись. Когда правительство распустило части госбезопасности, подразделение бойцов госбезопасности было сменено военными, у которых были нарукавные повязки. Но характерно, что контрреволюцион-

ные группы все время нападали и на этих военных. На площади Михая Хорвата во время боев погиб один человек. Он вскочил на танк и открыл бак с горючим. В это время кто-то из охраны, стоявшей перед станцией, дал очередь по этому человеку, и тот упал замертво. На улице Киштацио застрелили одну женщину. Кто убил ее, я не знаю. На площади героев тридцать второго года лежали трупы солдата госбезопасности и двух штатских. Когда на площади Республики началось нападение на Горком партии, по улице Футо прошли 50—60 человек, вооруженных пулеметами и автоматами. Они направлялись по бульвару Йожефа в сторону площади Ракоци».

* * *

Нападение на Центральную телефонную станцию совпало по времени с нападением на Радио. И в обоих случаях применялась одна и та же тактика: заранее организованную, обманутую и возбужденную толпу вовлекли в демонстрацию в районе объектов, на которые было намечено нападение. Под прикрытием толпы действовали небольшие вооруженные группы, задерживавшие и отбравшие проходящие автомашины. А тем временем другие организованные вооруженные группы сосредоточивались вокруг объектов, намеченных для нападения. Затем около полуночи почти точно в одно и то же время был открыт огонь по Центральной телефонной станции и Радио. Во всем этом ясно проявилась организованность мятежа, его военная подготовленность и руководство.

Кто руководил отрядами мятежников в Буде

Военные руководители контрреволюционного мятежа организовали свои отряды и в Буде. Следствием установлено, что 24 октября у мятежников в Буде существовали следующие отряды:

- 1) группа в Обуде;
- 2) группа на горе Рожадомб;
- 3) группа на площади Сена;
- 4) группа на горе Геллерт.

Командиром «повстанческих отрядов в Буде» был Эмануэль Бутковски, получивший военное образование и демобилизованный из Народной армии в чине старшего лейтенанта. Его назначил один из центров, именовавшийся «революционным союзом». Заместителем у него был Денеш Ковач, бывший хортистский старший лейтенант. Одним из соперников Бутковски являлся некий Кемаль Экрен, эмигрировавший ранее из Югославии. Он возглавлял группу на площади Сена. Другим руководителем группы на площади Сена являлся Янош Сабо. Как Экрен, так и Сабо принадлежали к организации, руководимой «национальным революционным комитетом» Дудаша.

Зона деятельности отдельных групп была разбита на «участки». В каждом из «участков» действовал отряд численностью от 80 до 350 человек. В каждом «участке» был начальник и его заместитель. Позднее, в ходе событий, а также вследствие соперничества и противоречий между отдельными группами мятежников и их командирами эта структура изменилась.

Группа в районе горы Геллерт взаимодействовала с отрядами мятежников, находившимися на проспекте Ракоци и на бульваре Музеум. Это значит, что две указанные группы могли держать под огнем весь лежащий между ними район.

Группа в Обуде взаимодействовала с отрядами мятежников на бульваре Кароя Роберта.

Из групп, действовавших в Буде, самой значительной была группа на площади Сена. Зона ее деятельности распространялась от моста Маргит до Цепного моста в Буде; она включала в себя

значительную часть горы Вархедь, а также район Вермезё, Варошмайора и площади Марцибани.

Вся группа, действовавшая в Буде, перед началом вооруженного мятежа насчитывала около 200 обученных вооруженных людей, но через два дня их число возросло якобы до 1200 человек. Оружие они получали различными способами, а частично добывали его сами. 24 октября у моста Маргит они следующим образом добывали оружие: с помощью двух вооруженных «солдат патруля» они останавливали проезжавшие по мосту военные автомашины; вооруженные мятежники в штатском по свистку атаквали задержанную машину и под угрозой оружия разоружали сидевших в ней солдат. Полученное таким образом оружие они отправляли на свою базу на площади Сена.

Этими операциями по захвату оружия 24 октября у моста Маргит руководил сам Денеш Ковач. Он просил майора Д., несшего службу в казарме имени Бема, выделить ему для проведения этих операций «по крайней мере 20—25 солдат». Чтобы подкрепить свою просьбу, он пообещал: «Если вы, господин майор, делаете это для меня, я заверяю вас, что завтра вы уже будете не товарищем, а господином в полном смысле этого слова». (Майор Д. отклонил это предложение.) Ясно, что значительная часть людей примкнула к мятежу не для того, чтобы бывшие хортисты и прочие их пособники вновь сели «господами» на шею народа. И все-таки многие попали в их сети.

ПЕРЕГОВОРЫ С МЯТЕЖНИКАМИ НА ПЛОЩАДИ СЕНА

27 октября майор Д. получил приказ отправиться к мятежникам, находившимся на площади Сена, и начать с ними переговоры о сдаче оружия на том условии, что сложившие оружие получат возможность свободно разойтись. Предварительно майор Д. вступил в контакт с Буттковски и Денешем Ковачем и вместе с ними прибыл к мятежникам на площадь Сена. Буттковски и Денеш Ковач приняли участие в переговорах в качестве представителей «революционного союза».

Среди мятежников наблюдалась в то время значительная деморализация. Все большую часть людей, примкнувших к мятежу с добрыми намерениями, начали охватывать сомнения относительно подлинных целей мятежа и его настоящих руководителей, и поэтому все больше людей порывало с мятежниками. В этих условиях, учитывая бесперспективность дальнейшего кровопролития и видя, что одерживает верх группа Белы Кирая, который в это время уже руководил вооруженными соединениями правительства, представители «революционного союза» Буттковски и Ковач согласились сложить оружие на указанном выше условии. Они делали это еще и потому, что лица, сложившие оружие, вновь

вооружались в качестве «национальных гвардейцев» правительственными органами вооруженных сил, то есть сторонниками Бели Кирая.

Большая часть руководителей группы на площади Сена, докладывает майор Д., была готова сложить оружие. Однако Экрен и его приверженцы заявили, что они получили «от высших руководителей решительное указание продолжать борьбу». Между Экреном и Буттковски началась перепалка. Буттковски заявил, что *только он* может давать указания отрядам, действующим в Будапеште. Экрен же сказал, что Буттковски *не может* ему приказывать, потому что он, Экрен, «получает указания через миссии великих западных держав в Будапеште». Экрен даже назвал три миссии, откуда он получает указания, и заявил, что эти миссии заверили его в том, что «завтра прибывает подкрепление из Западной Германии». Были надежды и на прибытие войск ООН. Экрен заявил также, что они не признают правительство Имре Надя, в качестве уполномоченного которого вел переговоры майор Д. Он сказал майору Д.: «Нам не нужен ни один министр из этого правительства, даже Бела Ковач, потому что на каждый министерский пост у нас подобраны соответствующие люди».

Весь «генеральный штаб» на площади Сена был един в своем непризнании правительства Имре Надя, но большинство протестовало против особых планов сторонников Экрена относительно создания правительства.

Переговоры о сдаче оружия еще не закончились, когда почти три четверти мятежников уже сложили оружие и воспользовались возможностью беспрепятственного ухода. Однако те, кто надеялся на прибытие подкрепления с Запада, продолжали борьбу. В нарушение соглашения о прекращении огня, которое являлось условием ведения переговоров, один из отрядов мятежников открыл огонь по советскому патрулю и даже по советскому санитарному отряду, прибывшему для эвакуации раненых советских бойцов. Однако советские войска, несмотря на это, не ответили на провокационную стрельбу. Разоружение мятежников продолжалось. В студенческом общежитии возле церкви Матяша студенты сами сдали свое оружие. Мятежники, засевшие в районе школы Всевенгерского совета профсоюзов на улице Тарогато, также сложили оружие. Части, расквартированные в казарме имени Бема, очистили от мятежников базу группы на площади Сена.

ПРЕКРАЩЕНИЕ ОГНЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Подкрепление, обещанное с Запада, о скором прибытии которого говорил Экрен, действительно пришло. Этим подкреплением явилось для контрреволюционеров вооружение большей части освобожденных из тюрем политических и уголовных преступников

и включение их в отряды мятежников; для них это подкрепление было «надежней», чем добронамеренное студенчество, хотя они и умели ловко обманывать молодежь. Однако самой значительной помощью для Экрена и его пособников была провозглашенная правительством Имре Надя «политика прекращения огня», которая означала капитуляцию перед мятежниками. В результате этого днем 28 октября с базы мятежников на площади Сена сняли военную охрану, посланную туда из казармы имени Бема, и база была возвращена Экрену и его сообщникам. Таким образом, группе Экрена — Сабо была предоставлена дальнейшая свобода действий.

Затем Экрен и его друзья явились в казарму имени Бема, чтобы заключить соглашение о прекращении огня. Эти переговоры Экрен начал так: «Наши переговоры должны быть краткими, так как, если я не вернусь до двадцати трех часов, мои люди откроют огонь по воинским частям». Экрен заявил, что условия перемирия будут определяться ими, поскольку о прекращении огня «попросило правительство, и это является признаком его слабости».

Одним из главных пунктов условий прекращения огня было то, что мятежники — в соответствии с призывом Малетера — должны были стать «национальными гвардейцами». Шли споры о том, из кого должны состоять патрули. Представители армий хотели, чтобы каждый патруль состоял из одного «повстанца», одного полицейского и одного военнослужащего. Экрен же требовал, чтобы в каждом патруле были два «повстанца» и один солдат *или* полицейский, то есть чтобы его люди составляли большинство. В конце концов пришли к компромиссу на основе соотношения один к одному (один «повстанец» и один военный *или* же один «повстанец» и один полицейский). По требованию Экрена в соглашение был включен пункт, согласно которому посылки с продовольствием и медикаментами, которые направлял им Международный Красный Крест, они могли получать непосредственно и беспрепятственно.

29 октября группа на площади Сена, правда в меньшем составе, но вооруженная различным автоматическим оружием западного производства, снова заняла свои огневые позиции, которые раньше была вынуждена оставить. Затем в казарме имени Бема в качестве представителей своей группы вновь появились Экрен и Сабо и потребовали аннулирования соглашения о прекращении огня. Обосновывая это требование, Экрен заявил, что он побывал в одной из западных миссий и там получил «очень серьезный упрек» за то, что согласился на такие условия. Сабо со своей стороны предложил дополнительное условие — вернуть мятежникам оружие и боеприпасы, отобранные у них до прекращения огня. Новое соглашение не было заключено, однако отряды Экрена подготовили широкий план ареста партработников и приступили

к его выполнению. Группа Экрена — Сабо заняла казарму войск госбезопасности на улице Марош и согнала туда захваченных ею сотрудников госбезопасности и партработников. Штаб-квартирой отрядов Бутковски стали здания суда и тюрьмы на улице Фё. 4 ноября советские войска освободили из казармы на улице Марош около 150 представителей войск госбезопасности и партийных функционеров, а из тюрьмы на улице Фё — 107 партработников и несколько сотен военнослужащих госбезопасности. Вмешательство советских войск сорвало дальнейшие террористические планы контрреволюционных отрядов.

Контрреволюционеры в больницах

О КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОМ ЦЕНТРЕ, ЛИКВИДИРОВАННОМ В БОЛЬНИЦЕ НА УЛИЦЕ ШАНДОРА ПЕТЕРФИ

17 ноября в подвалах больницы на улице Шандора Петерфи патрульные подразделения вооруженных сил обнаружили около 180 различных подозрительных лиц. Среди них были люди, осужденные за различные преступления (28 человек), проститутки, обитающие в кафе «Шпортчарнок» («Спортивный зал») и столовой «Фехер экёр» («Белый вол»), известные завсегдатаи пивных, два иностранных гражданина и многие введенные в заблуждение несовершеннолетние ¹.

У запасного выхода одного из подвалов больницы на улице Шандора Петерфи был обнаружен замаскированный *приемопередаточный радиоаппарат*. Аппарат был настроен на Зальцбург и поддерживал связь с радиостанцией «Свободная Европа». В одном из помещений недалеко от запасного выхода были обнаружены следы типографской краски, на основании чего можно предположить, что в подвале изготовлялись подстрекательские мятежные листовки. В ходе дальнейшего обследования были обнаружены четыре ротатора, две пишущие машинки, одна пишущая машинка с русским шрифтом, краски и другие материалы, необходимые для размножения на ротаторе, которые были спрятаны под старыми больничными бумагами. Было найдено также около четырех с половиной центнеров папиросной бумаги.

В этих подвалах контрреволюция изготовляла подстрекательские мятежные листовки и использовала скрывавшихся там лиц для распространения листовок. Они выпускались с различными подписями. Отсюда выходили листовки, подстрекавшие к забастовкам и написанные от имени молодежи Уйпешта и Кёбаньи,

¹ Среди преступников находился Йозеф Немет, судившийся двенадцать раз за ограбление квартир, кражи и т. д., Иштван Месарош, неоднократно осуждавшийся за кражи, Ирен Сёллёши, осуждавшаяся за растрату и мошенничество, Бела Майорош и Бенъямин Герцег, осужденные за растрату, Золтан Вереш, осужденный за кражу и подделку документов, проститутка Эржебет Андраш, осуждавшаяся за мошенничество и кражи, Йозеф Харлант, неоднократно судившийся и убежавший из тюрьмы, и т. д.— *Прим. составит.*

рабочих Чепеля, строителей и металлистов. Внутренние вооруженные силы нашли и ликвидировали в больнице по улице Шандора Петерфи один из будапештских центров контрреволюционной пропаганды.

Однако здесь действовал не только пропагандистский центр. В подвалах больницы было обнаружено чрезвычайно большое количество предметов одежды, награбленной в универмаге «Диватчарнок», причем значительную часть этой одежды, по показаниям свидетелей, уже растащили.

Группа, скрывавшаяся в больнице, имела также оружие. Она создала склад оружия и боеприпасов и распоряжалась этим складом. На автомашинах, замаскированных под санитарные, она развозила оружие, продовольствие и подстрекательские листовки в разные районы столицы. Часть оружия была обнаружена в расположенном напротив больницы топливном складе в доме № 19 по улице Шандора Петерфи, где было спрятано много автоматов, ручных гранат, а также холодное и портативное ручное оружие.

Часть оружия была спрятана в слесарных мастерских, находящихся по соседству с больницей, на улице Гараи в доме № 10. Остальное оружие в ходе следствия было обнаружено под сценой клуба слесарных мастерских. Внутренние вооруженные силы извлекли из-под сцены 142 пригодных для использования и заряженных автомата, 4 ручных пулемета, 14 пистолетов, приблизительно 350 ручных гранат с насаженными детонаторами, 4,5 центнера боеприпасов, а также холодное оружие в количестве 79 штук.

Дальнейшие нити следствия привели в колледж, расположенный напротив слесарных мастерских. В подвале колледжа было обнаружено военное обмундирование и несколько пар награбленного белья. В доме № 19 на площади Бароша, расположенном позади колледжа, нашли очень много взрывчатки, оружия, а также почти 15 центнеров папиросной бумаги, необходимой для печатания листовок, ротаторы, пишущие машинки.

Сломав стену, одна из вооруженных групп контрреволюционного центра на улице Шандора Петерфи установила связь между больницей по улице Шандора Петерфи и домом № 19 на площади Бароша, который был штабом так называемой группы сопротивления на этой площади.

Группы контрреволюционеров проникли также на площадь Гараи в рабочее общежитие, расположенное на пересечении улиц Енё Ландлера и Мурани, а также в помещение столовой «Дожа» на углу улицы Енё Ландлера и проспекта Дьердя Дожа. Руководителем и военным организатором этих вооруженных групп был офицер-связист, которого называли старшим лейтенантом Тотом. Его помощниками являлись выпущенные из тюрем заключенные

и нилашисты. Среди них был, например, некий Михай Павел, имевший судимость пьяница. У него было специальное задание вылавливать и уничтожать коммунистов, проживавших в районах действия групп.

* * *

Более мелкие контрреволюционные центры были созданы и в других больницах, например в больнице Уйсентянош, в санатории имени Корани в Будапеште. Центр в Будапеште, как и центр на улице Шандора Петерфи, располагал многими незаконно угнанными легковыми и грузовыми автомашинами. В роли главного руководителя здесь выступал офицер Бела Лошонци, который за различные проступки был разжалован и уволен из армии. В больнице на улице Шандора Петерфи мятежников снабжали фальшивыми документами, благодаря чему они могли беспрепятственно ездить на санитарных машинах. Прикрываясь перевозкой раненых, они увозили из больничной кухни продовольствие, из оружейного склада (расположенного на топливном складе) — оружие и боеприпасы, а из подвала больницы — лживые подстрекательские листовки.

ВРАЧ-САДИСТКА СРЕДИ КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Гизелла Илона Тот, кандидат на получение диплома врача, 1 ноября 1956 года стала ответственным руководителем временной больницы по улице Домонкош, которая стала филиалом больницы по улице Шандора Петерфи. Уже в первые дни молодая женщина-врач собрала вокруг себя вооруженных людей, которые под руководством имевшего судимость Миклоша Дьендеша, жителя Будапешта, «охотились» в этом районе на коммунистов (Дьендеш после освобождения страны провел в тюрьме три с половиной года за военные преступления). Как показало следствие, Дьендеш, которого контрреволюционеры называли уменьшительным именем Пири, вечером 18 ноября задержал на улице подсобного рабочего Иштвана Коллар, видевшего, как контрреволюционеры расклеивали листовки. Боясь, что Коллар может выдать их, они решили убить незащитного человека. Илона Тот решила, что она собственноручно убьет его. Вначале она усыпила жертву хлорэтилом, а затем, когда наступило бессознательное состояние, произвела инъекцию бензина в шейную вену. Нервничая, убийца плохо сделала эту инъекцию, так что ожидаемого результата — мгновенной смерти — не последовало. Тогда она позвала на помощь своих преступных сообщников. Миклош Дьендеш и Ференц Гэнци наступили Коллару на горло, пытаясь задушить его. Поскольку Коллар был все еще жив, они вынесли его в подсобное

Подсобный рабочий Иштван Коллар, убитый контрреволюционерами. Его труп спрятали под каменной плитой у церкви Сент Домонкош.

помещение, где врач Илона Тот несколько раз вонзила перочинный нож в его сердце.

Бандиты-садисты завернули труп в одеяло, перенесли к церкви Домонкош и спрятали под большую каменную плиту на правой стороне церкви.

Факт ужасного убийства был вскрыт, и Илона Тот и ее сообщники арестованы.

* * *

Контрреволюционная группа на улице Шандора Петерфи продолжала действовать и после 4 ноября. Она изготовляла контрреволюционные листовки, издавала нелегальную подстрекательскую газету, которую редактировали журналист Дьюла Обершовски и писатель Йожеф Гали, тяжело ранила графика Ласло Ягича, пытаясь убить его за то, что он не был согласен с контрреволюционной деятельностью.

ОГНЕВЫЕ ТОЧКИ В БОЛЬНИЦАХ

Мятежники создавали огневые позиции для борьбы против советских войск, пришедших оказать помощь в разгроме контрреволюции, в первую очередь в больницах по проспекту Юллеи, а также в больнице Рокуш на проспекте Ракоци. Огневые точки были созданы также в *детской больнице имени Яноша Бокаи*, и рядом с этой больницей. Отсюда велся пулеметный огонь по советским танкистам.

Вооруженные контрреволюционеры обосновались также на крыше *больницы имени Корани* по улице Алшёердёшор и оттуда держали под угрозой окрестный район. Во время осмотра больницы было найдено много оружия, боеприпасов и, кроме того, много вещей, украденных контрреволюционерами из универмага «Диватчарнок».

Больной Я. Н. 3 ноября лежал в больнице имени Корани. Он рассказал, что по ночам в больничной палате собирались мятежники и слушали передачи «Свободной Европы», а затем совещались и обсуждали, как осуществлять указания, полученные от этой радиостанции.

Огневая точка была создана также в *клинике Хайнал*, расположенной на углу проспекта Юллеи и улицы Сенткирай. Вот что рассказал больной Б. Н. о происходивших там событиях:

«22 октября корейские студенты, работавшие в клинике, группами покинули больницу. Мы не знаем предшествовавших событий и причин этого. [Причиной явилось националистическое и контрреволюционное подстрекательство против корейских студентов.— Составит.]

23 октября состоялось собрание работников клиники, на котором выступил неизвестный человек. С этого времени ассистент Ш. больше не работал и не занимался больными. Было видно, что он является главным организатором вооруженных заговорщиков в больнице. По моему мнению, хотя главным организатором выступал ассистент Ш., идейным руководителем являлся ассистент Б.

Приблизительно на третий день вооруженной борьбы в больницу пришло очень много посторонних подозрительных людей. Все они получили белые медицинские халаты и постоянно находились в больнице. Так же часто приходили женщины — насколько я знаю, из района кинотеатра «Корвин», — которые выступали в роли больных; часть из них оставалась в больнице на ночь, однако на следующий день они обязательно уходили.

С пятого этажа больницы стреляли по советским войскам. На этом этаже находились квартиры врачей и другого персонала. У меня создалось впечатление, что мятежники, орудовавшие в больнице, действовали совместно с контрреволюционерами, расположившимися в соседнем доме. Они, как правило, одновременно с двух сторон обстреливали советских солдат. О совместных действиях этих двух атакующих групп может свидетельствовать также то, что ассистент Ш. настоятельно предупредил однажды больных, лежавших в палате, чтобы никто не закуривал у окна. Можно предположить, что вспышка спички могла быть условным сигналом. Предостережение выглядело тем более странным и излишним, что в палате вообще нельзя, да и не принято курить».

* * *

Сообщения, следственные материалы и показания очевидцев единодушно подтверждают, что мятежники сознательно злоупотребляли эмблемой Красного Креста, используя его для маскировки своих вооруженных акций и грабежей. Они часто превращали больницы в места вооруженного сопротивления, склады краденых вещей и очаги контрреволюции.

Группы мятежников в гостинице „Континенталь“

Напротив гостиницы «Континенталь» расположен военкомат VII района Будапешта. Работавшие там офицеры начиная с 23 октября находились в здании круглые сутки.

Один из старших офицеров военкомата, капитан В., так рассказывает о событиях:

«После нападения на Радио мы впервые заметили около десяти часов вечера, что на грузовых автомашинах возят оружие к *баниям Хунгария*. (Эти бани расположены рядом с гостиницей «Континенталь».) Вскоре после прибытия первых грузовиков подошли группы безоружных людей и через несколько минут, взяв оружие, двинулись в направлении к зданию Радио.

Бани расположены на улице Дохань, в довольно узком проходе, благодаря чему и с военной точки зрения было легко обеспечить охрану созданного впопыхах склада оружия. С этого момента перевозка оружия и вооружение групп происходили непрерывно. Однако оружие перевозили не только на автомашинах Управления грузовых перевозок. Уже в первую ночь мы видели санитарную машину, которая неоднократно останавливалась на углу улицы Дохань и улицы Казинци, а также на углу улицы Дохань и улицы Шип. С этой машины раздавали оружие и боеприпасы собиравшимся там группам.

Слешно было организовано и снабжение продовольствием созданных вооруженных групп. Начиная с 24 октября их систематически снабжали с грузовых автомашин продовольствием и спиртными напитками.

Однако мятежники и сами заботились об удовлетворении своих потребностей. На рассвете 25 октября на улицу Ньяр завернула одна грузовая машина. В ней находилось шестнадцать вооруженных людей. Подразделение военкомата неожиданно напало на них, и многих из этих мятежников удалось захватить. Был захвачен, между прочим, шоймарский житель Тамаш Биндлер, который ранее совершил кражу со взломом. Арестованные находились в состоянии опьянения, на каждом из них было по три-четыре

пары брюк, новые ботинки, новое пальто, белье и т. д. Заботились они и о создании запасов. В грузовике подразделение военкомата обнаружило наилоновые вещи, перчатки, шарфы, детские перчатки, головные уборы, плащи, зимние пальто, ботинки, башмаки и немалое количество вина и водки.

Под склады оружия использовались не только *бани Хунгария*, но также *больница и часовня Рокуш*. Уже в первые дни сюда доставляли оружие, а *башню часовни Рокуш использовали как наблюдательный пункт*. Часовня Рокуш расположена на важном стратегической точки зрения месте. Ее древние стены крепки, с башни хорошо просматриваются прилегающие районы, а *при помощи имевшегося там оружия* можно было держать под сильным огнем многие улицы. Мятежники использовали эту возможность. Уже 24 октября они обстреляли бронемашину, проходившую мимо часовни. Именно тогда в часовню попал первый снаряд.

Между отдельными группами существовало организованное взаимодействие и планомерная слаженность. Каждая из них действовала по возможности в своем районе, но они грабили и другие районы.

27 октября, когда началась организация «национальной гвардии», командование установило связь с отдельными группами с целью включить их в «национальную гвардию». Однако командиры групп не соглашались вести переговоры: они не признавали никаких высших органов. Таким образом, наши переговоры оказались безрезультатными.

После 30 октября вооруженные группы стали действовать все более нагло. Они чувствовали, что власть теперь находится в их руках.

После 1 ноября появилась еще одна новая группа. Из VIII и IX районов пришла группа в количестве 80—90 человек, состоявшая из мужчин и женщин. Едва разместившись, они начали действовать: разбили и разграбили продовольственный магазин «Кёзерт», расположенный на перекрестке улицы Ньяр и проспекта Ракоци, а затем роздали кое-что из награбленного прохожим. Потом они разграбили помещения артели мелких ремесленников «Сикра», работающей на экспорт, а чтобы замести следы преступления, подожгли эти помещения. Хотя пламя угрожало квартирам, расположенным в верхних этажах, преступники, пренебрегая интересами жильцов и не думая о детях — их было более семидесяти, — которые остались бы без крова в зимнее время, начали стрелять в безоружных людей, тушивших пожар. В течение двух дней они четыре раза поджигали помещения артели «Сикра», и только благодаря усилиям местных жителей не был нанесен еще больший ущерб.

Они приложили руки также к государственному универмагу качественных товаров «Миношеги аллами арухаз». Несколько

дней они таскали оттуда товары в гостиницу «Континенталь», а затем, 4 ноября, подожгли универмаг в четырех местах и при помощи оружия мешали своевременно тушить пожар.

Утром 5 ноября они подожгли расположенный поблизости магазин готового платья. После того как грабители ночью увезли из магазина значительную часть товаров, они вкатили туда бочку бензина и стали стрелять в нее зажигательными пулями.

В гостинице мятежники устраивали буйные кутежи и щедро раздавали проституткам награбленные в магазинах товары.

8 ноября из гостиницы обстреляли проезжавшую мимо бронемашину. Вскоре после этого сюда прибыли танк и отряд пехоты. Пехотинцы были встречены огнем. Тогда танкисты произвели по зданию несколько выстрелов, и вновь двинувшаяся вперед пехота больше не встретила сопротивления. Мятежники бежали через черный ход гостиницы и через подвальные окна, бросив свою добычу. *Полиция обнаружила там награбленные товары на сумму 2,5 миллиона форинтов».*

Контрреволюционная деятельность в Будапештском университете

«Революционный комитет венгерской интеллигенции» в последние дни октября развернул очень интенсивную деятельность на юридическом факультете университета. Ознакомление с деятельностью этого комитета и анализ ее не являются целью данного раздела. Несомненно, что в составе комитета были — и даже скорее всего составляли большинство — такие лица, которые понимали под «революцией» не контрреволюцию, которые отвергали не только капиталистическую реставрацию по Миндсенти, но даже самую мысль о буржуазно-демократической реставрации. Несомненно, однако, и то, что в тени этого пестрого по составу комитета все более открыто и свободно разворачивали свою деятельность лица, бывшие заодно со сторонниками Миндсенти и со ставленниками западных империалистов.

На дела контрреволюционных элементов, действовавших под сенью «революционного комитета венгерской интеллигенции», проливает свет заявление майора С., работавшего на военной кафедре юридического факультета, и других лиц.

Группа преподавателей военной кафедры юридического факультета разделилась на две части.

«Главным политическим руководителем, — сообщает майор, — был старший лейтенант Дечи. Он был обижен из-за отца, так как последнего зачислили в кулаки, а самого Дечи перевели с того поста, который он занимал в генеральном штабе, на другую, низшую должность, назначив преподавателем университета. (25-го мы узнали, что его отец, как управляющий имением, владел 180 гектарами земли.)»

О положении, сложившемся на кафедре, майор С. сообщает следующее:

«28 октября, когда я находился в кабинете начальника кафедры, туда же вошел мужчина в штатском, имени которого я не знаю. Подполковник Я. и вошедший мужчина обнялись и приветствовали друг друга словами «боевой товарищ». Затем Я. представил этого человека как подполковника генерального штаба, одного из однокашников его

самого и Бела Кирая по академии Лудовика. Он добавил, что Бела Кирай вызвал к себе многих своих бывших сослуживцев, которые должны прибыть на кафедру, где мы предоставим им постоянную работу. Позже пришел еще один мужчина, высокого роста, лет пятидесяти, который, представляясь, сказал, что является полковником интендантской службы. Эти два господина начали печатать друг другу на машинке удостоверения, в которых указывалось, кто где сражался, не щадя жизни, и сколько человек было у него в подчинении».

При «революционном комитете венгерской интеллигенции» образовалась *военная группа*. В упомянутых сообщениях не уточняется, кто и в каких целях создал эту группу, но бесспорно одно: эта группа стала местом сбора хортистов и прочих элементов. Главным националистическим лозунгом их деятельности являлась борьба против советских войск. Этим лозунгом прикрывались различного рода темные элементы буржуазной реставрации. Они-то и взяли руководство в свои руки.

Военная группа организовала студентов для участия в мятеже. В этом ей помогали также попы Миндсенти, которые снабжали продовольствием и «воодушевляли» мятежников, вкладывая тем самым свою лепту в антисоветскую и антикоммунистическую пропаганду. Один из участников, офицер Н., рассказывает в своем сообщении, что в университете была организована охранная служба. Начальником охраны на философском факультете являлся студент Т. Г. Автор сообщения рассказывает, что вечером 28 октября, проголодавшись, он попытался разузнать, где можно закусь, ибо у него не было продуктов и он не знал, что будет есть. «Г. успокоил меня,— пишет Н.,— сказав, чтобы я не думал об этом, ибо попы обязались кормить университетскую молодежь, и у него есть лишняя еда». Г. тотчас же отправился с ним в ресторан.

«Когда мы вошли в ресторан,— продолжает Н.,— нас окружили девушки и спросили, чего бы мы хотели — жареную утку или жареного гуся. Я ответил, улыбаясь, что никогда не был таким господином, мне все равно, дайте что-нибудь. Они принесли от попов на подносе зажаренную утку и гуся. На каждом гусе и каждой утке был прикреплен зубочисткой клочок бумаги шириной приблизительно в три сантиметра и длиной в пятнадцать сантиметров, где было напечатано: «Дорогая университетская молодежь, не складывай оружия, борись до последней капли крови, завоевывай святую свободу». Я спросил у Т. Г., что это за доброту проявляют сейчас попы. Я видел, что вечером и в помещении «революционного комитета венгерской интеллигенции» весьма лихорадочно действовали два попа. Т. Г. ответил:

«Попы сказали, что у них есть холодильник, где они могут хранить продовольствие. А студенты помогали им, задерживая автомашины, на которых из провинции доставлялись откормленные утки и гуси, и направляли их к попам». «Есть вино и лимоны,— сказал Г.— Если захочу, возьму все это домой. Сигареты — какие угодно. Попы ведут себя молодцами».

ПОЯВЛЕНИЕ Д-РА ГУТТМАНА

Появились также шпионы и агенты западных империалистов. В здание университета на улице Серб вечером 29 октября приехала делегация из Бонна во главе с адвокатом д-ром Гуттманом. Гуттман разыскал одного из офицеров военной кафедры и, по сообщению этого офицера, попросил его о следующем:

«С группой вооруженных людей численностью в пятьдесят человек поезжайте в Вену, чтобы сопровождать материалы, которые посылаются из Вены в Будапешт». Я спросил, какие это материалы — Красного Креста или что-либо еще. Он ответил утвердительно. Я спросил, почему эти материалы должен сопровождать конвой. Г-н доктор ответил, что это нужно для того, чтобы с ними ничего не случилось. Я за это не взялся, сославшись на военные уставы, на службу, но г-н доктор сказал: «Прошу тебя покорно, все уже урегулировано с Белой Кираем, ты должен ехать. Мы уже приготовили для тебя легковую машину». Я сказал, что мне нечего делать с шофером и я не знаю, куда деть его, ибо я никогда не был столь богат, чтобы иметь легковую машину. На это д-р Гуттман ответил: «Ты можешь сам править автомобилем, и это будет не служебная, а твоя собственная машина. Выбирай: у нас есть три новых «победы» и один «гудзон». Я запротестовал и сказал, точнее попросил, чтобы по всем этим вопросам он говорил не со мной, так как у меня есть начальник, а поэтому нужно поговорить с ним. Кроме того, у меня есть семья и, как солдат, я не могу оставить страну. На это Гуттман ответил, что я могу взять в Вену свою семью и меня там обеспечат квартирой.

Так как я не соглашался, он три раза приходил ночью и любой ценой хотел уговорить меня ехать. Гуттман пришел в 22 часа 30 минут, а перед его приходом в караульное помещение вошел какой-то лейтенант госбезопасности и заявил о своем намерении поступить на военную службу в охрану. Лейтенант был в штатском. Он обнялся с начальником охраны Т. Г., и тот сразу же зачислил его в охрану. Когда я спросил, как это понять: они рассматривают со-

трудников госбезопасности как врагов, а этого лейтенанта приняли в охрану, Т. Г. ответил, что этот лейтенант — его приятель. Когда в 22 часа 30 минут явился д-р Гуттман, он горячо приветствовал этого лейтенанта. Тогда я попросил д-ра Гуттмана сказать, кем он, собственно говоря, является. Гуттман сказал: «Сейчас отвечу: я сотрудник западного разведывательного управления». А лейтенант госбезопасности добавил к этому, что «он был направлен в органы госбезопасности и работал в военном трибунале в качестве прокурора-следователя».

Автор сообщения, офицер Н., рассказал далее, что он попросил д-ра Гуттмана ввиду того, что тот занимает такой ответственный пост, разъяснить, каковы цели западной политики. Гуттман ответил:

«Создать вокруг красных нейтральную зону, чтобы они были изолированы, поскольку они способны за полвека благодаря своей политике довести дело до того, что капитализм и коммунизм будут уживаться друг с другом. В эту зону войдут Польша, Чехословакия, Венгрия и др.»

Гуттман изложил также следующую концепцию:

«Собственно говоря, опасность для цивилизованного мира заключается не только в господстве красных. Если Китай и Индия смогут прийти к общему знаменателю, тогда к ним сразу же присоединятся и арабские страны, а это опасно для цивилизованного Запада. Главная цель нашей политики состоит в том, чтобы воспрепятствовать этому...»

Вот какие элементы получали все большую свободу действий, орудуя под прикрытием групп «революционного комитета», руководившихся самыми хорошими намерениями. Типы вроде д-ра Гуттмана, кулацкие сынки типа Дечи, агенты Миндсенти объединились, чтобы методами антисоветского, националистического подстрекательства использовать в своих темных реставраторских целях обманутую часть университетской молодежи.

„Столичный национальный комитет“ на службе контрреволюции

Различные группы буржуазной реставрации в результате беспомощности правительства Имре Надя и его быстрого сползания вправо поспешили использовать положение, создавшееся в ходе октябрьских событий, чтобы захватить руководство Будапештским советом в свои руки.

В качестве представителя различных воссоздаваемых и вновь создаваемых партий был образован так называемый «столичный национальный комитет». Этот самозванный орган объявил ликвидированным избранный законным путем Будапештский совет и его Исполнительный комитет и взял власть в свои руки, захватив здание Будапештского совета.

Аналогичные события произошли и в некоторых районных советах.

В создании «столичного национального комитета» приняли участие по два представителя от следующих партий: 1) *партии мелких сельских хозяев*; 2) *социал-демократической партии*; 3) *«христианской венгерской партии»*; 4) *крестьянской партии*; 5) *демократической партии*; 6) *«союза христианской молодежи»*; 7) *коммунистической партии*.

В этот «национальный комитет» был включен также какой-то представитель «молодежи», не входивший в «союз христианской молодежи».

Включение коммунистов в этот столичный орган буржуазной реставрации преследовало ту же цель, что и временное согласие на пребывание коммунистов в правительстве Имре Надя.

Характерно появление в этом органе реставрации наряду со старыми коалиционными партиями хортистской «христианской венгерской партии», которая стремилась стать наследницей столичной христианской партии хортистских времен. Едва начав «создание партии», эта группа уже захватила несколько комнат городского совета (вместе с пишущими машинками и машинистками), чтобы создать там свой «всевенгерский центр». Помощником этой партии явился тоже вновь созданный «союз христианской молоде-

жи» — организация, напоминающая университетские и школьные «боевые союзы», корпорацию «Турул» и другие организации хор-тистских времен. Этот союз стремился занять руководящую роль в молодежном движении.

ЗАСЕДАНИЕ 1 НОЯБРЯ

1 ноября «национальный комитет» провел свое первое, а 2 ноября — последнее заседание. На обоих заседаниях председательствовал правый социал-демократ *Петер Бехтлер*. Одним из первых решений, принятых на первом заседании, было решение упразднить Исполнительный комитет Совета и *восстановить должность бургомистра*, а вместо пленума Совета восстановить старое «общее собрание». По предложению представителей партии мелких сельских хозяев бургомистром тут же был «избран» один из старых представителей правого крыла бывшей партии мелких сельских хозяев *Йозеф Кёваго*, а вице-бургомистром — *Петер Бехтлер*.

Затем *д-р Карой Зайговари* от христианской партии поспешно предложил, чтобы «национальный комитет объявил смещенными всех служащих, занимающих должности от заведующих отделами и выше». После дебатов решили, что будут уволены те, «кого не утвердит национальный комитет». Была создана подкомиссия для проверки сотрудников. В нее входили по одному представителю от партии мелких сельских хозяев, социал-демократической, христианской и крестьянской партий; в то же время коммунисты были исключены из ее состава, так как целью «национального комитета» было удаление коммунистов.

На первом заседании «национального комитета» было обсуждено «политическое решение». На этом заседании задавал тон *Зайговари*, требовавший расторжения Варшавского договора. Говоря о полном выводе советских войск из Венгрии, он заявил, что «и с точки зрения международного права в настоящий момент этого достичь невозможно. Это возможно только в том случае, если венгерское правительство — независимо от того, что мировая история знает и более грубые нарушения договоров и что даже международным правом признается правомерность нарушения договоров в случае крайней необходимости, — немедленно разорвет Варшавский договор». *Зайговари* высказался также и по вопросу о забастовках. Он сказал: «Забастовка убьет всех нас, и если мы не изменим положения и не сможем уговорить рабочих прекратить ее, то я не знаю, кто из членов Национального комитета сможет взять на себя ответственность». Однако он добавил: «Только в том случае мы можем желать, чтобы рабочие прекратили забастовку, если... правительство заявит о немедленном

расторжении Варшавского договора и одновременно объявит Венгрию нейтральной».

Нандор Билкеи Горзо (демократическая партия) сказал о Варшавском договоре, что расторжение его при создавшейся международной обстановке является опасным шагом, который может привести к такой катастрофе, «с которой не идет в сравнение даже Мохач, а посему этим факелом надо играть очень осторожно».

Кальман Потоцки (партия мелких сельских хозяев) заявил, что «он не имеет полномочий выступать по такому важному вопросу от имени своей партии». Он просил отсрочки на двадцать четыре часа, чтобы обсудить этот вопрос со своей партией. Ввиду этого принятие решения было отложено.

Распадающееся правительство Имре Надя в тот же день приняло соответствующее решение. Выполняя требования людей типа Зайговари, действовавших по указаниям «Свободной Европы», оно объявило о расторжении Варшавского договора.

ЗАСЕДАНИЕ 2 НОЯБРЯ

На заседании будапештского «национального комитета», состоявшемся 2 ноября, прежде всего снова был обсужден вопрос о смещении руководителей-коммунистов. Председательствовавший на заседании *Петер Бехтлер* заявил, что он

«совещался с заведующими отделами. Он сказал им, чтобы все занимались своим делом и ни о чем другом не беспокоились. Он не сказал, что, начиная с заведующих отделами и выше, все должности объявлены незаменными. Он не сказал этого потому, что это повлияло бы на работу. Естественно, что по мере освобождения руководящих должностей Национальный комитет будет заботиться об их замещении».

В отделе просвещения ему заявили, что заведующий отделом и его заместитель подали в отставку. Поскольку сложилась такая ситуация, было выдвинуто предложение назначить на должность заведующего отделом Собослаи, который, помимо всего прочего, является отличным педагогом. Собослаи ранее уже был руководителем этого отдела: его сместили только за то, что у него не было твердой линии в поведении. Он даже попал в лагерь для интернированных...»

Карой Зайговари от имени «христианской партии» выдвинул особое предложение: «До сих пор еще не был смещен ни один заведующий отделом. Все заведующие отделами и их заместители были назначены проклятой Венгерской партией трудящихся. Поскольку эта должность освободилась, Христианская партия со своей стороны предлагает назначить заведующим отделом просвещения столицы *профессора-пиариста доктора Иштвана Мадьяра*, и тогда Христианская партия не будет возражать против того,

чтобы его заместителем был назначен Собослаи. Революция свершилась не для того, чтобы в области образования и воспитания молодежи господствовал тот же самый дух, какой господствовал раньше».

Янош Бараньи (коммунист) выступил в поддержку назначения Собослаи, поскольку для него это назначение одновременно явилось бы и реабилитацией.

Карой Зайговари: «По поводу реабилитации имеется другое предложение: все те многие тысячи людей, которых уволили, должны вернуться в столицу. Однако пост руководителя отдела просвещения он считает исключительно важной позицией, поскольку этот пост неотделим от изменения всего духа воспитания. Он просит, поскольку имеется другое предложение, поставить на голосование вопрос о замещении этой должности».

Петер Бехтлер заявил, что «он поддерживает свое предложение, ибо Собослаи не был членом Венгерской партии трудящихся, равно как он не был и членом Коммунистической партии. Он был членом Социал-демократической партии, но недостаточно активным, чтобы выступать с речами: он был сочувствующим. Христианской партии еще представится возможность назначить своих представителей на руководящие должности. Но с этого начинать не следует, ибо если мы начнем с этого, то увлечемся этим делом, что будет мешать нашему сотрудничеству».

Карой Зайговари: «Венгерская партия трудящихся родилась путем объединения Социал-демократической партии и Коммунистической партии. Так получили свои посты все руководители отделов. Поэтому, если Христианская партия не получит пост, который просит, она будет считать, что по отношению к ней поступают нечестно».

Кальман Потоцки: «Если мы заместим эту должность днем позже, это не будет иметь решающего значения. Он заявил, что его друг, который хорошо ориентируется в делах города, отсутствует. Он же сам не знает ни одного из обсуждаемых кандидатов и поэтому не может с чистой душой занять ту или иную позицию. Поскольку он считает вопрос о руководстве образованием в столице весьма важным, он просит, чтобы решение было принято на ближайшем заседании, а он до тех пор получит необходимую информацию».

Петер Бехтлер как председатель заявил, что решение будет принято на заседании, которое состоится в понедельник (5 ноября).

Осуществляя свой план удаления коммунистов, *Зайговари* выступил также с требованием, чтобы все хортисты, удаленные после освобождения, были возвращены в городское управление и вновь поставлены во главе столичных предприятий. Возвращения бывших нилашистов и «лиц, до сих пор находящихся под некоторым

сомнением» (то есть общеизвестных военных преступников), он пока не требовал. Он явно отложил это на более позднее время, поскольку вместе с хортистами не удавалось втихую проташить обратно и нилашистов. В протоколе заседания можно прочесть об этом следующее:

«Карой Зайговари сказал, что он от имени Христианской партии желает выдвинуть предложение. Он предложил, чтобы Национальный комитет распорядился относительно того, чтобы все уволенные с 1945 года по политическим мотивам были вновь приняты городскими учреждениями и их предприятиями на те же самые места, откуда они были уволены. Однако, поскольку это не так просто сделать, он предложил дополнительно, чтобы Национальный комитет пока обратился к этим людям с призывом незамедлительно передать Национальному комитету свои заявления с указанием номера приказа об увольнении и причины увольнения, так как среди них могут быть люди, которые лучше устроились в других местах, или умерли, или не желают возвращаться на старое место. Национальный комитет должен создать комиссию, в которую войдет по одному представителю от каждой партии. Комиссия расследует этот вопрос, и, если указанные лица не являются явными нилашистами и относительно этих людей нет на сегодняшний день известных сомнений из-за их принадлежности к старому, капиталистическому миру, Национальный комитет должен восстановить их — с учетом упущенного времени — в тех рангах, которых они достигли бы, если бы честно работали в указанный промежуток времени.

Он просил Национальный комитет отнестись к решению этого вопроса с душой, так как тем самым подтвердится революционный дух комитета, а также то, что действительно произошли изменения...

Председатель Бехтлер заявил, что к нему уже обращались многие из уволенных в период между 1945 и 1948 годами и просили о реабилитации... По его мнению, каждый заинтересованный должен обращаться с письменным заявлением в Национальный комитет.

Карой Зайговари сказал, что вопрос о том, как это будет происходить, является частным. Однако он просил Национальный комитет вынести принципиальное решение о том, что столичные учреждения и их предприятия восстановят в старых должностях всех служащих, уволенных с 1945 года за политическую позицию.

Председатель: Нельзя дойти до того, чтобы заявить: «политическая позиция» — ведь среди них были нилашисты!

Зайговари подчеркнул, что он внес оговорку: все, за исключением лиц, уволенных как нилашисты...

Председатель следующим образом сформулировал принципиальное решение: тем, кто был с 1945 года уволен по политиче-

ским мотивам, Национальный комитет считает необходимым предоставить возможность реабилитации. Опубликование постановления по этому вопросу относится к практической стороне дела, и, следовательно, комитет сейчас не должен принимать решения об этом. Он попросил тех, кто принимает его предложение, поднять руки.

Карой Зайговари выступил против выражения «реабилитация». Как он заявил, его предложение сводилось к следующему: тем, кто был уволен с 1945 года по политическим причинам (за исключением уволенных за принадлежность к нилашистам или за антинародные преступления), столичные предприятия или учреждения обязаны предоставить их прежние должности. «Реабилитация» — другой вопрос.

Председатель: «То есть столица или какое-либо ее учреждение предоставляют им должности, и на этом дело кончается. Это наиболее приемлемый путь. Он объявил об этом как об официальном решении, однако просил комитет не принимать решения о его огласке. Этот вопрос надо также обсудить с Йожефом Кёваго...»

Карой Зайговари заявил, что на ближайшем заседании «национального комитета» будет внесено предложение по этому вопросу. Однако этого не произошло. После образования Революционного рабоче-крестьянского правительства и возвращения советских войск этот столичный орган буржуазной реставрации распался и перестал существовать.

Новые данные о белом терроре в Будапеште

УБИЙСТВО НА УЛИЦЕ

1 отдел Главного управления полиции Венгрии

Протокол опроса свидетеля

Составлен 20 декабря 1956 года в помещении Главного управления полиции.

Присутствуют Йожеф Немеш и лейтенант полиции Атила Гергей.

Йожеф Немеш (год рождения 1934, Будапешт, имя и фамилия матери — Эстер Бекефи; проживает по адресу: Будапешт, XVIII, улица Фаи, дом 5), студент третьего курса Экономического института. В ответ на обращенные к нему вопросы, приняв к сведению предупреждения о необходимости давать правдивые показания, рассказал следующее:

23 октября 1956 года, возвращаясь с горы Рожадомб, я в промежутки времени от 23 часов 30 минут до 24 часов подошел к мосту Маргит, где увидел следующее:

На той стороне моста Маргит, которая примыкает к Буде, собрались многочисленные группы для проверки проезжающих по мосту машин. Я свидетельствую, что через мост пропускались автомашины только с паролем «Петефи», с прочих же машин шоферов и пассажиров ссаживали под тем предлогом, что последние могут осуществлять связь, оказывать помощь или доставлять информацию Управлению госбезопасности. Подойдя к той части моста Маргит, которая примыкает к Пешту, я увидел, что движение в Буду контролируется у моста большой группой. На мосту метрах в пятидесяти от этой группы находился мужчина, державший в руке кирпич. Он имел задание останавливать машины, которые, невзирая на предупредительный знак контролирующей группы, будут следовать дальше. В это время со стороны Бульварного кольца на мост въехала темного цвета легковая автомашинка марки «гудзон-8», номера которой я не разглядел. Я только помню, что на багажнике машины была прикреплена большая буква «Н». Несмотря на приказание указанной группы, эта машина не остановилась. Наоборот, шофер прибавил газ и поехал дальше. Тогда несколько человек из толпы крикнули мужчине с кирпичом, чтобы он остановил машину. Мужчина бросил кирпич в ветровое стекло ма-

Контрреволюционеры вытащили из квартиры на бульваре Ленина партизана Ференца Сэлэши, работавшего столяром в министерстве внутренних дел

шины, когда она поравнялась с ним, после чего автомобиль остановился. Из машины вытащили шофера. Больше я этого шофера не видел, по-видимому, он смешался с толпой. Подбежавшая тем временем толпа стащила с заднего сидения старшего лейтенанта госбезопасности, на котором были шинель и пояс. Ему было около двадцати шести — двадцати восьми лет. Толпа стала его допрашивать, что происходит у Радио, что делают сотрудники госбезопасности. Многие выкрикивали угрозы и требовали бросить его в Дунай. Старший лейтенант был очень бледен и взволнован. Он несколько раз призывал людей оставить его в покое. Но к тому времени его окружили таким плотным кольцом, что он не мог пошевеливаться. Какая-то женщина из толпы ударила старшего лейтенанта железным стержнем по голове и оглушила его. Тогда многие из окружавшей его толпы, которая состояла частью из мужчин, одетых в форму трамвайщиков, а частью из женщин, схватили старшего лейтенанта и потащили к перилам моста. Женщина с железным стержнем продолжала избивать его. Наконец у перил моста его бросили в Дунай. По-видимому, он был уже в бессознательном состоянии. Машину перевернули, но когда приблизительно через полтора часа я снова оказался на этом мосту, ее уже не было.

Ничего другого рассказать по этому поводу не могу. Протокол составлен на основании виденного, что я после прочтения и скрепляю своей подписью.

Йожеф Немеш.

Атила Гергей.

ОБ УБИЙСТВЕ ФЕРЕНЦА БРОДОРИЧА

Из полицейского донесения

В полицейское управление I района Будапешта обратилась с жалобой *Ференце Бродорич*, проживающая в I районе, площадь Сена, дом № 1/а, и заявила, что на ее мужа, капитана госбезопасности Ференца Бродорича, работавшего в VI отделе МВД, в четверг 25 октября с. г. на улице Пратер (VIII район), куда он был направлен для разгона демонстрации, было совершено нападение. С него сорвали одежду и, после того как обнаружили удостоверение личности, сбросили с четвертого этажа одного из домов на улице Пратер. От полученных повреждений Ференц Бродорич умер.

„НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГВАРДЕЕЦ“ ШАНДОР ГАШПАР И ЕГО СПИСОК

Из полицейского донесения

1 декабря 1956 года полицейским управлением XVI района был задержан Шандор Гашпар, проживающий в XVI районе Будапешта, бывший заведующий одного из предприятий обществен-

Труп молодого солдата, убитого контрреволюционерами на улице Кертеc. Он был убит как «капитан госбезопасности».

ного питания, который являлся заместителем начальника «национальной гвардии» района. У Гашпара обнаружен список партработников района, составленный с целью ареста одних и казни других. Будучи заместителем начальника «национальной гвардии», он ворвался в помещение райкома бывшей Венгерской партии трудящихся XVI района, где украл различные ценности. Гашпар приказал арестовать бывшего председателя районного комитета Народного фронта Мази, бывшего секретаря по агитационно-пропагандистской работе парторганизации завода «Икарус» и начальника караула № 36 старшину полиции Шандора Шома. Кроме того, 1 ноября 1956 года Гашпар в сопровождении своих сообщников явился на квартиру *Иштвана Гала*, проживающего по адресу: Цинкота, улица Радио, дом 24. Предъявив ему обвинение в том, что он является сотрудником госбезопасности, Гашпар хотел увести его. Угрожая оружием, он пытался заставить первого секретаря райкома партии XVI района Будапешта Михая Эрдеи составить список партработников для ареста и казни членов партии. Эрдеи отказался сделать это.

О СОБЫТИЯХ 26—27 ОКТЯБРЯ НА УЛИЦЕ ТОМПА

Свидетельские показания инженера Ф. Л.

В те дни в этом районе нередко можно было видеть разгуливающих вооруженных молодых людей. Они ходили в одиночку и группами. Многие из них навевывались в отряд, расположившийся в районе кинотеатра «Корвин».

Однако 26-го утром мы увидели, что на улице осталось человека три-четыре с автоматами. Мы заметили, что они останавливали легковые машины и обыскивали пассажиров. Сначала мы думали, что эти люди охраняют находящиеся поблизости казармы имени Килиана.

Однако в первой половине дня во время обыска пассажиров одной служебной машины в руках вооруженных людей появился красный партбилет. Владельца партбилета тут же расстреляли, остальным пассажирам нанесли удары по лицу, а затем прогнали. Машину они захватили.

Ф. Л.

Будапешт, 20 декабря 1956 года.

ОБ УБИЙСТВЕ МАЙОРА ПОЛИЦИИ КАРОЯ ЯКАБА

Полицейское донесение

Карой Якаб, тридцати трех лет, родом из семьи шахтера. В семье было пятеро детей. Все они стали заводскими рабочими. Отец его, шахтер, умер рано. Дети воспитывались в трудных материальных условиях. Еще в детстве Карой Якаб наряду с учебой

в средней школе работал в пекарне разносчиком, расклеивал афиши, а также был подсобным рабочим во фруктовом саду. На заводе «Данувия» он работал до 1945 года сначала учеником токаря, а затем токарем. В 1945 году по предложению рабочих был направлен в новую демократическую полицию в качестве полицейского. В 1947 году его зачислили в офицерское училище, которое он окончил в чине старшего лейтенанта. В 1956 году произведен в майоры. В течение одиннадцати лет службы в полиции находился на политработе. В связи с октябрьскими событиями 1956 года ему была поручена охрана продовольственного склада на бульваре Горького. 28 октября, когда советские войска оставили город, Якаб собирался пойти домой из полицейского госпиталя, находящегося на том же бульваре. Когда он вышел на улицу, его убили выстрелом из-за угла. Персонал госпиталя, подобравший труп Якаба, нашел прикрепленный к его одежде лист бумаги с изображением черного креста и надписью: «Так будет с каждым врагом народа». Муж младшей сестры Якаба был убит при подобных же обстоятельствах.

Будапешт, 15 декабря 1956 года.

ОБ УБИЙСТВЕ КАЛЬМАНА ТУРНЕРА

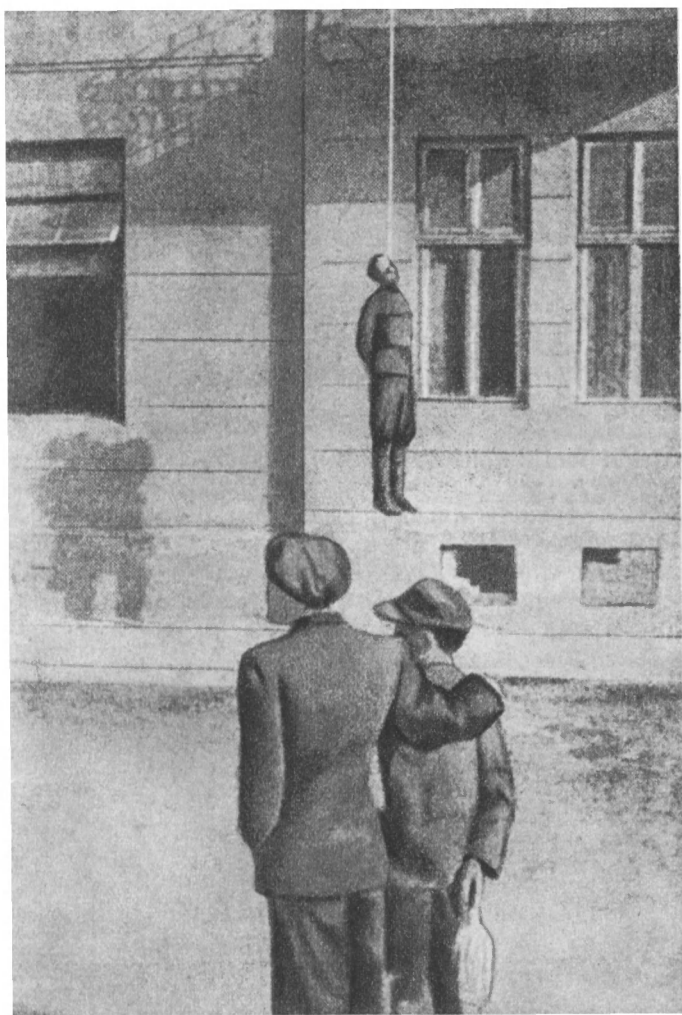
Полицейское донесение

Будапешт, 13 декабря 1956 года.

Охранный батальон Главного полицейского управления Будапешта 24 ноября 1956 года арестовал *Иштвана Мичинаи*, подозреваемого в убийстве (родился в 1917 году в Пербетэ; мать — урожденная Гермина Байда; бывший хортистский полицейский, беспартийный, последняя специальность — слесарь, венгерский гражданин). Проживает по адресу: Будапешт, XX район (Пештэржебет), улица Эрде, дом 32.

В ходе расследования выяснилось, что Иштван Мичинаи 2 ноября 1956 года явился в полицейское управление XX района и записался в «национальную гвардию». 4 ноября он встретился в полицейском управлении со своим другом Шандором Лангом, проживающим в Пештэржебете, улица Патак, дом 7. (Лангу около сорока пяти — сорока шести лет. В прошлом сержант хортистской полиции. До 1949 года служил в народной полиции, в 1949 году был оттуда уволен.) Ланг дал Мичинаи пистолет системы «вальтер» калибра 7,65 мм и пригласил его с собой, так как намеревался арестовать Кальмана Турнера, проживающего по адресу: Пештэржебет, улица Ракоци, дом 2.

Вдвоем они отправились на квартиру Шандора Ланга, на улицу Патак, дом 7, где Ланг накинулся на проживающего в том же доме

Солдат войск госбезопасности, повешенный контрреволюционерами. Снимок из венской газеты „Бильд телеграф“.

отставного полицейского Кароя Барца и хотел его застрелить. Барца спасла жена Ланга.

Оттуда они пошли на квартиру Мичинаи, на улицу Эрде, дом 32. Здесь они набросились на проживающих в этом доме Йожефа Лазара, отставного полицейского, и его жену, выгнали их из квартиры, избили, а затем Ланг хотел застрелить их обоих, чему помешала жена Мичинаи.

После этого они пришли в дом 2 по улице Ракоци, разыскивая здесь Турнера, находившегося в подвале. Во дворе они несколько раз выстрелили — Ланг из автомата, а Мичинаи из пистолета — и громко выкрикивали: «Выходи, Турнер! Выходи, уполномоченный! Выходи, товарищ Турнер, мы сейчас создадим коммунистическую партию!» После этого они ворвались в подвал, выгнали оттуда жену Турнера, их детей, а также проживающую по соседству Йожефне Келемен, а затем застрелили самого Турнера. Пуля попала Турнеру в сердце, что вызвало немедленную смерть. При убийстве не было свидетелей. По показанию Мичинаи, застрелил Кальмана Турнера Ланг. Имеющиеся в нашем распоряжении доказательства (баллистический анализ) свидетельствуют о том, что Мичинаи тоже стрелял в подвале. Совершив убийство, преступники бежали. Мичинаи позднее пришел на свою квартиру и там спрятал оружие (при обыске оно было найдено), а Ланг, по нашим сведениям, бежал из страны.

Результаты следствия подтверждаются показаниями многих свидетелей, а также медицинскими и баллистическими экспертизами.

Ласло Коллар,
ст. лейтенант полиции

ПОКАЗАНИЯ МЛАДШЕГО СЕРЖАНТА ПОЛИЦИИ ИШТВАНА ДАНОЦИ ОБ УБИЙСТВАХ НА УЛИЦЕ ПРАТЕР

*Выдержка из протокола
I отдел Главного управления полиции Венгрии*

...24 октября 1956 года я со своей автомашиной оказался возле дома № 14 по улице Пратер, где мы подверглись нападению «повстанцев». Вместе со своим товарищем Палом Сабо мы вбежали в дом № 14 и укрылись в квартире на третьем этаже. В квартире находилось четверо: двое были похожи по внешнему виду на студентов, а также мужчина и женщина. Из этой квартиры мы через окно уборной выпрыгнули во внутренний двор, а затем через окно ванной комнаты проникли в другую квартиру, как я узнал об этом позже, — бывшего хортистского подполковника. В квартире никого не было. Вскоре несколько человек, находившихся снаружи, предложили нам сдать. Они кричали, что, если мы не сда-

Коммунист Кальман Турнер, рабочий, убитый бывшими хортистскими полицейскими.

Сотрудница Управления госбезопасности, убитая контрреволюционерами.

димся, они покончат с нами, пустив в ход ручные гранаты или бутылки с бензином. Владелец просил мятежников не разрушать его квартиру и сказал, что сам ее откроет. Когда он начал открывать дверь, я стал стрелять. Мятежники открыли ответный огонь, а затем удалились.

В указанной квартире мы находились до 3 часов 30 минут 28 октября.

В окно нам было видно, что напротив, в гимназии Илоны Зрини, находится вооруженная группа, состоящая в основном из молодых людей восемнадцати-двадцати лет. Они были вооружены станковыми пулеметами, автоматами и ручными пулеметами. У многих из них были бутылки с бензином.

28 октября жители дома помогли нам спуститься в подвал. Узнав от одного девятилетнего мальчика, что мы находимся в подвале, мятежники пришли за нами, отвели в гимназию Илоны Зрини и поместили в подвале для угля.

В гимназии Илоны Зрини развернулись следующие события.

В 22 часа 28-го меня и еще десять человек, находившихся со мной в подвале, вывели во двор и построили. Многие в нашей группе могли быть офицерами госбезопасности, так как на них были офицерские сапоги. Об этом же свидетельствовали реплики, которыми они обменивались между собой. Меня не связали, очевидно потому, что я был полицейским. У всех остальных руки были связаны, и на них виднелись следы физического насилия. Разговаривать было запрещено, и, таким образом, я не мог узнать подробностей о своих товарищах.

Одного из них, бывшего старшего лейтенанта госбезопасности, связанным вывели на середину двора. Он подвергся садистским издевательствам. Сначала его били по ногам и избивали до тех пор, пока он не упал, а затем повесили за ноги на фонарном столбе во дворе. После этого армейский старший лейтенант (мужчина в кителе) длинным, тридцати-сорокасантиметровым, ножом начал наносить ему удары в поясницу и живот. Потом он отрезал у жертвы правое ухо и перерезал на ногах — выше голени — связки. Подвергшийся истязаниям товарищ был еще жив, когда человек десять мятежников привели во двор женщину лет двадцати восьми. Увидев замученного товарища, женщина зарыдала и стала просить мятежников, чтобы они не убивали ее, так как она мать троих детей и никому не принесла вреда. К ней подошел старший лейтенант и сказал: «Ну, попалась, вонючая шпионка, нужны были тебе шестнадцать удостоверений и девять тысяч форинтов?» Затем он ударил женщину ножом. Она упала. Тогда к ней подошел мужчина в арестантской одежде и, схватив за волосы, перевернул. Старший лейтенант снова вонзил нож в тело женщины. Мне показалось, что она была уже мертва.

После этого нас отвели в подвал.

24 октября днем, пока мы находились в доме № 14 на улице Пратер, мятежники, разыскивая нас, убили мужчину лет сорока двух за то, что тот не сказал, где мы находимся...

В своих показаниях я изложил чистую правду, памятуя, что несу уголовную ответственность за дачу ложных свидетельских показаний.

Иштван Даноци.

18 декабря 1956 года.

ЗАЯВЛЕНИЕ БИБЛИОТЕЧНОГО РАБОТНИКА КЛАРЫ С.

1 ноября 1956 года в 10 часов 45 минут в моей квартире появились три молодых человека, вооруженных автоматами. Произведя обыск в квартире, они заявили, что я арестована, и, втолкнув в машину, доставили *в школу, находящуюся в районе кинотеатра «Корвин»*. Во время допроса они сказали, что меня арестовали потому, что кто-то из моего дома сообщил, что я работаю в Управлении госбезопасности. Два предъявленных мною удостоверения личности, свидетельствовавшие о том, что это утверждение не соответствует действительности, не были приняты ими во внимание под тем предлогом, что если я даже и не сотрудница Управления госбезопасности, то все равно не заслуживаю доверия. После этого меня отвели в класс, где уже несколько дней томились пятнадцать мужчин, а со вчерашнего вечера и одна женщина. Многие из этих мужчин служили в Управлении госбезопасности (но большинство из них уже несколько лет как выбыло из состава УГБ). Что же касается женщины — моего товарища по несчастью, — то она служила сестрой в больнице Отто Корвина. Дома у нее остались без присмотра двое маленьких детей. В классе нас охраняли три молодых парня лет по восемнадцати, вооруженные автоматами. Число заключенных все росло. К нам привели еще двух партийных работников и несколько человек, подозреваемых в принадлежности к УГБ. Все время мы сидели на скамейках; иногда нам разрешали вставать; еду давали.

Те, кто был арестован раньше, рассказывали, что в предыдущие дни было значительно хуже: некоторых заключенных пытали, а несколько человек казнили. Время от времени к нам приходил кто-нибудь из мятежников и учинял допрос арестованным. Их поодиночке допрашивали о работе, с издевкой, грубо отзываясь о характере деятельности того или иного арестованного. Например, среди нас был переводчик, который сказал, что он переводил с французского языка. Ему сказали: «Ну, конечно, наверно, переводил человеческие жизни». Потом привели четырнадцатилетнего мальчика, который во время игры застрелил своего товарища.

Так шло время, и я все больше и больше опасалась за свою жизнь. На мое счастье, в школу заглянул журналист из редакции

газеты «Непхадшерег». Он подтвердил, что знает меня несколько лет, что я не имею ничего общего с УГБ, и попросил отпустить меня. Через полтора часа меня освободили. Потом мне сказали, что и другие заключенные были спасены. Военное командование мятежников, узнав о приближении советских частей, поодиночке разбежалось, а оборону держала только молодежь. После прихода советских войск заключенных освободили.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ЙОЖЕФА СОБАЧИ

Выдержка из протокола

Будапешт, 1 декабря 1956 года.
Йожеф Собачи, родился в 1908 году
в селе Миндсент.

Машина, на которой следовали старший лейтенант Йожеф Собачи и два его товарища, была задержана мятежниками 30 октября 1956 года, а сами они арестованы. Ниже приводится выдержка из показаний Собачи.

«Мятежники захватили меня, Хорвата и Вальде и обыскали нас. Затем всех троих отвели в здание так называемого «революционного комитета» в Уйпеште. По дороге мятежники избили меня. В комитете нас снова обыскали. У меня отняли партбилет, удостоверение личности, находившийся при мне список тридцати моих подчиненных (сотрудников МВД) и удостоверение Союза партизан. Затем сняли с меня форму и заставили надеть рваное гражданское платье. Точно так же поступили с Вальде. У Хорвата отобрали только удостоверение личности. Затем меня, Хорвата и Вальде поместили в маленькой комнате в здании комитета, поставили вооруженную охрану и запретили разговаривать друг с другом.

Через пять минут началось так называемое следствие. Первым на допрос повели меня. В комнате, где я оказался, за столом сидел Коша, слева от него — мужчина лет тридцати, высокий и худой, с маленькой козлиной бородкой на узком бледном лице. Меня посадили на стул. Вокруг находилось пятнадцать человек с автоматами. Не помню точно кто, но кажется Коша, спрашивал, куда и зачем мы ехали... Допрашивавшие обвиняли меня во лжи. Находившиеся в комнате автоматчики несколько раз ударили меня по шее и голове. Они кричали, что выдадут меня на расправу толпе. Кто-то из присутствовавших приказал мне снять сапоги. Я сделал это. Затем меня заставили стать голыми ногами на стол. Я подчинился и этому. Тогда мужчина, заставивший меня снять сапоги, начал бить меня по пальцам ног шомполом, стремясь попасть по ногтям и сорвать их. Боль была ужасной, и я зарыдал, но потом, так как пытка продолжалась, мои ноги поте-

**На труп полицейского, убитого
мятежниками, бросили партийный
билет, а в рот воткнули
сигарету.**

Убитый армейский офицер

ряли чувствительность. Я не могу вспоминать об этом без содрогания. Я и сейчас плачу, вспоминая эти мучения. Потом меня заставили надеть сапоги. Распухшие ноги никак не хотели повиноваться, но меня заставляли, и я, пересилив боль, выполнил приказ и с большим трудом встал на ноги. Стоявший за моей спиной автоматчик приказал мне повернуться лицом к стене, так, чтобы нос касался стены. Он нанес мне сзади такой сильный удар, что у меня изо рта и носа потекла кровь, которую я не мог вытереть.

Тогда на пол посреди комнаты была поставлена тарелка, и мне приказали наклониться над ней, упереться в нее указательным пальцем и в таком положении ходить вокруг тарелки. Кровь текла на пол и в тарелку. Я попробовал рукавом левой руки стереть кровь с лица, но получил за это сильный удар. Так меня заставляли ходить вокруг тарелки до тех пор, пока я не упал, потеряв сознание. Тогда мужчина с козлиной бородкой плеснул мне в лицо водой, и я пришел в себя. Меня снова заставили кружиться вокруг тарелки, опершись на нее указательным пальцем. Я снова потерял сознание. Тогда меня вновь облили водой и заставили кружиться вокруг тарелки.

За это время человек с козлиной бородкой дважды звонил в полицейское управление XXI района, требуя проверить и сообщить ему о моей деятельности в МВД. Эти жестокие издевательства продолжались с 9 до 11 часов вечера. Затем меня отвели в подвал и, заявив, что здесь расстреляют, заперли в отдельную каморку. Где в это время находились Хорват и Вальде, мне неизвестно.

В 12 часов ночи те же самые люди вновь вызвали меня к себе, и начался новый допрос, который продолжался до 5 часов 30 минут утра следующего дня. В своих подсчетах я могу ошибиться на несколько минут, но заявляю, что «допрос» длился около пяти часов. Это был не допрос, а непрерывные истязания. Меня били за то, что я якобы был командиром отделения в органах госбезопасности, за то, что за долгую службу, с 1945 года, у меня не было взысканий ни по служебной, ни по партийной линии, за то, что я старший лейтенант, за то, что плачу большие партвзносы (в соответствии с зарплатой я платил 50 форинтов ежемесячно). Они требовали, чтобы я рассказал им о содержании пакета, который я вез для провинциальных органов как связной. Они требовали также, чтобы я рассказал содержание тех разговоров, которые велись среди командования МВД и которые я слышал. Когда я не выполнил этого требования, объяснив, что ничего не знаю, меня снова принялись избивать. Били меня и за то, что я назвал их садистами. Во время этих пыток меня несколько раз выводили во двор и угрожали, что передадут мятежникам, которые ожидают у входа в комитет и уже приготовили веревку, чтобы повесить меня. В заключение они избили меня за то, что я не дал таких показаний, кото-

рых они от меня ожидали, и за то, что из-за меня они не спали всю ночь.

Около 5 часов 30 минут утра меня повели в подвал. По дороге они грозили пристрелить меня, если я сам не найду дорогу туда. Они заявляли также, что мне все равно не миновать смерти и что советские солдаты не спасут меня от нее.

Так закончилась моя первая ночь, проведенная в так называемом «уйпештском революционном комитете».

Больше, чем другие, избивали меня человек с козлиной бородкой, моряк и худой тип, заставивший меня снять сапоги. Однако меня били и другие присутствовавшие на допросе вооруженные люди. Когда я вновь оказался в подвале, на меня наложили холодный компресс. Я думал, что пытки на этом кончились. Однако это было не так. Теперь меня начали истязать и издеваться надо мной те, кто был в охране. В подвал приходили различные вооруженные люди и заставляли меня становиться на пятки, а затем по нескольку раз приседать. Несколько раз меня били головой об стену, потом привязали к стене кисть руки и сказали, что будут стрелять по каждому пальцу. Находившийся там парень, которого звали Тот, нанес мне несколько ударов пистолетом по руке.

В мою камеру пустили группу уголовных преступников, которые с издевкой заявили, что убьют меня, и спрашивали, каково мое последнее желание. Я ответил: «Передайте привет моей жене и двум детям». В ответ я услышал, что они уже были у меня на квартире и видели жену и дочь. Уголовники столь точно описали внешность моей жены и дочери, что я совершенно не сомневался в том, что они действительно побывали у меня дома.

Когда они ушли, я заметил, что на полу валяется резиновый шланг. Я сделал из шланга петлю, накинул ее себе на шею, а конец его привязал к трубе водопровода. Но когда я сделал попытку повеситься, резиновая трубка оборвалась. Я решился на этот шаг под влиянием пыток и издевательств, вконец расшатавших мои нервы, ибо потерял надежду сохранить жизнь.

Сейчас я не могу точно восстановить последовательность дальнейших событий по дням и часам, ибо мое заключение в подвале уйпештского комитета было сплошным ужасом. Я сидел в темной камерке, потеряв представление о времени. Ко мне приходили все новые и новые люди и били меня без конца. Приблизительно 2 ноября 1956 года ко мне вошли три человека, среди которых был и молодой парень по имени Тот, о котором я упоминал раньше. Тот заявил, что, если я люблю своих детей, я должен согласиться стать палачом коммунистов и парработников. Если я дам согласие, меня сразу же отпустят. Вконец измученный, я заявил, что принимаю это предложение. В действительности я ни минуты не думал стать палачом. Я согласился на это только потому, что на-

деялся получить пистолет и потом покончить с собой. Однако оружия мне не дали. Они не поверили мне и снова начали мучить меня. Вечером 2 ноября в мою каморку вошел мужчина очень высокого роста в кожаном пальто. У него было морщинистое лицо, большая голова и маленькие усики. Бросив мне веревку, он сказал, чтобы я до утра повесился. И объяснил, что такая смерть будет более легкой, чем казнь, которой они меня подвергнут. Это не произвело на меня особого впечатления, так как перед этим ко мне приходил человек в форменной фуражке, спрашивавший, кто меня допрашивал и избивал, и заявивший, что меня освободят. Опасаясь, что мое признание повлечет за собой новые пытки, я не назвал своих мучителей. Обессиленный, я даже не мог встать с пола. 3 ноября 1956 года я заметил в комитете какое-то замешательство. Мне принесли метлу, и я подмел свою каморку. Вечером пришли двое мужчин и увели часть арестованных из подвала.

В 9 часов меня и еще семнадцать человек отвели в здание прокуратуры IV района...

...До 5 ноября мы оставались в этой комнате. Потом старик отвлек внимание мятежников, а его жена вывела нас группами по два-три человека на улицу. Четыре дня я скитался по подвалам и улицам Уйпешта и лишь после того, как советские войска появились на Чепеле, отправился домой. Там мне стало известно, что бандиты четыре раза врывались в мою квартиру, сломали замок и украли мои вещи...»

„ОХОТНИКИ ЗА СКАЛЬПАМИ“ В ЗДАНИИ ГАЗЕТЫ „САБАД НЕП“

Выдержка из материалов следствия

Компания контрреволюционеров, орудовавшая под руководством Дудаша и захватившая здание газеты «Сабад неп», насчитывала несколько групп. Одной из них была так называемая группа Дяди Фери. Этот Дядя Фери, настоящее имя которого Ференц Палхаз, был старым хортистским офицером. В его группу входили также три «легионера», прибывшие в Венгрию с оружием с Запада на санитарной машине. Эти «легионеры» были вооружены немецкими винтовками с оптическим прицелом и станковым пулеметом немецкого производства. Группу Дяди Фери называли «охотниками за скальпами», поскольку специальной задачей группы был захват сотрудников госбезопасности, руководящих государственных и партийных работников. Они же и казнили захваченных. 4 ноября вечером они убили прокурора Иштвана Шаркади, старшего лейтенанта Пала Фодора и захваченного советского солдата. Допросив захваченных, Дядя Фери и члены его группы отвели их ночью в переулок позади универсама «Корвин» и расстреляли.

Этот ужасный снимок, изображающий преданный поруганию труп зверски замученного и казнённого армейского офицера, был опубликован в специальном номере американского журнала „Лайф“.

Контрреволюционные отряды убили несколько сот венгерских рабочих, крестьян, служащих и представителей интеллигенции, производили массовые аресты тех, кого они намеревались физически уничтожить.

В тюрьмах столицы и в руках различных вооруженных групп утром 4 ноября находилось более полутора тысяч коммунистов, бывших сотрудников госбезопасности, партийных работников и ответственных государственных служащих. Так, например, в пересыльной тюрьме в Кёбанье находилось около 400 работников госбезопасности и 104 партийных работника; в Главном управлении полиции Венгрии — 107 работников партийного аппарата и несколько сотен сотрудников госбезопасности. В районе кинотеатра «Корвин» 4 ноября было освобождено около ста заключенных.

Следует учесть, что в тот период коммунисты еще были в правительстве и на территории Венгрии находились советские войска. Все это вынуждало организаторов белого террора быть осторожными. Они не осмеливались *полностью* проявить себя. Они готовились к новым, еще более кровавым расправам. На это указывает и то обстоятельство, что различные контрреволюционные органы и группы составляли списки людей, подлежащих аресту и уничтожению. В некоторых районах Будапешта, например на улице Енё Ландлера, в районе горы Напхедь в Буде и в других местах, на дверях квартир коммунистов рисовали кресты.

Из всего этого можно сделать вывод, что контрреволюция готовилась к широким кровавым репрессиям. Эти репрессии были предотвращены благодаря тому, что 4 ноября советские войска возвратились в Будапешт.

Новые данные об осаде Будапештского горкома партии

В первом выпуске «Белой книги» мы уже рассказывали о нападении на Будапештский горком партии. Мы считаем необходимым дополнить опубликованные данные выдержками из двух донесений и полицейским протоколом. Одно донесение сделано начальником охраны, другое — заведующим хозяйством горкома, а протокол полиции содержит заявление служащей, подвергшейся издевательствам.

ВЫДЕРЖКА ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ЛЕЙТЕНАНТА ИШТВАНА ТОМПА, НАЧАЛЬНИКА ОХРАНЫ ГОРКОМА ПАРТИИ И ГОРКОМА СОЮЗА ТРУДЯЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ НА ПЛОЩАДИ РЕСПУБЛИКИ

«23 октября 1956 года в 18 часов я с младшим лейтенантом Варкони и сорока пятью бойцами войск госбезопасности прибыл к зданию горкома на площадь Республики. Бойцы были двадцати-двадцатидвухлетними парнями, призванными на военную службу в 1955 году. Начальником охраны был я. Я имел задачу принять оборону горкома и всеми средствами защитить здание и находившихся там сотрудников. До событий 23 октября помещение охранялось только тремя сержантами полиции.

О своем прибытии я сразу же доложил секретарям Горкома партии товарищам Имре Мезё и Марии Надь, а затем на основании договоренности с ними приступил к организации охраны и расстановке постов. Мои бойцы были вооружены как обычно. Имелось холодное оружие; у командиров отделений были автоматы, а у офицеров — пистолеты. Я расположился на втором этаже, а товарищ Варкони — на третьем... На следующий день утром, 24 октября, прибыло подкрепление — три советских танка под командой капитана, а также бронетранспортер со смешанным экипажем, состоявшим из советских солдат и венгерских курсантов училища связи, под командой лейтенанта-артиллериста, который одновременно являлся переводчиком. Солдаты, так же как и танки, находились там до воскресенья...

Американский журнал „Лайф“ в специальном ноябрьском номере опубликовал эти три снимка, на которых показан расстрел контрреволюционерами шести молодых солдат после захвата горкома ВПТ на площади Республики. Четверо из них были убиты.

...Настроение личного состава охраны в эти часы все более ухудшалось. Они не понимали, что означает переданное по радио распоряжение о роспуске Управления госбезопасности. Я объяснил им, что это относится только к оперативным органам, что же касается вооруженных сил по охране порядка, то необходимость в них сейчас больше, чем когда-либо раньше. Тогда бойцы приняли решение защищать горком всеми силами, не щадя собственной жизни.

30 октября около 9 часов утра доложили о скоплении вооруженных лиц. Несколько позже у полицейских из прежней охраны, охранявших здание снаружи, несколько вооруженных людей расспрашивали о работниках госбезопасности. Они ворвались в здание и пытались проверить у охраны документы, но мы их вытеснили, а их главаря я задержал и отвел к товарищу Мезё, который допросил его и распорядился арестовать.

Пока еще не было сделано ни одного выстрела, но приготовления на площади не сулили ничего хорошего. Там скапливалось все больше и больше вооруженных людей, которые вели себя все более шумно.

Штурм начался залпом из пехотного оружия. По моему мнению, штурм был хорошо организован. Нет никаких сомнений в том, что у мятежников были военные руководители, получившие специальную военную подготовку.

До полудня «фронт» перед зданием оставался без изменений. Мятежникам не удалось приблизиться к зданию. Находившийся в горкоме армейский полковник Асталош сказал мне, что министерство обороны обещало прислать помощь, так что нам надо продержаться до прибытия подкреплений. Обещали также прислать помощь из казармы имени Самуэли. Но никто не прибыл.

Около полудня начался артиллерийский обстрел. Сначала вел огонь один танк, а потом на здание горкома обрушился сосредоточенный огонь трех танков. К этому времени у нас уже было много раненых. Толпа на площади продолжала расти. Мятежники заняли крыши прилегающих зданий и вели огонь и оттуда».

О событиях, развернувшихся после штурма, когда защитники прекратили сопротивление, лейтенант Томпа сообщил следующее:

«Вооруженные мятежники ворвались в здание. Начался невообразимый хаос и анархия. Они разрушали, ломали, громили, грубо оскорбляли женщин, дико орали, зверски избивали захваченных парработников.

Вместе с мятежниками в дом вошел пожилой седой рабочий, и когда негодяи хотели наброситься на нас, он их остановил. Потом он достал нам штатское платье и помог таким образом бежать нескольким членам охраны.

На площади перед Горкомом партии творилась страшная неразбериха: люди бесцельно кидались в разные стороны, руководства и управления не было, слушали того, кто кричал громче других. Танки ушли, вместо них появились шикарные автомобили. Приехавшие на этих машинах люди все время щелкали фотоаппаратами.

Они фотографировали казнь армейского полковника Паппа, которого убили самым зверским образом. Лицо и верхнюю часть туловища полковника облили бензином, а затем повесили его за ноги и подожгли...

Когда вечером в день штурма я в штатском платье покидал здание горкома, на площади еще стоял запах горелого мяса, продолжались грабежи, валялись трупы наших убитых товарищей, а вооруженные «повстанцы» топтали ногами тела убитых коммунистов, плевали на них.

Охрана осталась верна своей клятве: она стойко сражалась, истекая кровью. В живых нас осталось всего несколько человек. Младший лейтенант Варкони и большинство рядовых солдат были убиты».

Эти снимки об убийствах на площади Республики также опубликованы в специальном номере журнала „Лайф“.

ЗАЯВЛЕНИЕ О ПОИСКАХ „ТАЙНОГО ПОДЗЕМЕЛЬЯ“

Это заявление написано заведующим хозяйством горкома, которого 2 ноября взяли на квартире и привели на площадь, чтобы он показал вход в несуществующее «тайное подземелье».

«Работами на площади Республики [речь идет о провокационных раскопках, начатых в поисках несуществующего «тайного подземного подвала». — *Составит.*] руководили один подполковник и очень вертлявый человек в штатском. Там работало много машин (буровая машина, экскаватор и т. п.). В течение трех часов они все время обсуждали вопрос о том, где находится вход в подземелье. Планировка здания была им очень хорошо известна по документации и личному наблюдению. Они знали все закоулки подвала лучше, чем я.

Стремясь узнать, чем, кроме массовой истерии, можно доказать, что здесь имеется тайный подвал с находящимися в нем людьми, я спросил у них:

1. Если вы сведущие в технике люди и имеете в распоряжении все технические средства, чем вы объясните тот факт, что на глубине 20—30 метров не можете обнаружить подземелья с людьми, в то время как на гораздо большей глубине, в несколько сот метров, уже можно обнаружить уголь, нефть и т. п.?

2. Почему вы не позовете сюда проектировщика и строителя здания?

3. Почему в своих поисках вы не следуете за электрическими кабелями и трубами?

На эти вопросы они дали уклончивые ответы и начали говорить о другом. Во время этого разговора к нам подошел руководитель бурильщиков. Он доложил подполковнику, что они прошли слой глины и мергелей, и стал убеждать его, что было бы напрасно бурить дальше в этом месте. Ответом был приказ: «Передвиньте буровую машину на пять метров в сторону!» В разговор время от времени вмешивались и другие офицеры.

Раскопки и бурение велись перед горкомом, перед театром, в сквере на площади, на улице Ракоци, на площади Бароша и позади театра, но нигде не было найдено даже следов какого бы то ни было подземелья или подземного хода.

Эти люди ясно видели полную бессмысленность своих раскопок, однако они неоднократно подчеркивали, что «это дело вышло уже даже за пределы страны». Человек в штатском сказал: предположим, что вы правы и никакого тайного подземелья не существует. Было бы хорошо прекратить дело. Но как нам это сделать, чтобы не скомпрометировать себя? Вы должны помочь нам в этом!

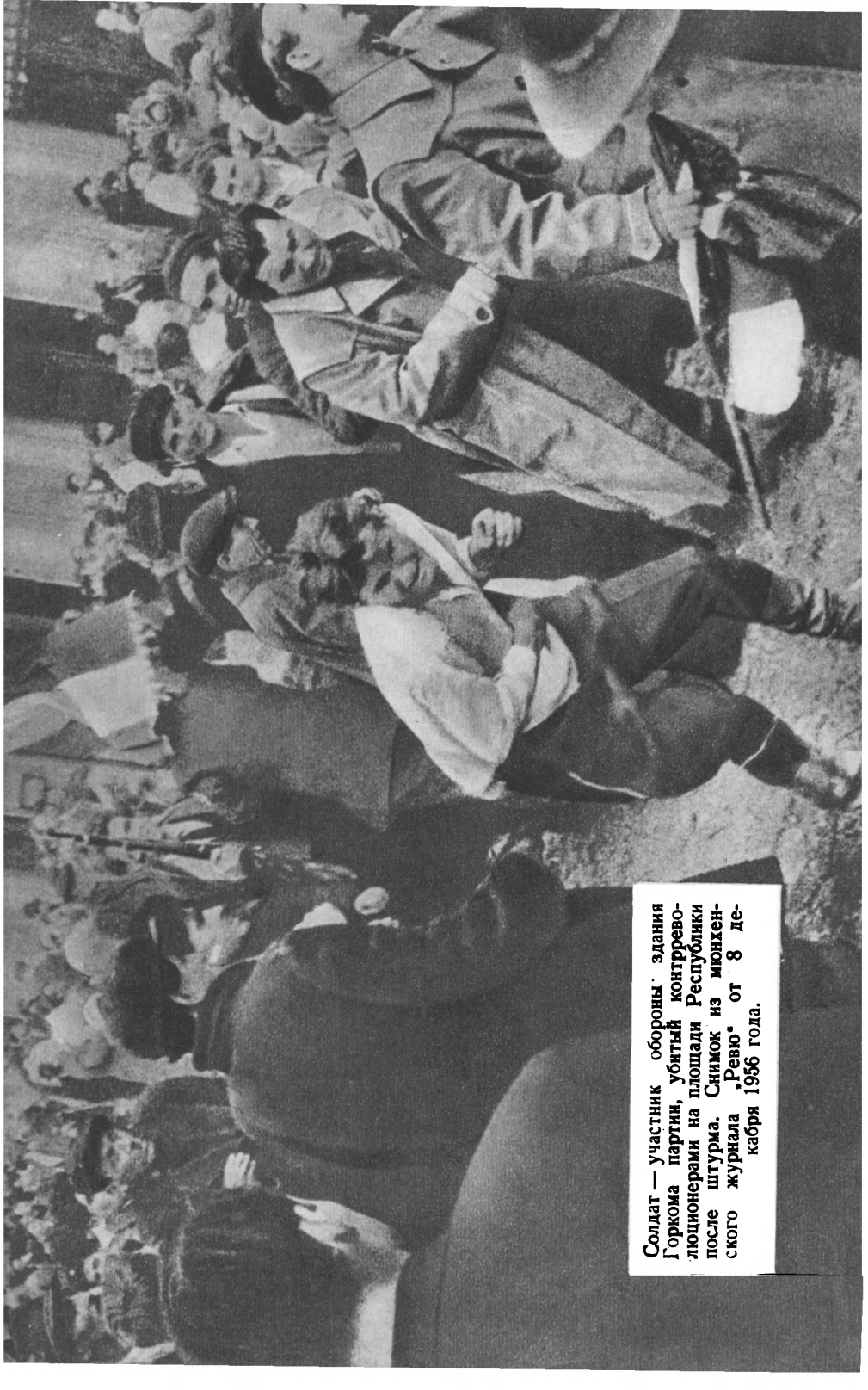
Я ответил: пусть те, кто копает, подойдут ко всем вырытым ямам и удостоверятся, что там не слышно никаких звуков. То же

Зверства контрреволюционеров перед Гор-
комом партии на площади Республики после
штурма здания. Снимок из журнала „Эпока“
от 11 ноября 1956 года.

Так истязали контрреволюционеры свои жертвы на площади Республики. Снимок из журнала „Дейче вохе“ от 14 ноября 1956 года.

Солдат — участник обороны здания Горкома партии, убитый контрреволюционерами на площади Республики после штурма. Снимок из монетного журнала „Ревю“ от 8 декабря 1956 года.

самое проделайте с тремя корреспондентами, и пусть в газетах после этого появится сообщение, что никакого подполья не существует.

Мне ответили: идея неплоха, но воспользоваться ею мы не сможем. Истерия приняла такой размах, что нам уже не поверят, а тогда дело будет плохо; надо бурить дальше.

Будапешт, 15 декабря 1956 года.

Иштван Кертес,

завхоз горкома на площади Республики

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА НАД СЛУЖАЩЕЙ АГНЕШ КЕЛЕМЕН

«Протокол»

Будапештское управление МВД, полицейское
управление VII района

Будапешт, 30 ноября 1956 года.

Агнеш Келемен (родилась 12 марта 1930 года в селе Дьёрсентиван, имя и фамилия матери — Гизелла Кирай) проживает по адресу: Будапешт, VII район, площадь Бароша, дом 17. Административный работник секретариата Совета министров.

Я хотела бы рассказать следующее.

28 октября 1956 года я пошла в горком. Там в это время работал инструктором ЦК мой старший брат. Раньше, в 1949—1952 годах, я тоже там работала: сначала в отделе кадров, а потом секретарем у товарища Мезё. Я думала, что, придя в горком, смогу помочь товарищам, если будет какая-нибудь канцелярская работа. Во время штурма горкома я находилась в одной из комнат третьего этажа вместе с товарищами Евой Каллаи, Идой Чайес и одним сотрудником Горкома партии, имени которого я не знаю. После захвата горкома, когда мятежники уже заняли все здание, мы вышли в коридор, где ко мне привязался какой-то контрреволюционер. «С этой проституткой из УГБ я сам расправлюсь», — заявил он. Меня вывели на улицу и провели перед десятью изуродованными трупами, пригрозив, что и со мной будет то же самое. Многие из толпы, проходившей мимо, пинали меня, а потом, повалив на землю, стали топтать ногами и рвать на мне одежду. Затем мне приказали надеть полицейскую шинель и встать к стене, заявив, что расстреляют меня. Я отказалась взять шинель. Тогда по совету одной женщины с меня сорвали юбку, а потом трико, крича, что «так будет с каждой вонючей проституткой из УГБ».

Я не могла оправдываться, мне не давали даже слова вымолвить, потому что толпа все время редела и двигалась к зданию горкома, откуда то и дело выводили товарищей и толкали их в толпу.

Контрреволюционеры истязают служащую Агнеш Келемен на площади Республики.

Когда я почти потеряла сознание, кто-то крикнул, что надо посмотреть мои документы. У меня отобрали сумочку с находившимся в ней кошельком, в котором было 400 форинтов, и начали смотреть документы. Мужчина, отобравший их у меня, стал проталкиваться к машине скорой помощи, откуда вышли два человека и помогли мне сесть в машину. Так я попала в больницу Анны Колтои. У меня были небольшие повреждения, растянуты связки на руках и ногах, разбиты рот и ухо, руки и ноги все в синяках... В больнице я попросила юбку, сказав, что живу поблизости и пойду домой. Там была врач или медсестра, не знаю точно ее должности. Она сказала, чтобы мне ничего не давали, потому что, может быть, я еще окажусь нужна. Находившаяся в машине скорой помощи медсестра попросила этого врача дать мне что-нибудь успокаивающее, ибо пульс у меня был 140, но женщина-врач даже не ответила... а потом, когда мятежники снова пришли за мной в больницу, она выдала меня им без всяких разговоров. Я даже слышала, как в ответ на чей-то упрек, что это неправильно, она сказала: «Чего она пошла туда? Кто ее послал? Не будем делать из больницы поле боя. Пусть идет и отвечает за свои дела». Два молодых парня (я их запомнила) увели меня из больницы в школу на улице Пратер, где они искали какого-то «большого начальника». Поскольку его там не было, меня отвели к кинотеатру «Корвин», где меня допрашивали два человека (я хорошо запомнила их лица). Там они пытались при помощи угроз выпытать у меня, сколько сотрудников госбезопасности находилось в горкоме и какие там подвалы. Я не ответила на эти вопросы, сославшись на то, что попала в горком совершенно случайно и если бы знала, что там имеется подземелье, то, конечно, пошла бы туда.

Вечером меня отпустили, вернее, я попросила, чтобы меня отпустили домой, потому что в больнице я одолжила юбку. Кроме того, я была без чулок, мое пальто осталось в горкоме, а кофточка висела на мне ключьями. Меня довели до универмага «Диватчарнок», а оттуда я пошла домой.

Должна сообщить еще следующее: пропуск и удостоверение личности у меня отобрали. Когда надо мной издевались у горкома, я видела, что меня фотографируют.

Больше ничего рассказать не могу. Вышеизложенное соответствует истине, что по прочтении я скрепляю своей подписью.

Лайош Вем.

Агнеш Келемен».

Контрреволюционные выступления в провинции

В первом выпуске книги «Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях» мы рассказали о преступлениях, совершенных белыми террористами во многих провинциальных городах и селениях. Ниже мы дополняем это новыми фактами и данными о террористических актах, грабежах и покушениях контрреволюционеров.

КТО ПРОНИК В „РЕВОЛЮЦИОННЫЕ“ ОРГАНЫ

В конце октября и в первые дни ноября в большинстве городов и сел образовалось новое руководство, возникли новые органы власти. Политические представители контрреволюции выступили в этих органах вместе с уголовными преступниками, стремясь отеснить, запугать и подвергнуть преследованиям сторонников социализма. На арену вышли все, кто пытался ловить рыбку в мутной воде. Вот несколько примеров.

В городе *Чонград* бургомистром был избран некий *Пирошка*, который в 1919 году, как и пресловутые Михай Франция Киш и Иван Хейяш, был руководителем белогвардейского террористического отряда. Тогда в результате его террористической деятельности в Чонграде погибло тринадцать человек (он приказал бросить бомбу в толпу во время бала). В 1956 году этот Пирошка в течение трех дней был бургомистром Чонграда.

В городе *Шаторальяуйхей* председателем так называемого «революционного комитета» района был бывший хортистский нотариус *Прагаи*, а членами комитета — бывший сборщик налогов *д-р Хантош*, помещик *д-р Холло* и другие.

В городе *Ниредьхаза* председателем «областного рабочего (!) совета» являлся выходец из кулацкой семьи *Ласло Силади*, окончивший разведывательную школу гестапо. Его «сотрудниками» были кулак *Дежё Кабаи*, *д-р Антал Лендьел*, осужденный за антинародные преступления, хортистский офицер *Дьёрдь Лупкович*, сын бывшего хортистского губернатора области *Саболч-Сатмар Андраш Томошовски* и другие.

В *Ниредьхаза* хортистский унтер-офицер из юташской школы и бывший член королевской гвардии *Йштван Пинтер* надел свой старый парадный мундир с орденами и направился к казарме «добывать оружие», выкрикивая: «Двенадцать лет ждал я этого дня!». С помощью своих сообщников он приступил к созданию местных охранных отрядов.

В *Дебреценский* так называемый «социалистический революционный комитет» наряду со многими честными и поддерживающими социализм рабочими и интеллигентами проникли и такие лица, как ассистент *Ласло Деде*, являвшийся одним из главных организаторов контрреволюционных элементов, кондуктор автобуса *Дьюла Калло*, известный всем в Дебрецене как мошенник, пьяница, развратник и дебошир. Важную роль в комитете играл писатель *Лайош Эери*, человек с анархистскими наклонностями, который, поскольку правительство Имре Надя ему «не подходило», начал создавать дебреценское контрправительство, намереваясь сам его возглавить. Этот комитет, состоявший из хортистских офицеров, юристов и других хортистских элементов, создал «совет внутренней безопасности». На него была возложена задача устраивать облавы на коммунистов, проводить обыски, вести так называемую разведывательную работу, а затем подготовить и учинить антикоммунистический погром. В дебреценской ратуше «революционный ведомственный совет», руководимый реакционными адвокатами, взял власть в свои руки и удалил заведующих отделами — членов коммунистической партии, а их функции распределил между своими членами. Раздобыли и кандидата в бургомистры, а именно господина *Кёлчеи*, бывшего бургомистра Дебрецена. Все эти дебреценские «комитеты» активно поддерживались самыми различными элементами вроде известного бездельника *Дьюлы Ковача* (блатная кличка — Помпилиус), *Имре Ороса*, сына бывшего владельца крупнейшей в городе корчмы, ученика средней школы, представителя «золотой молодежи» и заведомая дебреценских экспрессо, который, между прочим, после 4 ноября бежал на Запад, и тому подобными типами. В дебреценском «комитете» появился и бывший фашистский вице-губернатор *Кальман Тома*, намеревавшийся получить свою вице-губернаторскую пенсию.

В рабочие советы многих дебреценских предприятий, в среду честных рабочих проникли враждебные элементы. Так, на посту председателя временного рабочего совета Дебреценского трамвая оказался бывший жандарм-нилашист *Шандор Доби*, а председателем рабочего совета завода сельскохозяйственных машин стал контрабандист и спекулянт валютой некий *Гал*, имевший несколько судимостей и выпущенный из тюрьмы. Временный рабочий совет предприятия общественного питания «реабилитировал», выдав 15 тысяч форинтов, бывшего бухгалтера этого предприятия, кото-

рый в 1944 году служил в чине офицера в войсках СС, а затем, работая главным бухгалтером, совершил крупную растрату. Временный рабочий совет бойни был создан главным образом из бывших кулаков-мясников. Этот совет, угрожая смертью членам коммунистической партии, работавшим на предприятии, заставил их побросать свои партбилеты в горящую печь.

В Дебрецене взломщик *Эндре Виллани*, осужденный в свое время сначала на полтора, а затем в июне 1956 года на три с половиной года тюремного заключения, нарядился «национальным гвардейцем». После того как он соответствующим образом подтвердил, что «освободился», его приняли на службу и поручили охрану казенного имущества.

В *Надькалло* во главе вооруженного отряда оказались бывший хортистский офицер *Карой Надь* и офицер хортистской полиции *Меньхерт Ваш*.

В *Ченгере* власть захватили бывший уездный начальник *д-р Пал Эчеди* и бывший хортистский главный советник полиции *д-р Геден Эчеди*.

В селе *Калл* возник так называемый «каллский христианский венгерский национальный революционный комитет». Среди его руководителей были такие люди, как бывший кандидат в депутаты и вербовщик голосов от партии *Баранкович Карой Томпа*, бывший член местного руководства нилашистской партии *Янош Иглоди* (председатель комитета) и *Андраш Банхеди*, тоже бывший нилашист.

В «революционном комитете» *Эгерского района* на посту председателя также оказался хортистский уездный начальник *д-р Иштван Сомбати*, а его сотрудниками стали капитаны хортистской армии *Лайош Вёрёш*, *Лайош Сабо* и *Лайош Келё*.

В селе *Полгар* также возник так называемый «революционный комитет». Среди его членов были *Иштван Палоташ*, осужденный на три с половиной года за растрату и незаконный переход границы, *Ференц Ковач*, отсидевший восемь месяцев за кражу леса, бывший кладовщик железнодорожного склада *Режё Боршоши*, осужденный на пять лет за ограбление вагона, и подобные им лица.

Но политические представители реставрации и другие преступники попадали не только в такие псевдодемократические организации. Шло организованное освобождение из тюрем уголовного сброда и его вербовка в контрреволюционные отряды. В городе *Дунапентеле* во время митинга на улице раздался следующий призыв: «Офицеры СС, унтер-офицеры из юташской школы, бывшие жандармы, становись!». Разумеется, это был такой митинг, на котором не позволили выступить секретарю горкома партии *Ласло Коча*.

В селе *Бешеньётелек*, область *Хевеш*, *Янош Визи*, осужденный на пожизненное заключение и освобожденный из тюрьмы города *Вац*, принял деятельное участие в контрреволюционных выступлениях.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНИКОВ И АРЕСТЫ

Вполне естественно, что выборные руководители советов и других демократических органов стояли на пути контрреволюционеров. Поэтому и в провинции многие из них также были арестованы. Так, аресту подверглись *Фекси*, председатель Совета области *Саболч*, и первый секретарь Саболчского обкома ВПТ *Шандор Варга*. То же самое произошло с председателем горсовета *Дебрецена Яношем Менешем* и председателем Совета области *Хайду Лайошем Татар Кишем*. Между прочим, газета «Дебрецени хирлап» в номере от 3 ноября в своем сообщении, набранном крупным шрифтом, писала об этих арестах так, как будто бы они были произведены «на основании решения рабочих советов и революционных комитетов». Кроме указанных лиц, были арестованы еще двадцать девять коммунистов, среди которых многие во время «допроса» подверглись избиению и грубым оскорблениям. Ассистент *Ласло Деде* как заместитель председателя «революционного комитета» арестовал также секретаря партийного комитета университета. В *Бешеньётелеке* был арестован председатель исполкома *Ласло Ваднаи*, в *Дунапентеле* — начальник гарнизона капитан *Надъери*; в воинской части, расположенной в городе *Залаэгерсег*, — офицеры *Янош Дярмати Хорват* и *Ласло Хорват*. В городе *Шаторальяуйхей* были взяты в качестве заложников секретарь райкома партии *Иштван Сюч*, армейские капитаны *Янош Папп* и *Ласло Кёмювеш*.

Группы контрреволюционеров и преступников, изгонявшие и арестовывавшие таким путем представителей демократических, прогрессивных сил во многих районах страны, совершили самые тяжкие уголовные и политические преступления. Стремясь привлечь на свою сторону как можно больше неустойчивых людей, контрреволюционеры часто использовали радиостанцию «Свободная Европа», с одной стороны, для того, чтобы получать через нее необходимые указания и поддержку, а с другой, — используя террористические методы, они добивались того, чтобы радиостанция воздействовала на возможно более широкие массы и поставила их на службу контрреволюционным целям. Например, «национальный комитет» города *Мако* отдал письменное распоряжение заведующему местным почтовым отделением, чтобы городской радиотрансляционный узел транслировал не программу будапештского радио, а передачи «Свободной Европы», что и было сделано. То же самое произошло и в селе *Калл*, область *Саболч*, где аналогич-

Контрреволюционеры надругались над трупом замученного полицейского.

Одна из жертв контрреволюционного террора. Контрреволюционеры положили на труп убитого герб Венгерской Народной Республики со звездой.

ное распоряжение отдал «калльский христианский венгерский национальный комитет».

Стремясь обеспечить себя достаточным количеством оружия и «вооруженных сил», различные «революционные» органы осуществили и в провинции многочисленные «акции». В городе *Ниредь-хаза* под предлогом «необходимости освобождения политических заключенных» было выпущено из тюрьмы около 140 человек. Правда, из них только двое являлись политическими заключенными, остальные же были уголовными преступниками, как например *Ласло Табу*, осужденный на шесть лет за кражу со взломом, *Бела Сен*, осужденный на десять лет за убийство, и другие. Этот тюремный сброд отвезли в гостиницу при санатории в *Шошто* и там создали из них вооруженные отряды. Сюда приезжали некоторые члены областного «революционного совета» и устраивали вместе с ними попойки.

Контрреволюционеры города *Кечкемет* выпустили из тюрьмы заключенных, разграбили тюремный склад оружия, а затем на санитарной машине доставили это оружие в захваченное ими здание гимназии, где находилась их штаб-квартира. Для того чтобы прохожим не бросался в глаза странный груз, оружие клали на носилки, накрывали одеялами и вносили в здание. Затем мятежники, выпущенные из тюрем преступники и многие наспех вооруженные жители цыганского квартала приняли участие в террористических актах и грабежах. Цыгане расстреляли шестерых солдат гарнизона, которые попытались их разоружить.

ГРАБЕЖИ И АКТЫ ВООРУЖЕННОГО ТЕРРОРА

Во многих местах в провинции контрреволюционеры с оружием в руках нападали на здания партийных организаций и советов и подвергали их разгрому. В селе *Дамасек*, область *Чонград*, 28 октября они разбили окна и двери в здании сельсовета, а затем подожгли самое здание.

В селе *Яссентласло* группа, руководимая жителем этого села *Бела Зомбором* и жителем села *Кишкунмайша* *Иштваном Цинкеци*, разбила окна в парткоме, взломала окованный железом шкаф и выкрала оттуда деньги. Замышлявшиеся этой группой дальнейшие террористические акты—убийства, ограбление почты и т. п.—не были осуществлены, так как вооруженные силы помешали этому.

В *Дебрецене* с одобрения «революционного комитета» под руководством офицера по фамилии *Сабо* было захвачено и разгромлено здание комитета партии, а найденные там несколько тысяч форинтов, тринадцать пишущих машинок, ковры и шторы были разграблены.

В городе *Мако* вооруженный отряд численностью сорок человек, организованный заместителем начальника сегедской «национальной гвардии» неким *Кенди*, напал на здание райкома и горкома партии, открыл стрельбу в помещениях и растащил документы. Во время обысков многое исчезло, в том числе деньги, предназначенные для выдачи зарплаты, и различные вещи.

Одна из вооруженных банд в городе *Шаторальяуйхей* не отставала от банды из *Мако*. Эта банда, возглавляемая помещичьим сыном, неким *Балажем*, выступившим от имени так называемого «студенческого парламента», ворвалась в здание райкома партии и арестовала одного из членов райкома. Вооруженные мятежники под руководством бывшего скупщика *Кароя Ташли*, в прошлом кандидата в депутаты от партии *Баранковича*, разгромили помещение парторганизации в селе *Калл*, унесли документы партийного учета, сорвали со стен портреты *Ленина*, партийные знамена и т. п.

В деревне деятельность контрреволюционеров во многих местах была направлена прежде всего на расхищение и уничтожение имущества производственных кооперативов, на восстановление кулацких и других землевладений.

В селе *Циганд* под руководством кулака *Йожефа Фодора* «разделили» землю производственного кооператива имени *Петефи*, а кооперативную лесопилку «подарили» одному кулаку.

В *Шарошпатаке* подожгли 100 центнеров сена, принадлежавшего кооперативу имени *Дожа*.

В *Калле* дом местного кооператива ремесленников, купленный законным путем, вернули его бывшему владельцу кулаку *Бела Фаркашу*.

В *Домбраде* одним из первых шагов «революционного комитета» была подготовка к возвращению церкви ее бывших земель: срочно составили кадастровый список прежних церковных владений.

Деятельность главарей и янычар контрреволюционных органов, именовавших себя «революционными», пестрит также фактами самого заурядного воровства и грабежа. Под руководством чонградского «бургомистра» *Пирошки* в городе *Чонград* были разграблены тридцать две квартиры, а многие оказавшиеся там лица подверглись грубому оскорблению. Так, была ограблена квартира директора мебельной фабрики *Шандора Цигенхейма*, а сам он спасся только благодаря тому, что рабочие укрыли его на территории фабрики.

В городе *Шаторальяуйхей* «национальные гвардейцы» под руководством сидевшего за растрату *Кароя Куммера* разграбили много магазинов.

Одним из первых мероприятий *дебреценского* «революционного комитета» было изъятие из Национального банка 800 тысяч форинтов якобы на покрытие «расходов» комитета. Эти деньги разошлись по рукам, их отнесли на «счет революции».

В *Сентеше Бела* и *Шандор Херинг*, *Иштван Апатовски*, *Шандор Дер* и *Шандор Ваш*, а в *Полгаре* *Габор Виг*, *Дьюла Хорват*, *Михай Секренъеши* и другие члены «революционных комитетов» расхитили продовольствие, собранное для Будапешта. Мятежники из Сентеша «добыли» столько денег, что двое из них смогли приобрести мотоциклы марки «панония», а «деятели» из Полгара присвоили себе ковер, восемнадцать штор, большое количество картофеля, 288 килограммов мяса, 90 килограммов сала и смальца, 50 килограммов сахара и прочее. На четырнадцати предприятиях они организовали сбор денег, присвоив 6900 форинтов.

В *Тисаседеркене* *Карой Отокар* и *Бела Иллеш*, жители села Тисапалконя, одевшись в советскую военную форму, угрожали многим жителям села угоном и расстрелом.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРЫ СОВЕРШАЮТ УБИЙСТВА

Вооруженные контрреволюционеры совершили бесчисленное количество террористических актов против государственных и партийных работников, членов кооперативов и других товарищей.

В *Сатьмазе Янош Сас*, *Антал Гомбош*, *Янош Бихари* и *Йожеф Корманьош*, искавшие бывшего секретаря партийной организации *Иштвана Хорвата*, совершили налет на его квартиру. Однако в квартире в это время находился только отец Иштвана, *Антал Хорват*, которого они зверски убили.

В *Сентмартонката* 26 октября сотрудник *Надькатайского* районного комитета партии *Михай Бене-младший* подвергся нападению в своей квартире. 27 октября ночью мятежники вывели на улицу его отца, *Михая Бене-старшего*, члена комиссии по распределению земли в 1945 году, и утопили его в колодце.

В *Чонграде* заведующего отделом заготовок избили так, что он пришел в себя лишь на следующий день.

В *Бешехейе* избили секретаря парторганизации *Габора Хеди*, подожгли принадлежавший ему стог соломы, а потом вытащили и сожгли его скромную мебель.

В *Дабаше* контрреволюционеры напали на старшину полиции *Имре Ковача* и нанесли ему тяжелые ножевые раны.

В *Мако* была создана «специальная комиссия» из пяти членов, которая составила список коммунистов, подлежащих казни.

В селе *Циганд* тоже был подготовлен аналогичный список, причем в него было внесено 65 человек. Был даже приглашен «палач» — отсидевший в тюрьме восемь лет уголовник *Бела Сун*, ко-

торый согласился выполнять обязанности палача при условии, что ему будут выплачивать по сто форинтов «за голову».

В *Кишкунмайша* по наущению ранее судимых *Белы Клучо* и *Ференца Клучо* жители села *Иштван Пати*, *Матяш Коломпар*, *Иштван Дер*, *Матьяш Хорняк-младший* зверски избили сотрудника торгового отдела сельсовета пожилого человека *Йожефа Немени*, а затем убили его, проткнув труп древком знамени.

В селе *Санк Енё Вёрёш* и *Ласло Халас* выманили из дома работника сельсовета *Иштвана Медьеши* и нанесли ему смертельную рану ножом, которым режут свиней.

В *Кунсаллаше* купец *Имре Надь Лукач* и его жена, а также *Иштван Таподи* разгромили квартиру кунсаллашского агронома *Пала Зана*, а затем подожгли ее при помощи соломы.

В *Петефисаллаше* местные жители *Йожеф Тот*, *Шандор Тот* и *Тибор Борза*, не обнаружив дома жителя хутора, сотрудника местного совета *Имре Х. Тота*, так разгромили его квартиру, что она стала непригодной для жилья, а членов его семьи жестоко избили.

29 октября в селе *Какуч* мятежники *Ризмайер*, *Харазин*, *Фейлер* и *Гашпар*, ворвавшись в дом, напали на секретаря партийной организации производственного кооператива *Йожефа Багло*, работавшего ранее председателем сельсовета, и зарезали его ножом.

В селе *Буди* 30 октября житель соседнего села *Беньямин Смерек* застрелил председателя кооператива «Новая жизнь» *Ласло Лендьела*.

В *Цегледе* контрреволюционеры застрелили сотрудника полицейского управления *Яноша Бекеш*.

В *Дане* местный житель *Иштван Хангоди* выстрелом из-за угла убил старшину полиции *Флориана Лазара*, когда тот возвращался домой.

ИНФОРМАЦИЯ ВЕРХОВНОГО ПРОКУРОРА ОБ АКТАХ ТЕРРОРА В ГОРОДЕ ОЗДЕ

29 октября 1956 года командир оздской «национальной гвардии» *Иштван Тёрёк* вместе с вооруженными «национальными гвардейцами» арестовал работников местной полиции, разоружил их и поставил к стене для расстрела.

Члены рабочего совета, пытаясь успокоить *Иштвана Тёрёка* и увести его от этих полицейских, позвали его в одну из комнат полицейского участка. Уходя, Тёрёк приказал «национальным гвардейцам» по его сигналу (выстрел из пистолета) расстрелять поставленных к стене полицейских.

В ходе переговоров с членами рабочего совета *Иштван Тёрёк* вел себя так возмутительно, что некоторые члены совета решили

его арестовать. Во время потасовки Иштван Тёрёк выхватил пистолет и выстрелил, что вызвало переполох среди находившихся во дворе «национальных гвардейцев». Началась стрельба. Решив, что в них стреляют из помещения полицейского участка, вооруженные «национальные гвардейцы» открыли огонь по крыше здания. Воспользовавшись суматохой, полицейские, стоявшие у стены в ожидании расстрела, бежали.

Во время стрельбы кто-то сообщил рабочим Оздского металлургического комбината, что сотрудники госбезопасности и полицейские якобы напали на «национальных гвардейцев» и что часть отрядов полиции и госбезопасности движется к заводу. Это сообщение было объявлено по заводскому радио, которое одновременно призвало рабочих вооружиться и выступить против полиции. Через некоторое время заревели гудки пожарной тревоги. Введенная в заблуждение, взволнованная толпа рабочих, вооружившись молотами, ломami, тросами, лопатами и т. п., покинула завод. Часть рабочих проникла в заводское бомбоубежище и захватила хранившееся там оружие и взрывчатку.

Охваченная бешенством толпа выбежала на улицу. Группа вооруженных «национальных гвардейцев» окружила здание полицейского управления, преградив вход в него. В это время решили проверить документы шедшего на железнодорожную станцию *Ференца Хорнинга*, которого в Озде никто не знал. Хорнинг являлся следователем прокуратуры и собирался уехать к месту своей постоянной работы в Мишкольц. Прокурорское удостоверение личности Хорнинга не было признано «национальными гвардейцами». Они утверждали, что Хорнинг «навверняка сотрудник госбезопасности». Найдя у Хорнинга служебный пистолет, «национальные гвардейцы» под угрозой оружия пытались увести его с собой. Защищаясь, Хорнинг хотел оттолкнуть направленный на него ствол, и тогда один из «гвардейцев» выстрелил. Пуля пролетела вблизи девяти-десятилетнего ребенка. В результате выстрела никто не пострадал, но, несмотря на это, по дороге к рабочему совету «национальные гвардейцы» рассказывали всем, что захваченный ими «сотрудник госбезопасности» застрелил ребенка. Позднее в толпе уже распространился слух, что Хорнинг убил несколько детей.

Непрерывно избиваемого *Ференца Хорнинга* ввели в помещение рабочего совета. Толпа ревела, требуя его выдачи. Через несколько минут рабочий совет выдал его на расправу толпе, которая набросилась на Хорнинга. Его били, пинали ногами. В убийстве Хорнинга значительную роль сыграли трубочист *Лайош Мишковиц* и *Берталан Каньо*. Берталан Каньо топориком на длинной рукоятке ударил Хорнинга, который пытался спастись бегством, по голове, а Лайош Мишковиц бил его по голове железным скребком, которым пользуются трубочисты.

Толпа, которую возглавили Каньо и Мишкович, насмерть растоптала Ференца Хорнинга. После этого, связав ноги, они поволокли труп Хорнинга в сторону завода, чтобы бросить в мартеновскую печь или повесить на подъемном кране. Однако на территорию завода труп втащить не разрешили, чтобы «не засорять завод». После этого ревущая толпа снова потащила труп на площадь, к рабочему совету. Ворвавшись на заводской пожарный склад, толпа захватила там веревки, а затем повесила труп за ноги на каштане перед помещением рабочего совета.

Но толпа не успокоилась и после убийства Хорнинга. Вооруженные группы расхаживали по городу и разыскивали полицейских и других лиц, которых они считали подозрительными. Используя создавшуюся обстановку, начала действовать группа бывших жандармов, проживавших на Сена-вельде. Поблизости от них жил лейтенант госбезопасности *Йожеф Хорват*, который в это утро находился дома. У пятидесятилетнего *Йожефа Хорвата* было трое детей, и, по имеющимся данным, он вскоре должен был демобилизоваться. Хорват оставил без внимания предупреждение доброжелателей об опасности и отклонил предложение бежать в лес, заявив, что он не совершал никаких преступлений и у него нет причин покидать семью и скрываться.

За *Йожефом Хорватом* приехала светло-зеленая легковая машина марки «школа». Несколько жандармов остались наблюдать за квартирой Хорвата, а остальные увели его. Из-за огромной толпы Хорвата уже не смогли доставить на площадь к рабочему совету. Связав ему ноги, жандармы вытащили его из машины. В этот момент кто-то из мятежников, тащивших Хорвата, с такой силой ударил его прикладом, что приклад раскололся (приклад после этого несколько дней валялся на улице). В результате удара *Йожеф Хорват* тут же скончался. Затем лица, принимавшие участие в расправе над Ференцем Хорнингом, повесили на каштане за ноги и труп *Йожефа Хорвата*.

После этих зверских расправ мятежники, личность которых до сих пор не установлена, схватив на улице полицейского следователя капитана *Жигмонда Ч. Надя*, втолкнули его в толпу. Когда *Жигмонд Ч. Надя* увидел два трупа, раскачивающихся на деревьях, он начал умолять толпу отпустить его, так как не сделал ничего плохого. Несмотря на просьбы *Надя*, убийцы схватили его за волосы, бросили на землю и, связав ноги, еще живым повесили на каштане рядом с двумя другими жертвами.

Больше других издевался над повешенным за ноги, но еще живым *Жигмондом Ч. Надем* житель Хангони *Йожеф Коцка*. Он несколько раз безуспешно пытался вонзить железные вилы в тело висевшего на дереве *Надя*. Тогда он побежал на завод и наточил вилы. Вернувшись, *Коцка* несколько раз с грубой бранью вонзил наточенные вилы в тело *Жигмонда Ч. Надя*. По всей ве-

роятности, основанием для садистских действий Йозефа Коцки послужил тот факт, что около года назад он украл у Нады ручные часы и тот узнал об этом.

* * *

Все это лишь отдельные факты, ничтожно малая часть тех зверств и актов террора, которые совершала разнузданная контрреволюция в течение нескольких дней в провинциальных городах и селах Венгрии. Невинными жертвами беспощадного кровавого террора пали такие простые люди, как председатель кооператива Ласло Лендьел, бывший член комиссии по распределению земли Михай Бене-старший, секретарь сельской партийной организации Йозеф Габло, следователь прокуратуры Ференц Хорнинг и многие, многие другие. Фашисты, бывшие уездные начальники, жандармские офицеры и нилашисты, действуя в союзе с уголовниками, покушались на жизнь и свободу венгерских трудящихся, на жизнь многих достойных сынов венгерского народа.

Йожеф Дудаш и его сообщники

В начале октябрьских событий, словно из мрака неизвестности, появился и стал играть руководящую роль политический авантюрист Йожеф Дудаш и его вооруженная банда.

Йожеф Дудаш, сорока четырех лет, уроженец Трансильвании, якобы был инженером, однако обстоятельства, при которых он получил диплом, покрыты тайной; в юности он включился в рабочее движение в Трансильвании, а затем в качестве доносчика поступил на службу в румынскую тайную полицию — сигуранцу.

В 1940 году он приехал из Румынии в Будапешт. В Венгрии он пытался в конце войны проникнуть в движение Сопротивления. Дудаш никогда не оказывал настоящего сопротивления немецким оккупантам, однако в 1944 году фашистское правительство Лакаатоша поручило ему как «представителю сопротивления» вместе с другими лицами войти в состав делегации, которая от имени Миклоша Хорти поехала в Москву для переговоров с советским правительством о капитуляции.

После освобождения Венгрии Дудаш проник в будапештский городской муниципалитет в качестве представителя независимой партии мелких сельских хозяев. В конце 1946 года он был арестован по подозрению в участии в контрреволюционном заговоре, а затем передан румынским властям. В Румынии он до 1954 года находился в тюрьме за свои прежние деяния агента полиции. После освобождения из тюрьмы он вернулся в Будапешт и до октябрьских событий работал на заводе.

В ходе октябрьских событий в Будапеште Дудаш вновь появился на арене, пытаясь сделать политическую карьеру в качестве одного из руководителей контрреволюции. Дудаш и его сообщники создали во II районе Будапешта так называемый «революционный национальный комитет», председателем которого стал Дудаш. Дудаш и его сообщники сформировали из всякого сброда и из несовершеннолетних вооруженные отряды. Дудаш был объявлен «верховным главнокомандующим». Его помощниками были бывшие офицеры хортистской армии и другие фашистские элементы. Для того чтобы Дудаш мог захватить в свои руки по-

больше власти, его вооруженные группы совершили целый ряд насильственных антиправительственных и антиобщественных преступлений. Первая вооруженная банда была организована группой Дудаша во II районе столицы. Одним из ее главарей был назначен имевший судимость Янош Сабо. После того как было объявлено о прекращении огня, одна из его групп захватила здание редакции «Сабад неп», и здесь под руководством бывших хортистских офицеров были созданы новые вооруженные банды, в которые вошли многие освобожденные из тюрем преступники. С тех пор Дудаш стал именовать себя «венгерским национальным революционным комитетом», хотя такого «комитета» вовсе не существовало. От имени «венгерского национального революционного комитета» его банды арестовывали безоружных людей, главным образом коммунистов, разграбили универмаг «Корвин» и совершили множество убийств.

В первые дни ноября Дудаш уже чувствовал себя почти хозяином положения. Согласно его собственным показаниям, он встречался с Малетером и вел с ним переговоры о создании единого командования мятежников. В то же время он в качестве представителя какой-то центральной власти вел переговоры с Союзом писателей и другими организациями.

Своими действиями в ходе последних событий, как это доказано свидетельскими показаниями, Дудаш вызвал гибель многих ни в чем не повинных людей.

Главное обвинение, предъявленное Дудашу и его сообщникам, гласит, что Дудаш пытался свергнуть народно-демократический строй. При рассмотрении дел о политических и хозяйственных преступлениях, представляющих особую опасность для народной республики, обвинение на первом этапе поддерживает верховный прокурор.

В этом случае закон (параграф 23/а, пункты 1, 2 и 3 закона об уголовном судопроизводстве) предусматривает проведение закрытого процесса. Поэтому процесс по делу Дудаша и его сообщников был закрытым.

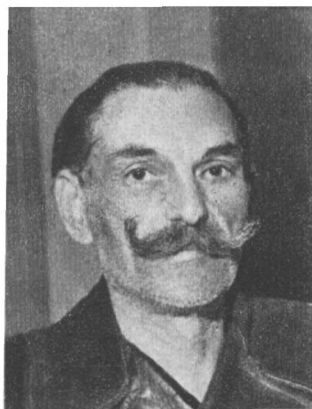
В обвинительном заключении главное обвинение было сформулировано следующим образом:

«28 октября 1956 года Дудаш на своей квартире составил подстрекательское воззвание, состоящее из двадцати пяти пунктов, и насильно заставил отпечатать его и другие листовки фашистского содержания в типографии «Сабад неп». Листовки тиражом в несколько сот тысяч экземпляров распространялись по всей стране.

Дудаш выступил против законного правительства. В написанной им листовке говорилось, что он и его банда не признают правительства. После объявления о прекращении огня он заявил в газете «Мадьяр фюггетленшег» от

Йожеф Дудаш, председатель несуществующего „национального комитета“.

Янош Сабо, помощник Дудаша и один из главарей банды мятежников, орудовавшей на площади Сена.

30 октября, что «борцы за свободу не сложат оружия, оставят его при себе и будут носить открыто. Национальный комитет выдаст разрешение на право ношения оружия, и части внутренних вооруженных сил — полиция, армия — не имеют право проверять документы у вооруженных лиц, за исключением тех случаев, когда они нарушают порядок. Вооруженное лицо, имеющее удостоверение национального комитета, может быть арестовано только своим собственным отрядом».

Согласно плану Дудаша, который он пытался осуществить насильственным путем с помощью своих вооруженных банд, страной должны были руководить лично Дудаш и «национальный революционный комитет». Еще в самом начале Дудаш требовал предоставить этому так называемому «национальному революционному комитету» шесть министерских портфелей, в том числе такие решающие посты, как министра обороны и внутренних дел. В своей газете «Мадьяр фюггетленшег», издававшейся после насильственного захвата здания и типографии «Сабад неп», Дудаш просил ООН признать его и его комитет.

«Просим Совет Безопасности признать в качестве воюющей стороны Венгерский национальный комитет [председателем которого был Дудаш.—*Составит.*] и Главное командование борцов за свободу [«верховным главнокомандующим» которого был Дудаш.—*Составит.*], а также прислать в Венгрию комиссию для заключения перемирия».

В десятом пункте указывалось: «Мы не признаем нынешнее правительство», то есть правительство Имре Надя.

Дудаш, конечно, не только требовал и угрожал. Он использовал бессилие тогдашнего правительства и орудовал с помощью своих вооруженных банд, состоявших главным образом из заключенных, бежавших из тюрем. В здании редакции «Сабад неп» он сразу же создал себе «придворный штат». В позе Наполеона он принимал толпившихся здесь западных журналистов и фоторепортеров, давал интервью, делал заявления, раздавал высшие офицерские чины, подписывал приказы об арестах. В ночь на 2 ноября он организовал налет на министерство иностранных дел, чтобы захватить его и передать портфель министра иностранных дел своему «комитету».

Издававшиеся им листовки и газета сыграли значительную роль в провоцировании и распространении контрреволюционной истерии и погромных настроений.

Террористические акты и грабежи, совершавшиеся бандами Дудаша, которые уже сами по себе причинили ущерб во много миллионов форинтов, проводились с ведома и одобрения «вождя», вернее по его подстрекательству. Все эти преступления фигурировали на процессе, и им было уделено довольно много внимания. Подсудимые не могли отрицать основных вооруженных акций, направленных на захват власти, а также своей деятельности в печати, и вынуждены были признаться в этом. Однако они пытались отрицать совершенные ими преступления — грабежи, хищения и убийства, — стремясь возложить ответственность за них на своих сбежавших сообщников. Но показания свидетелей и вещественные доказательства оказались неопровержимыми.

У Дудаша были две вооруженные банды. Первая орудовала в районе площади Сена и улицы Марош, а одним из ее главарей Дудаш назначил упомянутого Яноша Сабо. Вторая банда, главарем которой Дудаш назначил имевшего судимость бывшего хортистского офицера Андраша Ковача, находилась в «ставке», то есть в здании «Сабад неп».

Пятидесятидевятiletний Янош Сабо, судившийся за переход границы и шпионаж, согласно его собственным показаниям, присоединился к мятежникам 25 октября. Через три дня Дудаш произвел его в подполковники и назначил командиром группы, орудовавшей на площади Сена и на улице Марош.

Показания, которые дал на суде один из участников банды, восемнадцатилетний житель Пилишвёрёшвара Иштван Ковач, разоблачают порядки, господствовавшие в группе Сабо, и многочисленные убийства, совершенные этой бандой.

«Я знал Сабо как командира. В октябрьские события я включился следующим образом. 27 октября я приехал в

Будапешт, но вернуться домой уже не смог, и мы отправились на площадь Сена. Здесь нам дали оружие. Я все время был часовым у ворот. Однажды я побывал и на улице Марош, где охранял комнату Дяди Сабо.

Об указаниях я ничего не знаю. Я знаю, что они убили одного хромого парня за то, что он якобы выдал их русским. Об этом мне сообщила девушка по имени Эржи. Эта девушка сказала, что люди Дяди Сабо убили хромого, потому что он выдал их. Однажды на площадь Сена пришел молодой сотрудник госбезопасности и просил провести его к Дяде Сабо. Его схватили и обвинили в том, что он пришел к нам шпионить. Его заперли в подвале, а потом убили.

На улице Марош был убит также командир нашей первой роты, потому что он якобы хотел обмануть нас.

Имелось указание вылавливать сотрудников госбезопасности. Патрули рассказывали, что по указанию Дяди Сабо они привели пятьдесят одного сотрудника госбезопасности, в том числе двух женщин.

4 ноября Сабо произнес речь, призывая нас не складывать оружия. Существовала одна специальная группа из сорока восьми человек, но кому она подчинялась, я не знаю. Она входила в группу Дяди Сабо.

На вопрос заместителя верховного прокурора свидетель отвечает: *«Я видел труп того сотрудника госбезопасности, который пришел на площадь Сена».*

В ответ на вопрос подсудимого Яноша Сабо свидетель заявил: «Этого человека отвели в подвал и вынесли завернутым в покрывало. Он был уже мертв. Мы даже посмотрели ему в лицо».

Шестнадцатилетняя ученица дамского портного Терез Гусман, которая тоже входила в вооруженную банду Сабо, в своих показаниях подтвердила сказанное Ковачем:

«Говорят, что в казарме по улице Марош убили сотрудника госбезопасности. Я слышала об этом от одного человека, которого звали Иштван Кочиш. Человек, которого убили, якобы ввел в заблуждение тех, кто искал высокопоставленных работников госбезопасности. От других же я слышала, что этот человек был убит по указанию Дяди Сабо. Я слышала, что одного хромого человека убили за то, что он якобы шпионил в пользу русских. Об этом мне рассказала девушка по имени Эржи».

Тридцатилетний уроженец Надьсебена, статистик Тибор

Сейферт, являвшийся одним из помощников Дудаша и произведенный им в подполковники, руководил налетом на министерство иностранных дел. На процессе он следующим образом охарактеризовал Яноша Сабо и его группу:

«В отношении группы Сабо можно говорить не о недисциплинированности, а о бандитизме. Они останавливали автомашины, стреляли по ним. Члены группы Сабо приводили сотрудников госбезопасности и к нам, но я отпускал их или отправлял в тюрьму на улице Фё.

От человека по имени Антал Хюбел я слышал — это было после 5 ноября, — что Сабо застрелил на площади Сена двух мотоциклистов. Сабо никому не желал подчиняться. Он стрелял по легковым автомашинам даже после объявления о прекращении огня.

Я слышал от членов группы Сабо о том, что на проспекте Красной Армии они убили несколько сотрудников госбезопасности. На площади Сена орудовал всякий сброд. Сабо целый день бегал с автоматом на шее и был похож на обезумевшего человека».

О другой банде, штаб которой находился в здании «Сабад неп», в обвинительном заключении верховного прокурора говорится:

«Дудаш устроил свою ставку в здании «Сабад неп». Участники вооруженной банды, действовавшей здесь под командованием Дудаша, совершали убийства, уводили партийных работников и других граждан; некоторые из них пропали без вести».

Оперативное руководство вооруженными мятежниками, орудовавшими в здании «Сабад неп», находилось в руках одного из заместителей Дудаша — хортистского офицера Андраша Ковача. Руководящую роль там играл также человек по имени Дядя Фери, фигурировавший под псевдонимом старшего лейтенанта Тота. В действительности же это был Ференц Палхази, также хортистский офицер.

Хотя все детали их преступлений еще далеко не выявлены, но показания некоторых свидетелей и протоколы все же проливают свет на эту сторону дела.

Работник типографии И. В. показал следующее:

«По моим наблюдениям, в здании «Сабад неп» было около двухсот вооруженных бандитов, которым, насколько мне известно, 1 ноября Йожеф Дудаш отдал приказ о том, чтобы ночью в здании не находились посторонние; и если бы там появился кто бы то ни было, будь то даже работник типографии, в него следовало стрелять без преду-

преждения. Я знаю также о том, что террористы взломали в раздевалке шкафы рабочих типографии и похитили их одежду. Там же переодевали освобожденных из тюрем преступников. Я установил это, в частности, потому, что в здании можно было видеть разбросанную полосатую одежду арестантов».

Контрреволюционеры и уголовные преступники, засевшие в здании «Сабад неп», регулярно грабили находящийся по соседству универмаг «Корвин».

Ниже следует выдержка из показаний свидетеля Г. Н., работающего в универмаге «Корвин».

«4 ноября и в последующие дни вооруженные бандиты из здания «Сабад неп» стали пробираться в универмаг «Корвин»... Они небольшими группами приходили в универмаг и требовали открыть его, чтобы взять готовое платье. Как я помню, главарем вооруженной группы, орудовавшей в универмаге, был некий Дядя Фери... Бандиты похитили из универмага часы, фотоаппараты, а также унесли много одежды и обуви».

Выдержка из показаний свидетеля И. Б.:

«Многие из вооруженных бандитов, приходивших из здания «Сабад неп»... носили арестантскую одежду. Очевидно, это были преступники, освобожденные из тюрем. Эти преступники и другие вооруженные бандиты похитили огромное количество одежды. По моему мнению, в универмаге переделось около трехсот вооруженных бандитов... В результате ограблений, совершенных вооруженными контрреволюционерами, универмагу, по первым, предварительным, подсчетам, нанесен ущерб на сумму примерно 3 миллиона форинтов».

Вооруженные контрреволюционеры приводили свои жертвы в здание «Сабад неп» и там держали в заключении. Одна пожилая работница универмага рассказала об этом следующее:

«31 октября 1956 года утром меня предупредили, чтобы я шла домой, ибо контрреволюционеры искали уже меня в универмаге. Я оделась и хотела уйти оттуда через служебный выход. Там я увидела пять вооруженных подростков, а также ранее уволенных из универмага Петера Шарпатаки и Иштвана Подхоночки. [Из других показаний выяснилось, что они были уволены из универмага за кражу и растрату.— *Составит.*] Как только я вышла на улицу, Шарпатаки набросился на меня, схватил за волосы и швырнул на землю... Потом меня потащили к входу в здание «Сабад

неп» со стороны улицы Силарда Рёкка, обрушив на мою голову потоки грязной брани. Меня провели в одну из комнат на третьем этаже здания, где находился заместитель Йозефа Дудаша, командир вооруженных контрреволюционеров некий Андраш Ковач. Как только я вошла, у меня отобрали все, что со мной было, и обыскали. Отобранные вещи — сумку с продуктами, авторучку и карандаш — мне так и не вернули. После этого меня поставили к стене, приказав заложить руки за спину, и начали допрос. Допрашивал Андраш Ковач.

В комнату, где я находилась, позже привели еще нескольких человек. Насколько мне помнится, к вечеру нас было уже двенадцать, в том числе три женщины. Как я могла установить, эти люди в прошлом были сотрудниками госбезопасности, армии и полиции. Тут же находились бандиты, вооруженные автоматами и ручными гранатами. Во время допроса в комнату не раз входили «помощники командира» вооруженной банды. Они тоже задавали вопросы. Так, например, там был человек по имени Дядя Фери, а также рыжеватый, светловолосый молодой парень в очках. Около девяти часов вечера присутствующие в комнате забеспокоились. Они с явным волнением ждали прихода командующего — Йозефа Дудаша. Дудаш вошел в черных галифе, сапогах и пиджаке. Он отдавал распоряжения и явно разыгрывал роль командира».

Показания свидетеля Г. Ш. проливают свет на террористические действия «охотников за скальпами», засевших в здании «Сабад неп»:

«В понедельник [5 ноября] в 7 часов утра я увидел, что направо от ворот [речь идет о воротах дома № 13 по улице Штали.— *Составит.*] примерно в пяти-шести метрах лежат три трупа: двое в штатском, а один в форме русского солдата. По всем признакам, этих людей убили в другом месте, а сюда лишь приволокли. Это подтверждалось еще и тем, что на мостовой были отчетливо видны следы того, как их волокли: кровавый след вел к дереву на углу улиц Силарда Рёкка и Штали. Дерево росло возле универмага «Корвин», напротив первого окна ресторана «Корвин».

Показания обвиняемого Режё Варга, родившегося в 1938 году, жителя села Ракошсентмихай, имевшего судимость, подтверждают приведенные выше показания, а также сообщают о других убийствах:

«Я находился в заключении в тюрьме Марко по подозрению в растрате. Нас выпустили 2 ноября. Поскольку я слы-

шал, что командование повстанцев находится в здании «Сабад неп», я отправился туда. Командиром был Андраш Ковач, у него я получил оружие. В тот же день вечером привели прокурора по имени Шаркади. Мы стерегли его и еще одного человека. Позже мы их обоих отвели за здание универмага «Корвин» и расстреляли. [*Примечание: «другим человеком» был старший лейтенант Пал Фодор. Их трупы видел свидетель Г. Ш.— Составит.*]

Арестованных мы отводили в отделение полиции на улице Харшфа. Некоторых мы отпускали, но офицеров госбезопасности оставляли.

Группа казнила на площади Кальмана Тиса трех русских, а одного советского офицера убили в продовольственном магазине «Кёзерт», который открыт круглосуточно. Ковач лично убивал людей.

6 ноября мы перешли в универмаг «Корвин». Человек по имени Дядя Фери также привел туда двух людей, которых расстреляли во дворе универмага «Корвин». На следующий день был казнен некий Бела Сабо, который, как говорили, предал нас. Однажды Дядя Фери хвастался мне, что на одной квартире он лично своим ножом зарезал двух человек. Его одежда была в крови.

Однажды мы задержали на площади Барош шесть сотрудников госбезопасности; двое из них были ранены, и я лично отвел их в типографию «Атенеум». Одного из четверых расстреляли, еще одного увел Ковач, а двух — Дядя Фери. Шаркади и его товарищей казнили 4 ноября вечером, а затем казнили и остальных».

* * *

Материалы процесса показывают, что власть Йозефа Дудаша опиралась на вооруженные банды, созданные из хортистских офицеров и заключенных. Чтобы запугать население, содействовать свержению нашего народно-демократического строя и приходу к власти Йозефа Дудаша, эти банды совершили множество уголовных преступлений, грабежей и убийств.

Военная коллегия Верховного суда Венгерской Народной Республики приговорила Йозефа Дудаша и Яноша Сабо к смертной казни. Утром 19 января 1957 года приговор был приведен в исполнение.

Капиталистический Запад и события в Венгрии

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЗАПАДНЫХ ГАЗЕТ

I

КТО РАЗДУВАЛ ПОЖАР

Вмешательство Запада во внутренние дела стран народной демократии и непрерывная борьба против народного строя проводились всеми средствами фактически на протяжении ряда лет. Еще в своей речи от 6 августа 1951 года в сенате Соединенных Штатов, опубликованной в тот же день в «Конгрешнл рекорд», *сенатор Маккарэн* подробно остановился на важности борьбы против стран, строящих социализм. В этой речи он сказал, что считает необходимой

«...максимальную поддержку нелегальных повстанческих групп на территориях, находящихся под коммунистическим контролем, а также открытое и действенное сотрудничество с сотнями тысяч беженцев из коммунистических стран...»
«Нет причин,— продолжал он,— ограничивать нашу поддержку правительственными акциями. Имеются планы, которые правительство не может выполнить открыто в мирное время, но которые можно осуществить, привлекая для этой цели частные группы. Мы провели сейчас несколько таких акций. Примером может служить Комитет «Свободная Европа», который уже создал сеть радиостанций, ведущих передачи для стран-сателлитов. Однако это только начало. Возможности в этом отношении безграничны».

К этим «возможностям» относились подготовка, организация и развязывание вооруженных путчей и восстаний. Еще весной 1955 года в Америке была разработана подробная программа действий — «программа политического наступления на мировой коммунизм». Это была уже детальная программа вооруженной подготовки, к осуществлению которой привлекались также предатели, бежавшие из стран народной демократии. Председатель «Радио корпорейшн оф Америка» *Дэвид Сарнов* также разработал связанные с этим задачи:

«Надо в массовом порядке использовать ту человеческую силу, которую следует черпать в хорошо организован-

ных и проникнутых антикоммунистическим духом организациях... В определенных случаях надо предоставить им возможность в период будущего кризиса возвратиться на свою родину в качестве возможных руководителей. Надо создать из эмигрантов офицерские группы численностью от десяти до ста человек. Эти группы должны находиться в состоянии готовности, ожидая возникновения соответствующих обстоятельств и подходящего момента».

Организационная подготовка сопровождалась также идеологической подготовкой. Это видно, между прочим, из доклада члена президиума Комитета «Свободная Европа» *Адольфа Бирла*, который также изложил линию идеологической подготовки восстаний. Этот мистер Бирл является американским дипломатом и в начале сороковых годов был заместителем государственного секретаря. Вышеупомянутый доклад он сделал в так называемом «Институте Свободной Европы», который является не чем иным, как шпионской школой американцев — точнее, Комитета «Свободная Европа», — созданной во Франции вблизи Страсбурга. Слушателями этого «института» являются специально отобранные лица, бежавшие из народно-демократических стран. «Манчестер гардиан» в номере от 1 декабря 1951 года разоблачила деятельность этой школы:

«Ее слушатели обязаны, как только позволят обстоятельства, вернуться на родину. Их готовят в качестве представителей такого нового избранного слоя, который придет к власти после «освобождения» стран народной демократии».

13 марта 1952 года «Нью-Йорк таймс» писала о слушателях «Института Свободной Европы»:

«Некоторые из них выражают надежду, что вскоре начнется война, ибо это является самой благоприятной возможностью для их возвращения на родину».

Мистер Бирл сделал доклад перед слушателями этого «института». Все содержание доклада, его перевод на венгерский язык и рассылка Институтом международных культурных связей свидетельствуют также и о том, что этот американец Бирл сделал своей профессией подрывную работу против европейских социалистических стран.

Мистер Бирл в своем докладе в «институте» так определяет главные задачи:

«Мы просто устраним коммунизм как препятствие на пути к той новой и блистательной цели, которая является основой революции XX века».

Само собой разумеется, что в этих действиях руководящая роль, по словам Бирла, принадлежит Америке:

«Америка, которая может социализировать (?) капитализм, имеет право сказать стране, которая стремится освободиться от ярма коммунизма: «Мы знаем, как это сделать».

Одним из главных идеологических направлений, по которому должна идти борьба за «устранение» коммунизма, является максимально возможное стирание основных различий и граней между капитализмом и социализмом.

«Абсолютно безразлично,— заявил г-н Бирл,— управляют ли в Польше или Чехословакии железными дорогами и заводами частные предприятия или же социалистические комитеты, если существует свобода слова и духа, где каждый может свободно стремиться к благосостоянию... Нас не столько интересует внешняя форма социалистического строя, сколько его внутреннее содержание».

Мистер Бирл утверждает, что для них «безразлично», «все равно», идет ли речь о социалистическом или капиталистическом строе,— лишь бы этот строй пришелся им по душе. Мистер Бирл заявляет также, что «они уже провели большую часть» подготовительной работы, но «он не имеет права назвать тех лиц, которые в свое время будут завершать эту работу».

Бесспорно, что уже сам факт отправки в Венгрию доклада господина Бирла — на венгерском языке по крайней мере — неопровержимо свидетельствует о вмешательстве во внутренние дела других государств. Однако имеются и совсем другого рода факты, доказывающие вмешательство Запада в венгерские дела. Например, 28 октября армейский майор Д. вел переговоры с вооруженными мятежниками на площади Сена о том, чтобы они сложили оружие. Как пишет он в своем донесении, в ходе этих переговоров

«большинство руководителей выступило за то, чтобы сложить оружие и свободно разойтись. Меньшая, но чрезвычайно упрямая группа руководителей настаивала на дальнейшем продолжении борьбы. От имени этой группы выступил Экрен, заявивший, что у них имеются решительные указания от высших руководителей продолжать борьбу...» Именно поэтому, продолжал Экрен, обратившись ко мне, мы будем бороться и дальше, и вы можете сообщить тем, кто вас послал, что... [далее в подлиннике донесения перечисляются три западные миссии.— *Составит.*] и другие миссии заверили меня сегодня вечером, что завтра прибудет подкрепление из Западной Германии. В это время многие заявляли также, что подготовка вооруженного восстания началась не 23 октября, а осенью 1953 года... На другой день, 29 октября, мы констатировали, что численность группы на

площади Сена все же значительно сократилась, однако повстанцы, вооруженные автоматами немецкого и другого западного производства, вновь заняли огневые позиции. Если память мне не изменяет, 29-го рано утром пришли Экрен и Дядя Сабо с немецкими автоматами в руках. Они потребовали аннулировать соглашение о прекращении огня. Тогда я спросил Экрена, почему они снова выступают против соглашения. Он ответил, что побывал в миссии и там его очень серьезно упрекали за то, что он согласился на такие условия».

Подобные же сведения дает майор С., который рассказал, что в одном из институтов, где он работал преподавателем, его посетила делегация, прибывшая из Бонна. Его рассказ мы приводим в другом месте этой книги.

Кроме использования транспортных средств со знаком Красного Креста для перевозок оружия, совершались и другие злоупотребления. Характерным свидетельством этого является статья бельгийского журналиста *Раймона Даролля*, опубликованная в «Ле суар иллюстре». Приводим отрывок из этой статьи:

«Лучше всего можно было проникнуть из Дьёра в столицу, используя одну из многих автомашин с красным крестом, идущих из Австрии. Эти машины перевозили дефицитные медикаменты и продовольствие. Мы сели в первую машину, которая остановилась по нашей просьбе. Проехав три километра, шофер остановился перед одной типографией. Мои спутники спешно погрузили на машину антисоветские листовки и газеты; мы вновь отправились в путь — сознаюсь, не испытывая слишком большой радости, — через деревни, расположенные по пути в Будапешт, для того чтобы под носом у советских солдат распространять эту опасную литературу».

Помимо фашистских беженцев, а также отдельных журналистов, радиорепортеров и т. п., число которых сегодня, возможно, уже нельзя установить, через венгерскую границу с определенными целями свободно переходили и «более влиятельные» иностранцы. Например, некоторые американские газеты проговорились, что американский генерал *Доновэн*, ставший во время второй мировой войны руководителем американской шпионской организации, во время венгерских событий тоже находился в Австрии в качестве руководителя так называемого «Международного комитета помощи». По сообщению «Вашингтон дейли ньюс», в конце ноября Доновэн вернулся в Вашингтон из Венгрии, границу которой, как пишет газета, он неоднократно переходил во время своего пребывания в Австрии. В Вашингтоне Доновэн заявил представи-

телям печати, что «снабжение оружием тех, кто еще борется», является лучшей возможностью «оказать помощь» венгерским контрреволюционным силам. На вопрос о том, следует ли Соединенным Штатам «содействовать продолжению боев», Доновэн ответил: «Разумеется!»

Но имеется множество примеров, свидетельствующих и о других формах вмешательства. Например, 30 октября на аэродром в Швехате, под Веной, прибыло несколько двухмоторных и четырехмоторных самолетов, пилотируемых английскими военными летчиками-офицерами. Багаж этих самолетов перегрузили на прибывшие туда машины венгерской авиакомпания МАЛЕВ, которые и направились в Венгрию. Если речь шла о грузах Красного Креста, то возникает вопрос, почему их перевозили не так, как подобные же грузы, которые доставлялись на аэродром в Швехате, и отправляли оттуда иностранными гражданскими самолетами? Почему представители австрийской полиции высадили из одного самолета компании МАЛЕВ венгерского внешнеторгового представителя Б. С., имевшего дипломатический паспорт? И как могло дойти дело до того, что на территории *нейтральной* Австрии приземлялись и перегружали свой багаж *английские военные самолеты*?

В печати опубликованы сообщения и о других «визитах» в Венгрию самых различных иностранцев. Приведем отрывок из статьи, опубликованной в одной из газет венгерских эмигрантов — в мюнхенской еженедельной газете «Уй Хунгария» от 16 ноября. Автором статьи является *графиня Беатриса Сечени*, также побывавшая в Будапеште в эти дни. Она сообщает, что

«одним из самых истинных проявлений неподдельной симпатии и любви к венгерскому народу была деятельность «Службы помощи немецкого Мальтийского рыцарского ордена».

Беатриса Сечени, посетив «австрийское посольство» на горе Рожадомб, заявила о прибытии «делегации немецких и австрийских членов Мальтийского ордена», то есть о том, что в Венгрию прибыли она сама, герцог Лихтенштейн и граф Элтце. Кстати, после посещения австрийского посольства Беатриса Сечени и ее титулованные спутники отправились «на поклон» к кардиналу Миндсенти.

Вмешательство Мальтийского рыцарского ордена было активным и разносторонним. Благодаря ему в Венгрии побывали отпрыски бежавшего из страны венгерского аристократа — *два графа Хёйош*, младшие члены одной из наиболее богатых в свое время семей венгерского высшего дворянства, которые и в настоящее время проводят в Австрии активную политическую работу. Оба они развернули широкую организационную деятельность по

переброске в Венгрию людей и оружия, в частности в австрийском местечке Рехнитц, а также в Венгрии и других местах. Какую помощь могли оказать эти титулованные «рыцари», и зачем летели они сломя голову в эти дни в Венгрию?

Arriba

Núm. 1.000—El precio: 10 céntimos. Viernes 9 de noviembre de 1939

ESPAÑA CONTRIBUIRÍA CON SUS TROPAS AL CONTROL MILITAR INTERNACIONAL DEL TERRITORIO HUNGARO

LA SITUACION EN LA El ofrecimiento de Lequerica en la Asamblea General

„Испания своими отрядами примет участие в международном военном контроле на венгерской территории“, — заявила в заголовке на первой полосе газета Франко.

Наряду с американским вмешательством не остался безучастным и Ватикан. В швейцарской газете «Журналь де Женёв» от 13 декабря можно прочесть следующие строки:

«Некоторые венгры, кажется, упрекают Ватикан за то, что он недостаточно помогал их национальному восстанию. Это мнение является совершенно неверным... Ватикан направил [в Венгрию.— *Составит.*] своих доверенных людей. Например, представитель Ватикана монсеньор Роден побывал в самой столице и совещался с кардиналом Миндсенти, которого как раз в то время правительство Надя освободило из тюрьмы. Ознакомившись с положением и передав кардиналу значительную сумму денег, которую папа направил венгерским католикам, он вернулся в Ватикан с секретными документами, имеющими большую ценность. Немного позже такое же путешествие совершил ректор папского венгерского института монсеньор Загон, который вернулся в Рим с посланиями венгерских епископов. Позднее вдоль австрийской границы были размещены специальные наблюдатели. Они письменно сносились с [папским.— *Составит.*] государственным секретариатом...»

Однако главную роль за границей как в подстрекательствах, так и в передаче организационных, тактических и прочих указаний для Венгрии *играло радио «Свободная Европа»*. Многие западные газеты уже признали это, а другие даже считали, что дело зашло слишком далеко. В этой связи даже мюнхенская газета «Абендцейтунг» требует запретить деятельность радиостанции, штаб которой, кстати, находится в Мюнхене.

«После трагических событий в Венгрии,— пишет «Абендцейтунг»,— в редакцию нашей газеты непрерывно звонят по телефону, присылают заявления, письма и телеграммы, в которых содержатся самые резкие высказывания против деятельности радиостанции в Мюнхене... Радио «Свободная Европа» годами разжигало мятеж в Венгрии и в последние недели призывало повстанцев держаться стойко. Радио «Свободная Европа» обещало помощь повстанцам и... несет ответственность за кровавую бойню в Венгрии. Радио «Свободная Европа» финансируется Америкой... получает указания от американского госдепартамента, которому подчиняются американские сотрудники радиостанции... Если «Свободная Европа» и имела право на существование, то она лишилась его... Федеральное правительство должно немедленно информировать Вашингтон о том волнении и возмущении, которое передачи «Свободной Европы» вызвали во время кризиса не только в Германии, но и во всей Европе».

14 ноября американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн», ссылаясь на сообщение из Бонна, писала о протесте западногерманского правительства против деятельности радиостанции «Свободная Европа».

«Западногерманские и французские газеты,— пишет «Нью-Йорк геральд трибюн»,— упрекают радиостанцию «Свободная Европа» в том, что она подстрекала венгерских повстанцев к мятежу и, обещая помощь, толкала их на продолжение борьбы даже тогда, когда они потеряли всякую надежду.

А вот что пишет сегодня парижский корреспондент «Франс суар» Мишель Гордэ, только что вернувшийся из Будапешта:

«Мы могли слушать передачи иностранного радио, бывшего для нас единственным источником информации из внешнего мира. Мы слышали много лживых сообщений о том, что происходит в Венгрии.

Мы слушали передачи мюнхенской радиостанции «Свободная Европа», предназначенные для стран-сателлитов. Ее нетерпеливый тон и возбужденные призывы к восстанию, вне всякого сомнения, причинили много зла.

За последние несколько дней многие венгры говорили нам, что эти радиопередачи привели к большому кровопролитию».

Эксперт «Нью стейтсмен энд Нейшн» по делам Восточной Европы Мендельсон в пространной статье, отрывки из которой мы будем цитировать и в других местах, пишет:

«Активно вмешивалось [в венгерские события.— *Составит.*] радио «Свободная Европа», которое направило в Дьёр своих радиопропагандистов. Вместе с тем мюнхенская радиостанция непрерывно передавала призывы к борьбе и, по сообщению надежных немецких источников, постоянно обещала военную помощь с Запада».

13 ноября газета «Ди прессе» писала:

«То, что проповедовали в Мюнхене, Лондоне, Париже и Нью-Йорке за порцией сосисок и стаканом виски, чтобы заполнить этим ежедневную программу, смелый, но неблагодарный венгерский народ принимал за чистую монету... Еще в четверг из казармы имени Килиана, подвергшейся жестокому штурму, в западные миссии был направлен один молодой офицер, чтобы спросить, когда же, наконец, придут в Будапешт полицейские парашютные части ООН. Он ушел совершенно подавленным, когда ему объяснили, что не может идти и речи ни о парашютистах, ни о полицейских частях»

Радио «Свободная Европа», по сути дела, являлось руководящим органом и организатором выступлений, вылившихся в контрреволюцию. Передавались не только широкоэшелонные пропагандистские заявления, но и конкретные боевые указания. Давались советы нелегальным радиостанциям, на какой волне и как вести передачи. Тех, кто не сдал оружия, призывали продолжать сопротивление. Например, когда правительство Имре Надя выступило с призывом прекратить огонь, «Свободная Европа» немедленно призвала своих слушателей сорвать перемирие. Военный эксперт и комментатор «Свободной Европы» *полковник Бэли* считал, что прекращение огня «так же опасно, как троянский конь».

«Имре Надь и его друзья,— сказал он 29 октября,— хотят коварно, на современный лад, повторить историю с троянским конем. Прекращение огня, как и троянский конь, необходимо для того, чтобы будапештское правительство, которое еще находится в настоящий момент у власти, могло удержать свои позиции до тех пор, пока это только возможно... Тем, кто борется за свободу, нельзя ни на минуту забывать о замысле противостоящего им правительства, ибо иначе повторится трагедия с троянским конем».

Как известно, именно под влиянием подстрекательской пропаганды радио «Свободная Европа» и в результате недопустимого вмешательства некоторых западных миссий перемирие действительно было сорвано. На другой день, буквально спустя несколько часов после вышеприведенной радиопередачи, началась атака на

Горком партии на площади Республики и другие организации, а также нападения на сотни и тысячи коммунистов и демократически мыслящих людей.

31 октября г-н полковник Бэлл в передаче на венгерском языке давал уже более решительные указания:

«Надо удалить из руководства венгерскими вооруженными силами тех коммунистических руководителей, которым и раньше нечего было там делать! Борцы за свободу! Немедленно требуйте для себя портфель министра обороны и посты главнокомандующего и начальника генерального штаба. Это было бы величайшей гарантией для вас!»

Как известно, контрреволюционные силы действительно выполнили приказы радио «Свободная Европа». Вскоре такое требование было выдвинуто.

В тот же день «Свободная Европа» зачитала следующий «комментарий»:

«Министерство внутренних дел и министерство обороны все еще не в ваших руках. Борцы за свободу, не уступайте! Не вешайте на стену ваших винтовок. Не давайте будапештскому режиму ни грамма угля, ни капли нефти до тех пор, пока руководство внутренними делами и обороной не будет находиться в ваших руках»

В тот же день комментатор «Януш» передал по радио «Свободная Европа» и политические установки. Он призвал к сопротивлению по отношению к вновь созданному «узкому кабинету». Когда за несколько дней до этого было создано первое, с большим числом членов кабинета, правительство Имре Надя, «революционеры», плясавшие под дудку «Свободной Европы», выступили против него. А когда, наконец, в соответствии с их прежними требованиями был создан «узкий кабинет», у американских пропагандистов уже были готовы новые указания — выступить и против этого кабинета и все дальше толкать правительство вправо.

«Создание узкого кабинета само по себе ничего еще не гарантирует. Глупое положение! Оно настолько глупо, что его нельзя терпеть даже временно. Важнейшая задача, согласно требованиям свободных радиостанций, заключается в том, чтобы немедленно создать новое временное национальное правительство для выполнения стоящих задач. В него должны входить только настоящие представители партий и подлинные руководители борьбы за свободу», — дирижировал американский агент.

А чтобы вооружить мятежников более подробной политической программой и новыми требованиями, радио «Свободная Европа»

под видом призыва сентготардского «национального совета» потребовало выхода Венгрии из Варшавского договора, международного [читай: западного.— *Составит.*] контроля над выборами, роспуска зарубежных дипломатических представительств Венгрии и т. д. и т. п.

II

РУКА ВАШИНГТОНА В ВЕНГРИИ

*(Выдержки из статьи американского журналиста
Альберта Е. Кана)*

Является фактом, что уже несколько лет некоторые тайные и мощные правительственные органы вместе с различными полуофициальными организациями, находящимися под началом военных руководителей и промышленных магнатов, усердно стараются организовать «восстания» в «странах-сателлитах». В моем архиве есть много досье. В тех, которые озаглавлены «Шпионская деятельность Соединенных Штатов за границей», собрана целая куча газетных вырезок и других документов. Особенно интересно перечитать эти материалы после недавних венгерских событий. Позвольте мне отобрать из них небольшой «букет».

Так они включились

9 апреля 1948 года «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» опубликовала статью об американской шпионской и саботажнической деятельности за границей. В статье, в частности, говорится:

«Согласно определенной вашингтонской и зарубежной концепции, желательно, чтобы за железным занавесом при проведении «Операции Икс» применялась тактика, подобная тактике «Офис оф стратегик сервисиз» (Бюро стратегической службы) во время войны. Согласно этой концепции, следует применять беспощадные средства, включая, если надо, и убийства, чтобы держать в состоянии беспокойства русскую часть мира. В соответствии с этим финансировались бы подпольные движения в странах — сателлитах России».

Агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило 30 октября 1949 года следующие данные о «Сентрал интеллидженс эдженс» (центральное шпионское агентство), созданном для координации и усиления работы всех американских шпионских организаций:

«Хотя американская шпионская сеть еще не вышла из детского возраста, однако она уже набирает силу и растет.

Американские шпионы сейчас неслышно и невидимо работают во всем мире».

В июне 1950 года сенатор Генри Кэбот Лодж младший, ставший позже американским представителем в Организации Объединенных Наций, внес в Конгресс законопроект, который разрешил бы американской армии завербовать хоть 10 тысяч иностранцев, которых, как сообщала «Нью-Йорк таймс», «предполагалось использовать вблизи железного занавеса или за ним». Член Конгресса Дью Шэрт тогда заявил:

«Скажем честно, это грязная работа».

Энтони Ливиеро 12 декабря 1951 года в «Нью-Йорк таймс» в статье о пропаганде, проводимой «американцами и работающими вместе с ними иностранцами в критических районах», то есть в странах Восточной Европы, пишет, что существует три вида пропаганды, а именно белая, черная и серая. Он определил это следующим образом:

«Белая пропаганда — это такие прямые открытые действия, как радиопередачи «Голоса Америки»... Черная пропаганда не указывает, из какого источника она исходит или маскирует его; она может включать применение насилия, распространение паники, организацию беспорядков, распространение слухов о них и прочую деятельность, направленную на то, чтобы причинять зло и сеять недоверие. Серая пропаганда представляет собой нечто среднее между черной и белой пропагандой».

В октябре 1951 года Конгресс одобрил поправку к закону о взаимном обеспечении безопасности (Mutual Security Act), согласно которой разрешается ассигновать 100 миллионов долларов на финансирование деятельности, проводимой «отобранными лицами»,

«живущими в восточноевропейских странах, а также беженцами из этих стран либо для того, чтобы такие лица были включены в состав вооруженных сил, поддерживающих НАТО [Атлантический блок.— *Составит.*], либо же в других целях».

Под «другими целями» следует понимать шпионаж, саботаж и террористические акты. Автор поправки, член Конгресса Дж. Керстен, заявил, что такими средствами «мы должны поддерживать подпольное освободительное движение в коммунистических странах». Он добавил:

«Если бы я сказал, что террор не играет роли в освободительном движении в Восточной Европе, то это означало

бы, что у нас даже нет представления, что же это за освободительное движение».

В феврале 1952 года в Вашингтоне была организована двухдневная конференция, в работе которой, как сообщала «Нью-Йорк таймс», «приняли участие члены Конгресса, беженцы из-за железного занавеса, педагоги, дипломаты и бывшие коммунисты». По словам газеты, там были изложены принципы «новой техники психологической войны против Советского Союза и его сателлитов», а также обсуждены предложения относительно организации миллионов подпольных групп, чтобы создать «революционную атмосферу».

Одним из главных ораторов на этой конференции был тот самый вице-президент «Интернэшнл телефон энд телеграф корпорейшн» Роберт А. Фогелер, который недавно провел семнадцать месяцев в венгерской тюрьме, после того как признался в своей шпионской и саботажнической деятельности в Венгрии.

Через шесть месяцев после конференции была создана под руководством *Фогелера* организация «Америкэн либерейшн центр» (Американский освободительный центр). Эта организация объявила, что считает своей задачей «вооружение 45 тысяч беженцев из стран Восточной Европы и оказание помощи подпольной сети в странах за железным занавесом», заявив, что это «приведет к революции».

Сотрудник «Нью-Йорк таймс» *Энтони Ливиеро* в своей статье, опубликованной в апреле 1952 года в газете «Нейшнл бизнес», писал:

«Правда, ни один правительственный служащий не признается в этом, но мы готовим шпионов, саботажников и специалистов самых беспощадных форм «психологической войны». Их обучают, как надо самостоятельно проникать в русскую систему и разрушать ее. Их обучают, как надо взрывать мосты, поезда и военные заводы, их учат обращаться со всякого рода оружием...»

„Пусть рискнут пролить немного крови!“

В начале 1955 года брат Джона Фостера Даллеса, Аллен Даллес, был назначен директором «Сентрал интеллидженс эдженси». Во время второй мировой войны Аллен Даллес руководил европейским отделом органа шпионажа и саботажа — «Офис оф стратегик сервисиз». Аллен Даллес, являющийся одним из совладельцев международной конторы адвокатов «Кромвел энд Салливэн», которая в 1930 году участвовала в создании нацистских картелей, по словам «Нью-Йорк таймс», «почти сразу же после окончания Принстонского университета стал работать в шпионских организациях».

Журнал «Ньюсуик» вскоре после вступления Эйзенхауэра на пост президента в 1953 году заявил, что «хотя это и отрицают, но правительство Эйзенхауэра намерено в ожесточенной борьбе против Советов широко опираться на диверсии и саботаж... Это скрывают, так как официальный Вашингтон боится, что общественность Соединенных Штатов была бы поражена тем фактом, что США прибегают к таким грязным методам».

У нас мало причин сомневаться в том, что эти грязные методы дали в Венгрии желаемые результаты.

Весьма популярный американский журналист Дрю Пирсон 8 ноября сообщил интересные факты. Еще в 1950 году он слышал от венгерского эмигранта д-ра Белы Фабиана о «подпольных приготовлениях» в Венгрии, с которыми Фабиан был тесно связан.

«Венгерский народ хочет восстать,— сказал Фабиан Пирсону.— Венгрия желает первой выступить против своих советских господ... я знаю о беспокойстве среди крестьян... Если вы немного поможете, то в Венгрии вспыхнет пожар».

Пирсон спросил Фабиана, чем могло бы помочь правительство Соединенных Штатов.

«Ничего нельзя выиграть в этой жизни, если не рисковать чем-нибудь,— ответил Фабиан.— Пусть рискнут пролить немного крови!»

Факты доказали, что, когда дело действительно дошло до кровопролития, американские шпионские организации были готовы рисковать лишь венгерской кровью.

III

РОЛЬ ВЕНГЕРСКИХ ЭМИГРАНТОВ

Разумеется, самыми активными внешними силами, принимавшими участие в венгерских событиях, были ранее бежавшие из Венгрии политики, офицеры, жандармы и т. д. Соответствующие капиталистические органы позаботились и о том, чтобы все они приняли участие в контрреволюционном мятеже. По сообщению берлинской газеты «Дер морген»,

«в последние дни октября правление угольной компании в Эшвайлере предоставило отпуск всем венгерским эмигрантам и хортистским фашистам, которые работали в этом угольном концерне, чтобы дать им возможность принять участие в венгерской контрреволюции... Угольная компания в Эшвайлере является собственностью западногерманских, люксембургских и бельгийских акционеров».

По сообщению «Нейес Дейчланд», так же как и в Эшвайлере, был предоставлен отпуск

«венгерским гражданам правлениями и многих других западногерманских концернов, после того как эти правления получили соответствующие срочные указания...

В это же время все венгерские эмигранты, служившие в американском рабочем лагере в Фогельвее, в большинстве своем члены нелегальных нацистских организаций, были освобождены от выполнения своих служебных обязанностей и затем, как сообщают, словно исчезли с лица земли».

9 ноября *Дрю Пирсон* в «Дейли миррор» писал, что в последнее время в Париже состоялась встреча почти всех руководителей, бежавших из стран народной демократии. В этой встрече, которая произошла еще до октябрьских событий, принял участие и майор американских вооруженных сил в Западной Германии *А. Джексон*. «Может быть, их заранее предупредили о будущих событиях?» — спрашивает *Д. Пирсон*, указывая на «случайность» встречи г-на Джексона и эмигрантских «руководителей» из стран Центральной Европы, в первую очередь из Венгрии, — встречи, которая состоялась накануне октябрьских событий.

NATION EUROPA

MONATSSCHRIFT IM DIENST DER
EUROPÄISCHEN ERNEUERUNG

Wir wenden uns an die ganze freie Welt, der Sache der ungarischen Freiheit beizustehen! Möge man den Ungarn zu ihren Menschenrechten verhelfen!

Im Namen des Ungarischen Verteidigungsrates:
Generalmajor a. D. Andras v. Zako
Generaloberst a. D. Ferenc Farkas de Kisbarnak
Generaloberst a. D. Emil v. Justhy
Feldmarschall Erzherzog Josef

В этой встрече участвовал также «совет пяти венгерских генералов» — высший военный орган венгерских эмигрантских организаций. Воззвание этого так называемого «венгерского совета обороны» было опубликовано западногерманским «ежемесячным журналом на службе европейского возрождения» — «Нациян Еуропа», который в действительности является органом бывших эсэсовцев. Это воззвание призывает весь «свободный» мир поддержать дело «венгерской свободы». Среди авторов этого «призыва к свободе» фигурируют не только такие

лица, как бывший нилашистский генерал *Ференц Кишбарнаки Фаркаш*, но и сам эрцгерцог *Йозеф Габсбург!*

Многочисленные газетные сообщения рассказывают о деятельности венгерских эмигрантов на Западе. 29 октября австрийская газета «Бильд телеграф» писала, что

«один офицер борцов за свободу, перешедший границу возле Никельсдорфа, сообщил, что он направляется в Зальцбург, чтобы установить связь с некоторыми венгерскими лицами, живущими в эмиграции».

31 октября газета «Нейес Дейчланд» опубликовала сообщение из Оттавы (Канада):

«Легион венгерской свободы» является организацией эмигрантов, которые в конце второй мировой войны, после краха фашистского режима Хорти, бежали в Канаду. По сообщениям западных агентств, эта организация проводила вербовку добровольцев для участия в боях в Венгрии. До сих пор явилось три тысячи венгерских фашистов, которых с полным военным снаряжением перебросят в Венгрию воздушным путем».

31 октября газета «Зальцбургер тагеблатт», выходящая в одном из центров шпионских организаций и эмигрантских групп — австрийском городе Зальцбурге, в подробной корреспонденции рассказывала, между прочим, о следующем:

«Через австрийско-венгерскую границу открыто движение в обе стороны, а «свободные радиостанции», требующие установления «западной демократии» на венгерской земле, в действительности являются не передатчиками, якобы действующими в местечках Западной Венгрии, а передвижными американскими радиостанциями.

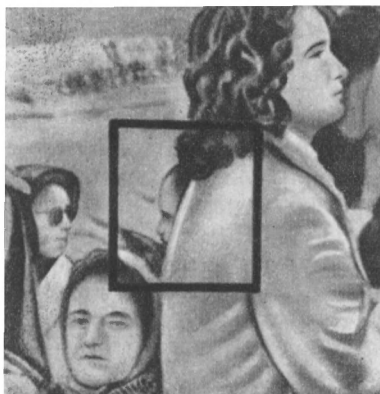
Но и в Зальцбурге, как прежде, текут доллары в так называемое «венгерское бюро», находящееся на Хельбруннерштрассе. Эта организация никогда не скрывала, что содержится исключительно на американские доллары. В настоящее время она организует движение среди венгерских беженцев с целью нелегальной отправки хортистов в Венгрию.

На зальцбургском вокзале сотнями собираются группы венгерских беженцев, отправляющихся на венгерскую границу, где их якобы будут готовить для «устройства на работу» в Бургенланде. Но какая «работа» для этих людей имеется в виду, видно и из того, что господа, принимающие на границе так называемых «борцов за свободу», говорят по-английски...»

Разумеется, все эти венгерские эмигранты, направлявшиеся на

«работу в Бургенланд», сосредоточивались на венгерской границе и переходили ее именно для того, чтобы принять участие в боях в Венгрии. Вербовка венгерских эмигрантов проводилась во многих местах. Наряду с вышеупомянутым «венгерским бюро» в этой вербовке участвовала также венгерская организация «Каритас», тоже находящаяся в Зальцбурге по адресу Иганц Харрерштрассе, 2, и руководимая эмигрантом *Иштваном Барта*. В октябрьские дни здесь развернулась бурная деятельность. Господа, прибывавшие на автомашинах с американскими и немецкими номерами, вели здесь переговоры с руководящими венгерскими эмигрантами. Главным образом 27 октября, но также в предыдущие и последующие дни эмигранты большими группами уезжали с главного вокзала Зальцбурга. В этом же направлении и с такой же целью уехали многие венгры из Аттнанг-Пуххейма и Вельса.

Этот снимок — без нанесенного на него квадрата — появился 17 ноября во французском журнале „Пари матч“. По утверждению журнала, на фотографии сняты венгерские беженцы. Однако, как выяснилось, человек, изображенный в квадрате, является не кем иным, как испанским фалангистом Хосе Луисом Гомесом Тельо, который в составе „Голубой дивизии“ воевал на стороне гитлеровской армии. Как только в Венгрии начался контрреволюционный мятеж, он появился там и установил связь с бывшими хортистами. Возникает вопрос: с какой целью?

В первые дни примерно двести эмигрантов было отправлено также из лагерей в Кематене, Хунгербурге и Рейхенау. Значительно опустел также Зиндорфский лагерь возле Нюрнберга. Вербовка проводилась и в зальцбургском лагере Розитен (близ Нейтергассе); туда собирали также тех венгерских беженцев, с которыми были связаны определенные планы. Впрочем, в этом лагере находится штаб старой венгерской эмиграции.

Между прочим, значительная часть проживающих в Зальцбурге венгерских эмигрантов именно в эти дни «покинула» Зальцбург. Так, например, бывший полковник хортистской армии, в течение многих лет являющийся американским агентом, *Оскар Екельфалуши* (Зальцбург, Вольф Дитрихштрассе, 10) еще накануне венгерских событий исчез из Зальцбурга. Этот господин регулярно встречался и совещался с другими хортистскими офицерами, а также с офицерами германского вермахта и СС в отеле

«Траубе». *Петер Салаи* все время разъезжал между Австрией и Венгрией. Одно время он жил в лагере № 1001 в городе Вельс. Этим лагерем, который кратко называют «школой убийц», руководила американская шпионская организация Си Ай Си.

Обучение венгерских и других эмигрантов систематически проводится во многих лагерях. На различных курсах, в частности радистов, обучаются диверсанты, засылаемые в страны народной демократии. Одним из тех, кто руководит их подготовкой, является *С. Визенталь*, инженер из Линца; он проводит вербовку венгров вместе с полковником *Надаи*. Штаб-квартира *Надаи* находится в Куфштейне. В период, предшествовавший октябрьским событиям, *Визенталь* и *Надаи* выезжали к венгерской границе, чтобы узнать, на каком протяжении границы сняты технические заграждения. Как *Надаи*, так и *Визенталь* «работают» на американцев и, так же как многие другие им подобные агенты, встречаются в Вене в отеле «Регина» (Рузвельтплац, 9). Там родились многие соглашения, относящиеся к вмешательству в венгерские события. Между прочим, *Визенталь* после провала контрреволюционного путча в Венгрии вновь занимается в первую очередь подготовкой агентов. В Инсбруке он договорился с соответствующими органами о том, что в январе будут возобновлены занятия на специальных курсах, где одновременно начнут функционировать три группы. Этими курсами руководят из Мюнхена. Подготовкой агентов занимается также венгерка по имени *Амбруши*, которая одновременно руководит лагерем Хеттингге, а ее любовника *Бруно Буковицу* поручено отбирать в различных лагерях венгерских и других эмигрантов, наиболее пригодных для обучения на специальных курсах.

В надежде на победу в борьбу вступила вся венгерская эмиграция, готовая драться за лакомый кусок. Создавались и направлялись в бой вооруженные отряды. Через границу переправлялись радиостанции. Мелкие и крупные агенты наводнили Восточную Австрию и Западную Венгрию. Подготовка в этом направлении велась давно. Например, руководитель венгерских фашистов в США *Бела Варга*, согласно французским сообщениям, сам признал на одной из пресс-конференций в Нью-Йорке, что у него уже в начале октября была установлена связь с нелегальным центром в Венгрии. На арену выступили не только *Ференц Надь* и эрцгерцог *Йозеф Габсбург*, но и *Тибор Экхардт*, генерал-полковник *Шони*, *Миклош Хорти* и его сын, сын *Дьюлы Гёмбёша* и «наследник престола» *Отто Габсбург*. Последний даже сделал заявление испанской католической газете «Я» и поторапливал своих западных хозяев, ибо, как он заявил, «только глупец не воспользуется тем, что его враг попал в тяжелое положение». На арену выступил также граф *Пал Эстерхази*, попавший в тюрьму в одно время с Миндсенти и одновременно с ним освобожденный.

Бела Кохут и Янош Дериан в свое время бежали на Запад. С группой американских шпионов они вернулись в Венгрию в санитарном поезде, чтобы принять участие в контрреволюционном мятеже.

Много венгерских эмигрантов и других контрреволюционеров побывало в нашей стране под видом журналистов и т. д. Одним из них, между прочим, является испанский фалангист *Хосе Луис Гомес Тельо*, чью фотографию (в группе венгров) мы публикуем в настоящем выпуске «Белой книги». В качестве журналиста наряду с уже упомянутой *графиней Беатрисой Сечени* в Венгрию проник с западногерманским паспортом и бывший фашистский земельный магнат статс-секретарь министерства финансов при Хорти барон *Тибор Коллаш*, эмигрировавший до 1948 года и проживающий в Штуттгарте. Таким же образом в страну пробрался и английский гражданин *Джексон Грэхем Стюарт*. Хотя он и переехал через границу с удостоверением журналиста, но, как свидетельствует его удостоверение личности, где помещена фотография, Стюарт является кадровым военным и имеет чин полковника. В нашей стране побывали также австрийский советник *Франц Штробль* и адвокат *д-р Курт Вернер*, которые при возвращении вывезли с собой в Австрию *графа Эстерхази* и его жену.

До и после 23 октября на территорию Венгрии было заброшено бесчисленное множество хортистских офицеров, жандармов, нилашистов и других эмигрантов. Их предварительно «обработали» различные шпионские организации, действующие под вывеской «благотворительных обществ», а подчас и открыто. После соответствующей подготовки их посылали в Венгрию, а в конце октября — уже с прямым указанием примкнуть к вооруженным мятежникам. Так, например, двадцатилетние электромонтеры *Янош Дериан* и *Бела Кохут* вместе с пятью своими сообщниками

бежали 2 октября 1956 года в Австрию, чтобы уклониться от призыва в армию. Австрийские жандармы задержали их в пограничном селении Машендорф. С 6 по 15 октября Дорнан и его сообщники находились в тюрьме города Гюсинга. 15 октября их отпустили на свободу, снабдили документами и направили в «венгерское бюро», находящееся в Граце, к некоему *Ласло Сентдьёрди*, который свел их с местными представителями радиостанции «Свободная Европа», а затем с уполномоченными одного католического «благотворительного общества». 19 октября они оказались в Зальцбурге, где ими снова занимались уполномоченные Комитета «Свободная Европа» и представитель американской секретной службы Си Ай Си. Им обещали легкую работу и много денег. А затем 27 октября, даже без соответствующего «обучения», их направили обратно в Венгрию с заданием принять участие в мятеже.

28 октября венгерские эмигранты организовали митинг в зальцбургском отеле «Парк», на котором в числе других выступили жандармский полковник *Балла* и хортистский офицер *Ласло Хорват*, обрушившиеся с клеветой на венгерскую народную демократию. Они призвали эмигрантов вооружиться американским оружием, которое должно было вскоре прибыть, и принять участие в вооруженном мятеже. Тех, кто дал свое согласие, 29 октября отвезли на австрийско-венгерскую границу, выдав каждому из них по 50 шиллингов. Австрийская пограничная служба беспрепятственно пропустила этих эмигрантов через границу. Вскоре они прибыли в Сентготард, откуда санитарный поезд доставил их в Будапешт. Здесь они связались с «венгерским национальным революционным комитетом» Дудаша и «национальной гвардией», которая немедленно приняла их на службу.

Как мы видим, венгерская эмиграция начала действовать всю, руководствуясь принципом, изложенным 9 ноября в мюнхенском еженедельнике «Уй Хунгария» в пространной статье, подписанной *«Проф. д-р Доминикус Гликкер О. П.»*:

«В дни великих кризисов люди, оказавшиеся на чужбине, сохраняют дух нации!»

Сущностью этого «национального духа», как это явствует из статьи, является восстановление старой буржуазно-помещичьей Венгрии.

IV

ИХ ГЛАЗАМИ

Политические и военные круги Запада ясно отдавали себе отчет в том, к чему ведет игра в Венгрии. Они знали все то, о чем у нас тогда можно было лишь догадываться. Именно поэтому

западная печать не проявляла колебаний в том, следует ли оценивать сущность и подлинные цели вооруженных выступлений как контрреволюционные выступления против коммунизма и строя народной демократии. Они с самого начала хотели лишь использовать в своих интересах прогрессивное движение молодежи и части интеллигенции, в основе которого лежали благонамеренные и справедливые требования. Яснее всего это показывает уже цитировавшаяся нами статья Дж. Мендельсона, опубликованная в газете «Нью стейтсмен энд Нейшн»:

«Вначале революция была результатом выступления студентов и рабочих, но постепенно на передний план стали выдвигаться другие силы, особенно после того, как русская армия вышла из Будапешта. Началось сожжение книг и газет, что чуждо обычаям членов профсоюза и социалистов. На митингах демонстранты выдвигали все более и более крайние националистические требования. Появились старые мундиры армии Хорти. Власть правительства Надя постепенно превращалась в ничто... Руководство революцией непрерывно сползало вправо. Как сообщала консервативная немецкая газета «Ди вельт», венгерские солдаты распространяли в Будапеште листовки, в которых требовали передать всю верховную исполнительную власть армии... Толпа, руководимая крайними националистами, напала на министерство иностранных дел, пренебрегая мольбой правительства Надя — Тильди прекратить кровопролитие. 1 ноября Тильди прибегнул к последней отчаянной попытке упрочить положение — завоевать поддержку Миндсенти. Делегация правительства, состоящая из четырех человек, во главе с Тильди явилась к Миндсенти, который не принял ее, подбодрив тем самым, как утверждал хорошо осведомленный журнал «Дер шпигель», тех, кто затевал создание партии кардинала. Этим Миндсенти сделал изоляцию правительства Надя полной и обрек его на провал».

Для западной печати было бесспорно, что острие венгерских событий в конечном счете направлено или будет направлено на свержение существующего строя. В подтверждение этого можно было бы привести целый «букет» цитат из западных газет. Например, брюссельская «Ле пепль» в номере от 1 ноября писала:

«Под предлогом того, что Венгрия и Польша десталинизируются и не желают больше играть роль послушных сателлитов, определенные лица, не особенно разборчивые в средствах, уже пытаются ввергнуть эти нации во тьму прошлого, совлечь их с путей, ведущих к социализму».

Газета «Монд», которую никак нельзя обвинить в сочувствии народно-демократическому строю, писала 27 октября:

«Становится все более ясным, что повстанцы борются не против методов строя, а против самого строя».

Но уже в сообщении от 31 октября, опубликованном в этой газете 1 ноября, мы читаем:

«К тому времени, когда вечерние сумерки спустились на Будапешт, окутанный дымом боев, всем было ясно, что венгерской народной демократии больше не существует».

— 6. — LE MONDE. — 2 novembre 1956. —

APRÈS LA RÉ

LE GOUVERNEMENT NAGY pourrait bientôt céder la place à une formation anticommuniste

De nombreux policiers staliniens sont abattus ou pendus

De notre correspondant particulier JEAN ROMAN

Vienne, 1er novembre. — La révolution en Hongrie l'a emporté, on a vu venir la contre-révolution. La terminologie traditionnelle selon laquelle ce sont les peuples qui font les révolutions, tandis que les classes militaires accablées par l'Église et les

En Autriche, les événements de Hongrie ont suivi avec une attention soutenue. Verra-t-on naître en Hongrie un système politique calqué sur le modèle de l'Autriche, où le parti des petits propriétaires dont les buts sont similaires à ceux des

„Правительство Надя скоро сможет уступить место антикоммунистическому правительству“, — так писала французская газета „Монд“. Статья, озаглавленная „Многие сталинистские полицейские убиты или повешены“, начинается словами: „Революция, или, если хотите, контрреволюция, в Венгрии победила“.

Эта же газета опубликовала 2 ноября сообщение своего корреспондента *Жана Романа* от 1 ноября, которое начинается следующими словами:

«Революция, или, если хотите, контрреволюция, в Венгрии победила».

Орган французской социалистической партии газета «Попюлер де Пари» 29 октября писала следующее:

«Повстанцев, которые распоряжаются, как хозяева — это доказывается тем, что Имре Надь подчиняется им, — уже не удовлетворяют ни десталинизация на русский манер,

ни десателлитизация на польский манер: они требуют декоммунизации».

Le Populaire de Paris

DIRECTEUR POLITIQUE : LÉON BLUM (1921-1960)

Le N° 35 francs — Cours : 30 fr. — Abonné et Tasse : 30 fr.
— Mars : 30 francs — Villes : 30 francs

L'INSURRECTION HONGROISE DICTAIT HIER ses conditions au nouveau gouvernement NAGY

qui a pris l'engagement de faire évacuer les troupes soviétiques

Парижская «Орор» 26 октября сообщала, что

«повстанцы являются не только антисталинистами, но и антикоммунистами».

Большая часть западной прессы, как и ее хозяева, считала венгерскую народную демократию ликвидированной. Еще были возможны и действительно имели место споры по вопросам о дальнейшей тактике и о путях «развития», но они уже считали Венгрию своей. Они лишь хладнокровно фиксировали то, что началось в это время в Венгрии: разгул распоясавшейся контрреволюции, истерию погромов и самосуда, убийства.

В первых числах ноября «Вестдейчес тагблатт» писала:

«Невообразимые ужасы — таковы последствия событий; жертвами стали как виновные, так и невинные. Кровавый закон Линча господствует в стране».

По свидетельству дюссельдорфской «Дейче фольксцейтунг»,

«с того момента, когда советские танки покинули Будапешт, началась ужасная массовая резня, настоящая варфоломеевская ночь».

В дни, когда начался белый террор, западная печать, полная надежд на образование буржуазного строя, очень точно определила роль, которая была отведена ими Имре Надю и его правительству. Газета «Орор» писала 2 ноября:

«Несомненно, Надю предстоит еще сыграть определенную роль, поэтому ему оказывают поддержку некоммуни-

стические члены правительства. Для ведения переговоров с русскими и достижения договоренности об их уходе он является более удобной фигурой, чем они».

По мнению западногерманской газеты «Ди вельт» от 3 ноября, «победоносное национально-коммунистическое восстание вылилось в общее антикоммунистическое восстание. Имре Надь искал спасения в том, что сползал вправо... Он уравнивал свою внутривластную слабость усиливающимися антисоветскими акциями. Имре Надь зашел так далеко, что потерял возможность повернуть вспять».

Как писала «Либерасьон», руководитель службы информации Соединенных Штатов Стрейберт 31 октября заявил, что они считают правительство Надя только переходным. Вслед за этим ожидается создание правительства «твердой руки» с участием политиков из числа эмигрантов, которое в корне порвет с коммунистическим строем и очистит государственный аппарат, чтобы Венгрия могла, наконец, занять место в западном лагере. По его мнению, Миндсенти подошел бы для руководства таким правительством. После этого заявления болтливый руководитель службы информации был срочно смещен. В связи с заявлением Стрейберта «Либерасьон» спрашивает: «Что это — бред или нескромность?».

Все больше росла уверенность западной буржуазии в том, что скоро она сможет полностью взять в свои руки политическое руководство. 2 ноября «Орор» уже намечала кандидатуры:

«Венгрия уже ищет будущее правительство, которое вновь восстановит жизнь и создаст порядок... Кто бы мог выполнить эту срочную задачу? Упоминают имя полковника Малетера, «уже являющегося министром обороны, но политические способности которого не известны», и имя Миндсенти. Последнего газета считает подходящим для того, чтобы «объединить различные партии, возрожденные ныне из пепла».

Вообще западная печать уже «облюбовала» Миндсенти в качестве руководителя страны. «Нью-Йорк геральд трибюн» 2 ноября писала, что

«его возвращение является одним из самых блестящих успехов католической церкви... в антикоммунистической борьбе последнего десятилетия».

Дейтчер в английской газете «Скотсмен» писал:

«Драматическим кульминационным пунктом наступления антикоммунистов было триумфальное вступление в Будапешт кардинала Миндсенти под колокольный звон,

LE CARDINAL MINDSZENTY EST PRÊT À PARTICIPER au gouvernement qui rétablira l'ordre à Budapest

(De notre envoyé spécial, Arthur CORVENNE)

BUDAPEST, 1er novembre. — Libéré seulement depuis 48 heures, le cardinal Mindszenty est aujourd'hui l'homme le plus important de son pays.

La Hongrie vient de conquérir son indépendance nationale, mais si les vainqueurs de la révolution nationale ne réussissent pas à remettre la poule hongroise au travail, elle sera perdue. C'est pourquoi le cardinal Mindszenty, qui a été l'un des principaux artisans de la révolution nationale, se propose de remettre en force et d'insérer à l'avenir en Hongrie une religion plus in-

— Il n'y a aucune objection à ce sujet.

— Est-ce que votre éminence accepte un poste dirigeant dans le futur gouvernement ?

— C'est possible. — Il n'est pas certain, toutefois, que le cardinal assume lui-même la direction du gouvernement de transition. Ce poste pourrait revenir à un homme politique auquel le prêtre accepterait de donner, comme ministre d'Etat, sa caution morale.

— Le cardinal ne figure comme

Nagy, on le retrouve dans le comité révolutionnaire du ministère hongrois des Affaires étrangères. Ce comité, qui a désormais la haute main sur la diplomatie de la Hongrie, a décidé de prendre un certain nombre de mesures. Ces mesures, prises dans l'intérêt de la création d'une politique extérieure indépendante, sont les suivantes :

1) Il a été parvenu un pré-

vention des Nations Unies et une obligation formelle de confiance de toute la nation. Nous avons pris des mesures pour que la délégation hongroise soit dévouée au parti pays et que MM. Sauer-Horvath et Endre Hilt, actuellement en route, rentrent en Hongrie ;

2) Le comité révolutionnaire a fait une proposition, et parviendra au gouvernement en vue de repousser de tous les ministères hongrois et ceux des autres à l'étranger, ainsi que d'

Статья из французской газеты „Орор“ от 2 ноября 1956 года, цитируемая нами выше, была озаглавлена: „Кардинал Миндсенти готов участвовать в правительстве, которое восстановит в Будапеште порядок“.

который по радио мог слышать весь мир. В силу обстоятельств Миндсенти стал духовным руководителем мятежа. Его слово имело больший вес, чем все призывы Имре Надя».

Согласно утверждению западных газет, Миндсенти предпринял соответствующие шаги для создания партии. Так, 2 ноября газета «Орор» писала, что

«кардинал желает, чтобы в Венгрии образовалась Христианско-демократическая партия, подобная уже существующим в Италии, Германии, Франции и Бельгии. Он подчеркивает, что венгерская Христианско-демократическая партия, как и партия Аденауэра в Германии, должна объединить как католические, так и протестантские элементы страны».

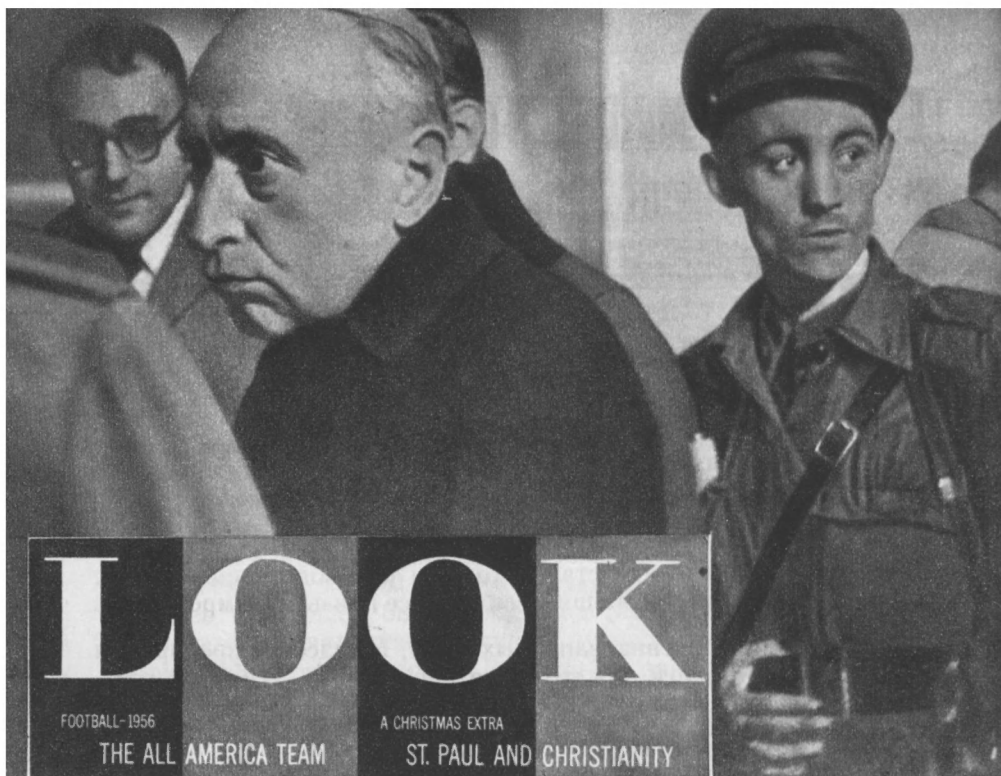
Автор этой статьи Артур Корвэн взял интервью у Миндсенти. Вот что он пишет об этом:

«Он [Миндсенти.— Составит.] подтверждает, что хотел бы, чтобы образовалась Христианско-демократическая партия, и, как видно, оптимистически настроен относительно возможности ее создания...

— Ваше Высокопреосвященство заняло бы ведущую роль в будущем правительстве?

— Возможно.

Во всяком случае, еще нельзя точно сказать, что кардинал возглавил бы переходное правительство. Этот пост мог бы занять такой политический деятель, которому кардинал в качестве государственного министра пожелал бы оказывать моральную поддержку».

Снимок из американского журнала „Лук“, изображающий кардинала Йозефа Миндсенти после освобождения из-под домашнего ареста. Подпись под снимком гласит: „Кардинала Миндсенти приветствуют в Будапеште“.

Западногерманская газета «Дейче вохе» 14 ноября писала по поводу интервью с Миндсенти:

«2 ноября кардинал в присутствии представителей печати обратился с открытым призывом к Западу и просил у него политической поддержки и помощи ввиду очень трудного положения.

Перед интервью он имел разговор по телефону со своим бывшим сотрудником патером Ясовским, живущим в Сан-Франциско. Через него Миндсенти направил личное послание президенту США, в котором просил поддержать венгерский народ в его борьбе за свободу и помочь открыть австрийскую границу для поставок оружия и материалов».

О непосредственных связях Миндсенти с Соединенными Штатами свидетельствует не только это сообщение. В уже неоднократно

но упоминавшейся газете «Уй Хунгария» приводятся слова секретарши Миндсенти *Беатрисы Сечени*, которая заявила:

«В городе почти нет телефонной связи, а с провинцией нет вообще никакой связи, но сегодня утром мы уже дважды имели разговор с Вашингтоном».

Ясно, что связь с Ватиканом и Вашингтоном означала для Миндсенти ту информацию, которая, как он сказал в своем кратком заявлении по радио, тогда еще была ему необходима. Через два дня было подготовлено его более обширное заявление, переданное по будапештскому радио 3 ноября.

Даже по мнению Ватикана, снаряд, выпущенный Миндсенти, пролетел дальше цели. Именно поэтому папа тоже считал «необдуманным» заявление Миндсенти от 3 ноября. Швейцарская «Журналь де Женев» писала 13 декабря в статье, озаглавленной «Ватикан не одобряет непримиримости кардинала Миндсенти»:

«Кардинал потерял связь с действительностью. Папа с беспокойством наблюдает личную драму кардинала Миндсенти... Он провел последние восемь лет в тюрьме, полностью изолированный от внешнего мира. Таким образом, сразу после своего освобождения он думал, что в стране пришел конец красному режиму. Это свое мнение он изложил в письмах, посланных папе, президенту Эйзенхауэру и нью-йоркскому архиепископу кардиналу Спеллману. Кроме того, в своем выступлении по радио он призвал соотечественников отречься от коммунизма, восстановить частную собственность, провести свободные выборы, вернуть церкви ее имущество, восстановить свободу печати, свободу образования и создать католическую партию. Он также высказался против правительства Надя... Затем Миндсенти обратился с воззванием к свободному миру, заявив, что любое сосуществование с коммунизмом невозможно, и прося, чтобы вооруженные силы Запада как можно скорее освободили Венгрию. И, наконец, он резко сказал одному американскому корреспонденту, что агонизирующему народу не нужны послания с выражениями солидарности».

* * *

Буржуазная печать зачастую против своей воли дает ясное представление о контрреволюционных силах в венгерских событиях. Западные сообщения, западные газеты и не в последнюю очередь деятельность радио «Свободная Европа» ясно показывают, какую большую роль в контрреволюционных событиях в Венгрии сыграл капиталистический Запад.

Кого контрреволюция освободила из тюрем

Одним из главных резервов контрреволюционных сил являлась многотысячная масса политических и уголовных преступников, освобожденных из тюрем. Из различных тюрем страны было выпущено более 13 тысяч заключенных, в том числе почти 10 тысяч уголовников. Например, в Ваце выпустили 1080 заключенных, в одной из тюрем Будапешта — 1538, в Марианостре — 348, в Шаторальяуйхее — 292, в Орослани — 1150, в Палхалме — 1631, в Сомбатхее — 248, в Калоче — 123, в Сольноке — 692 и т. д. Большая часть освобожденных заключенных влилась в вооруженные отряды контрреволюции.

Вот лишь один короткий, составленный почти наугад перечень лиц, которые были освобождены из тюрем и значительная часть которых приняла затем активное участие в контрреволюционных событиях:

Бела Алфёльди — бывший крупный торговец. В 1944 году он взялся за деньги спрятать двенадцать лиц, подвергавшихся преследованию, но затем выдал их хортистской полиции на горе Швабхедь.

Аристид Аткари — сын представителя немецкого военного концерна «ИГ Фарбениндустри» в Венгрии, отбывавший пятнадцатилетнее тюремное заключение за шпионаж. Освободившись из тюрьмы, он руководил в Будапеште вооруженным отрядом.

Йожеф Бакош — член террористического отряда Хейяша, созданного после 1919 года, один из тех, кто проводил расправу в Орговани.

Михай Балог — бывший жандарм, состоявший в следственной группе небезызвестного Юхаса. При режиме Хорти Балог выследил и задержал многих участников левых движений, в том числе Иштвана Доби, Петера Вереша и других.

Карой Бариц — хортистский жандармский офицер, по приказу которого в 1935 году в Аткаре жандармы стреляли в народ и убили восемь человек.

Йожеф Беел и *Дьюла Бокор* — сыщики, принимавшие участие в пытках, которым были подвергнуты многие руководители рабочего движения, например Ференц Рожа и Золтан Шёнхерц.

Альберт Бегре — грабитель, осужденный на тринадцать лет.
Дежё Бертоги — в 1944 году сотнями отправлявший в немецкие лагеря смерти заключенных, находившихся в лагере для интернированных в области Сольнок.

Эмил Часкоци — сын хортистского полковника, осужденный в 1955 году за участие в антигосударственном заговоре.

Д-р Акош Чиквари — капитан хортистской полиции, убивший многих людей.

Лайош Надь Дёвёньи — редактор подстрекательской нилашистской газеты «Мадьяр футар».

Лайош Духонь — приговоренный за убийство гражданки Юлии Надь к двадцати годам тюремного заключения.

Бела Энъеди — хортистский судебный следователь.

Граф Пал Эстерхази — один из самых крупных землевладельцев Венгрии, владелец многих заводов и мельниц, участник контрреволюционного заговора.

Денеш Галди — агент американской шпионской службы.

Габор Кирайи — член отряда Хейяша, отбывавший тюремное заключение за зверское убийство одиннадцати человек.

Дьёрдь Лакхейи и *Барнабаш Римасечи* — приговоренные к тюремному заключению за создание подпольной контрреволюционной организации «Белый партизан».

Золтан Литомерицки — полковник, прокурор хортистского особого суда.

Золтан Мешко — пресловутый главарь нилашистов, бывший нилашистский министр.

Лайош Месарош — уничтожил в Бухенвальде восемьдесят человек, подозреваемых в партизанской деятельности; из них десять человек были убиты им лично.

Янош Надь — один из главарей, организовавших в 1942 году жестокое кровопролитие в Нови-Саде.

Герцог Петер Одеицалхи — агент американской шпионской организации Си Ай Си, арестованный в 1956 году.

Эмил Саквари — министр нилашистского правительства.

Ричард Сентолери (Шивни) — бывший подполковник жандармерии.

Режё Варга — грабитель, который после своего освобождения из тюрьмы принял участие в убийстве прокурора Иштвана Шаркади и Пала Фодора, совершенном отрядами Дудаша, находившимися в здании газеты «Сабад неп».

Данные об ущербе и убытках, причиненных контрреволюционным мятежом

Данные больниц

Между 23 октября и 1 декабря 1956 года во всех больницах, поликлиниках и временно оборудованных медицинских учреждениях Красного Креста на стационарном и амбулаторном лечении находился 12 971 *раненый*. Общее число раненых несколько превышает эту цифру, ибо среди легко раненных были и такие, которые лечились только дома. Из вышеуказанного общего по стране числа раненых, лечившихся в больницах, поликлиниках и временных медицинских учреждениях Красного Креста, подавляющее большинство приходится на Будапешт.

В *будапештских* больницах, поликлиниках и временных медицинских учреждениях Красного Креста за указанный выше период находилось на излечении и получило врачебную помощь 11 513 раненых, в то время как в провинции 1458 раненых.

На стационарном лечении в больницах столицы находился 6731 раненый, 559 из них умерли.

Число погибших в Будапеште

В результате военных действий и убийств в Будапеште по районным советам до 30 ноября был зарегистрирован 1191 *случай смерти*. Эта цифра включает в себя также умерших в больницах. Однако число погибших в Будапеште превышает эту цифру. За период мятежа похоронные бюро погребли на кладбищах 1230 умерших, кроме того, около 500 человек было похоронено на площадях и близ жилых домов. Значительную часть из них, вероятно, составляют люди, приехавшие из провинции. Трупы многих убитых сотрудников госбезопасности и партийных работников были закопаны тайно. Поиски мест их погребения еще продолжаются. Число погибших в Будапеште, с учетом и этих послед-

них — не считая потерь советских войск, — составляет примерно 1800 человек.

Материальный ущерб

В результате вооруженных столкновений, вызванных контрреволюционным мятежом, был причинен большой материальный ущерб зданиям и оборудованию. Большой размах приняли грабежи, но особенно серьезные убытки понесла страна в результате нарушения работы промышленности и транспорта.

В области промышленного производства в результате забастовок, дезорганизации промышленности и транспорта не было произведено товаров стоимостью на 9 миллиардов форинтов; на эту сумму уменьшился национальный доход 1956 года. Но потери значительно превышают даже эту цифру, так как в 1957 году в течение нескольких месяцев из-за недостатка угля и электроэнергии производство будет еще гораздо ниже уровня, существовавшего до 23 октября 1956 года.

В результате грабежей и разрушений серьезные убытки причинены государственным товарным запасам, оборудованию и запасам торговой и транспортной сети, оборудованию и запасам многочисленных предприятий общественного питания, гостиниц, а также многих промышленных предприятий. Вследствие разрушений и потерь, причиненных магазинам и торговым складам, а также предприятиям общественного питания, были нанесены товарные убытки на сумму 530 миллионов форинтов, а убытки вследствие порчи оборудования составили 229 миллионов форинтов. Таким образом, общий ущерб составляет 759 миллионов форинтов.

Ущерб, причиненный венгерским государственным железным дорогам, равен 400 миллионам форинтов.

В результате ограбления военных складов были нанесены убытки на сумму около 100 миллионов форинтов.

Кроме того, крупные потери сырья и товаров понесли предприятия пищевой промышленности и другие предприятия, главным образом те, которые производят потребительские товары.

Общий ущерб по всей стране вследствие грабежей и разрушений составляет около 1,5 миллиарда форинтов.

Контрреволюционеры, издеваясь над намерениями честных людей, принявших участие в народном движении, сознательно стремились к тому, чтобы грабежи приняли как можно большие масштабы. Это была тактика фашистов, которую в 1919—1921 годах применяли хортистские отряды, а в 1944 году в более значительных масштабах — нилашисты. После октябрьских событий контрреволюционеры в первую очередь грабили и унич-

тожали государственную собственность. Наряду с этим они грабили квартиры арестованных сотрудников госбезопасности, партийных работников и работников советов. Однако в этих грабежах принимали участие почти исключительно контрреволюционные группы, главным образом их «особые отряды». В некоторых местах начались также еврейские погромы и грабежи еврейских квартир.

В ходе вооруженной борьбы был причинен *серьезный ущерб зданиям* в Будапеште, а также незначительный ущерб в некоторых районах в провинции. Ущерб, причиненный зданиям, составляет приблизительно 1 миллиард форинтов.

Все это, вместе взятое — временное прекращение производства, убытки от грабежей и разрушений, а также ущерб, причиненный зданиям, — сократило национальный доход страны в 1956 году на 11,5 миллиарда форинтов.

ПЯТНАДЦАТЬ МУЧЕНИКОВ

Жертвами белого террора пали сотни людей,— сотни тех, кто погиб не в вооруженной борьбе, а был убит. Чтобы показать, что контрреволюция выбирала свои жертвы из числа наиболее верных сынов народа, мы коротко расскажем о жизненном пути пятнадцати мучеников.

В октябрьско-ноябрьских событиях было много и других жертв: простые трудящиеся, солдаты, полицейские, партийные работники и люди, случайно оказавшиеся в гуще событий или введенные в заблуждение. Трагическая смерть каждого честного человека вызывает глубокую скорбь венгерского народа.

ИМРЕ МЕЗЁ,
СЕКРЕТАРЬ БУДАПЕШТСКОГО ГОРКОМА ВПТ

Имре Мезё родился в 1905 году в Ромачахаза. Его мать рано овдовела. Бедная крестьянка выполняла любую работу, чтобы иметь возможность содержать десять детей. Старшие дети тоже работали, помогая матери добывать скудные средства к существованию.

Имре Мезё рано покинул родной дом и поступил в учение к портному. Будучи учеником портного, он научился писать и читать. В 1927 году выехал за границу. В Бельгии в 1929 году Мезё вступил в Коммунистическую партию и вскоре стал там одним из руководителей венгерской партийной группы. В 1936 — 1939 годах он принимал участие в освободительной антифашистской борьбе испанского народа в рядах Интернациональной бригады и дважды был тяжело ранен. После поражения испанских республиканцев Мезё перебрался во Францию, где был интернирован. Оттуда его направляют на принудительные работы. В 1944 году он возвратился во Францию, где включился во французское движение Сопротивления.

Весной 1945 года Имре Мезё возвратился в Венгрию. Он работал в Будапештском горкоме партии, вначале в отделе агитации, а затем был избран секретарем горкома. В 1952 году ему поручили руководство производственным отделом Всевенгерского совета профсоюзов. Он был удален из аппарата Будапештского горкома, потому что клика Ракоши — Фаркаша, создавшая атмосферу постыдного недоверия вокруг старых коммунистов и участников испанской освободительной борьбы, приклеила ярлык «подозрительного» Имре Мезё. Однако очень многие товарищи хорошо знали о верности Мезё партии и народу.

С 1949 по 1953 год Имре Мезё был депутатом Государственного собрания. На выборах 1953 года сторонники Ракоши не допустили выдвижения его кандидатуры. После июня 1953 года началось исправление допущенных несправедливостей. В 1954 году Имре Мезё возвратился на работу в Будапештский горком ВПТ и одновременно был избран одним из его секретарей. Мезё последовательно боролся против затягивания дел по реабилитации и за исправление ошибок, допущенных партийным и государственным руководством. В июле 1956 года, после отставки Ракоши, он стал членом Центрального Комитета.

30 октября 1956 года, когда контрреволюционеры напали на помещение Будапештского горкома партии, Имре Мезё возглавил оборону. Последние часы своей жизни он провел в борьбе за защиту народной власти. Во время нападения на здание горкома он погиб от рук гнусных фашистских убийц, когда в сопровождении двух старших армейских офицеров с белым флагом в руках вышел из подъезда дома, чтобы начать переговоры о прекращении сопротивления.

Его жизнь и смерть являются незабываемым уроком для венгерского трудового народа и представляют собой тяжелый обвинительный акт против контрреволюции.

ЙОЖЕФ КАЛАМАР,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЧЕПЕЛЬСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА

Йожеф Каламар родился 16 октября 1895 года в Шерегейеше. Отец его был дорожным рабочим. После окончания шести классов начальной школы Йожеф Каламар изучал столярное ремесло. В 1913 году он приехал на Чепель. В 1915 году Каламара призывают на военную службу. В армии он стал корреспондентом «Непсавы» и в 1917 году за свою журналистскую деятельность предстал перед военным судом.

В 1918 году, после окончания войны, Йожеф Каламар принимал активное участие в рабочем движении. На бывшем заводе Вейс Манфред он был вначале доверенным лицом рабочих, а затем членом заводского рабочего совета. В 1919 году он избирается членом местной Директории. Когда империалистические войска напали на Венгерскую советскую республику, он вступил в ряды Красной Армии и в составе Чепельского красного пехотного полка сражался на фронтах.

После поражения Советской республики и до 1921 года он находился в тюрьме на бульваре Маргит и в Залаегерсегском лагере для интернированных. В 1921 году он возвратился на Чепель. В 1922—1923 годах, будучи членом Организационного комитета, Каламар четырежды принимал участие в четырехнедельных забастовках металлистов.

В 1927 году Каламар вновь становится одним из руководителей четырехнедельной забастовки. В 1933 году вместе с членами редколлегии «Таршадалми семле» Йожефом Маджаром, Шандором Шенштейном и братьями Уйвари был арестован хортистской полицией; после освобождения Каламар не смог получить работу в металлопромышленности, так как попал в черный список Всевенгерского союза заводчиков.

В 1935 году он работал в течение нескольких месяцев на нефтяных промыслах в Михайе. После очередного периода безработицы Йожеф Каламар получил работу на прядильной фабрике „Хазан фешюшфоно“. В 1942 году его вновь поместили в казармы Надашди. После освобождения за ним был установлен надзор полиции. Если он и получал какую-нибудь работу, его увольняли через несколько недель.

Освобождение Венгрии застало его на Чепеле, и он сразу же включился в борьбу за построение новой, народной Венгрии. Каламар стал главным судьей поселка Чепель. С 1948 по 1954 год занимал различные посты, а затем вновь возвратился на Чепель и до дня своей гибели был председателем Чепельского городского совета.

С 1922 года Йожеф Каламар являлся членом Коммунистической партии, а затем Венгерской партии трудящихся. Он был избран членом Центральной контрольной комиссии Венгерской коммунистической партии и Чепельского партийного комитета.

Его всецело воспитал рабочий класс. Свою жизнь он отдал рабочему движению и любимой семье.

26 октября 1956 года Йожеф Каламар был убит контрреволюционными бандитами в Кирайэрдё. Они топтали ногами его труп, набивали песком рот, который всегда говорил правду. Он был похоронен тайком, и из его семьи на похоронах присутствовала лишь его семнадцатилетняя внучка Эдит.

Жена, верный спутник его жизни с девятнадцатилетнего возраста, трое взрослых детей и пять внуков, а вместе с ними большая семья его боевых товарищей проклинали убийц, оборвавших боевую, полную любви к людям жизнь Йожефа Каламара.

АНДРАШ БОРДАШ,
ТОКАРЬ, ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ КОШУТА

Андраш Бордаш родился 25 апреля 1921 года в селе Пражмер в Румынии. Его отец был железнодорожником. Закончив семь классов начальной школы, Андраш стал учеником токаря. По окончании учебы Бордаш работал в Пражмере. В 1941 году он приехал в Венгрию и начал работать токарем на Чепеле, на заводе Вейс Манфред.

Бордаш стал замечательным токарем, для которого работа в полном смысле этого слова была делом чести. После освобождения Бордаш неоднократно получал благодарности, грамоты и награды как лучший передовик производства. За безупречную работу в течение нескольких лет правительство 15 марта 1954 года наградило его премией Кошута. Бордаш гнался не за высокими процентами; он считал своим долгом выпускать продукцию высокого качества, за что и был отмечен правительством высокой наградой.

26 октября 1956 года Бордаш отправился на завод получить зарплату. Возвращаясь домой, он купил хлеб и виноград. Недалеко от дома, перед реформатской церковью, его неожиданно окружила толпа. Раздался клеветнический выкрик: «Это тот самый сотрудник госбезопасности, который вчера застрелил ребенка!» Раздался выстрел, и токарь Андраш Бордаш, лауреат премии Кошута, замертво упал на землю, выронив свои покупки. Герой труда стал жертвой убийц.

Престарелые родители, убитая горем жена, лишившаяся средств к существованию, девятилетний Андраш и маленькая Юлика никогда не простят этого убийства. Не простит этого и венгерский рабочий класс, верным и трудолюбивым сыном которого был Андраш Бордаш.

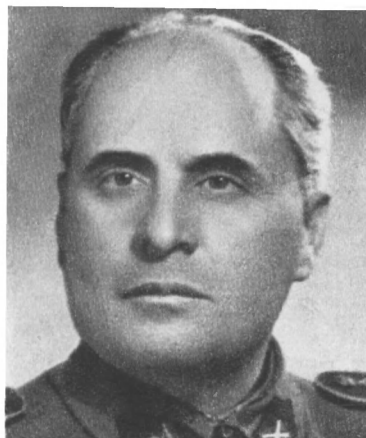
ЛАСЛО КОВАЧ,
МАЙОР

Ласло Ковач родился 14 января 1923 года в Карцаге, в семье служащего. Небольшая семья из-за болезни отца переселилась в Будапешт. Проболев пять лет, отец его в 1943 году умер. В это время Ласло Ковач изучал на вагоностроительном заводе «Ганц» профессию слесаря-механика. Он включился в рабочее движение и уже в 1941 году работал во Всевенгерском комитете молодежи в качестве ответственного за обучение молодежной группы X района. Одновременно Ковач заочно учился в гимназии, которую окончил и получил диплом. С 1943 года он являлся членом Коммунистической партии и был готов на любые жертвы во имя идеи коммунизма.

После освобождения Ласло Ковач становится оргсекретарем Союза венгерской демократической молодежи X района, затем инструктором ЦК и сотрудником будапештской организации Национального союза венгерской молодежи. В 1946 году он возвратился на завод резиновых изделий, работая слесарем-механиком, а затем стал техником на вагоностроительном заводе «Ганц».

В 1948 году Ковач добровольно вступил в офицерский корпус Народной армии. Он вел педагогическую работу в Академии имени Петефи и одновременно учился на механическом факультете Политехнического института. Проучившись там два года, он поступил на заочное отделение Экономического института.

23 октября 1956 года Ковач находился в охране здания Венгерского радио по улице Шандора Броди. В 11 часов 30 минут ночи толпа проломилла ворота. Ласло Ковач вместе с несколькими товарищами-офицерами пытался без оружия задержать толпу. Прятавшиеся в толпе автоматчики выстрелили, и Ласло Ковач, одна из первых жертв контрреволюционного мятежа, замертво упал во дворе Радио.

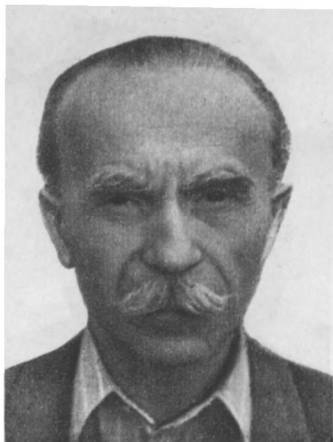

ШАНДОР СИКЛАИ,
ДИРЕКТОР МУЗЕЯ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Шандор Сиклаи родился 27 декабря 1895 года в Торне, в семье сальскохозяйственного рабочего. С тринадцатилетнего возраста он батрачил в усадьбе Дьюлы Юста, где проработал до начала первой мировой войны. В 1914 году Сиклаи был призван в армию австро-венгерской монархии и через год попал в плен к русским. В первые же дни Октябрьской социалистической революции в России Сиклаи вступает в ряды Красной Армии, а затем до конца гражданской войны сражается в партизанских отрядах. Шандор Сиклаи боролся за советскую власть на Урале, на Среднем Поволжье, в Средней Азии и на ферганском фронте. На каспийском фронте он был ранен. Будучи сыном бедного крестьянина, он в молодости не смог получить образования. В Советском Союзе Сиклаи окончил среднюю школу, потом институт и в 1924 году стал преподавателем. С невиданной энергией он изучал иностранные языки. Кроме русского, Шандор Сиклаи изучил румынский, испанский, немецкий и французский языки.

В 1936 году Сиклаи отправился в Испанию, чтобы принять участие в освободительной борьбе испанского народа, и до 1939 года сражался в рядах Интернациональной бригады. Будучи интернирован в 1939 году, он четыре года пробыл во Франции и в Африке. В 1943 году Сиклаи возвратился в Советский Союз и в антифашистских школах венгерских военнопленных проводил воспитательную работу. В 1944 году вернулся в Венгрию. На родине Шандор Сиклаи стал руководителем Бюро военнопленных. В 1948 году вступил в Народную армию и в последнее время был директором Музея военной истории.

26 октября 1956 года в Будапеште гнусные убийцы из бывшего фольксбунда прервали эту боевую, богатую победами жизнь.

ЛАЙОШ КИШ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ОТЕЧЕСТВЕННОГО
НАРОДНОГО ФРОНТА В БУДАКЕСИ

Лайош Киш родился 4 сентября 1900 года в Мако, в семье подмастерья портного. Отец его умер рано, а мать работала прачкой, воспитывая семерых детей: двух девочек и пятерых мальчиков. Из пяти сыновей четыре стали металлистами, а Лайош получил специальность слесаря-инструментальщика. Все они были членами профсоюза. Старший брат Лайоша — Пал участвовал в Октябрьской революции и до конца гражданской войны сражался в Сибири. Вместе со своим братом Арпадом Лайош в 1919 году сражался в рядах венгерской Красной армии. Под Мако оба брата попали в плен к румынам. Лайош Киш находился в тюрьмах в Араде, Тимишоаре и Браиле. Из тюрьмы он бежал в Австрию, где стал членом коммунистической партии Австрии. Позднее он выехал в Югославию, где также принимал участие в рабочем движении. В 1925 году в Субботице Киш женился. Там у него родились две дочери. До 1944 года семья Киша жила в Субботице, а оттуда переехала в Киштелек, где Киш в 1944 году был принят в ряды Венгерской коммунистической партии. В 1945 году он принимал участие в разделе помещичьей земли. Затем он выехал в Сегед, а позднее переехал в Будапешт.

В 1946 году Киш переселился в Будакеси, где стал членом Национального комитета. Там он был избран одним из руководителей партийной организации, а с 1953 года являлся председателем местного комитета Отечественного Народного фронта. С 1950 года Лайош Киш работал на кузнечно-прессовом заводе.

Этот человек не знал усталости. Лайош Киш очень любил партию и народ, и этому он учил своих детей и внуков. 26 октября 1956 года он погиб как герой вместе со своим зятем Сиклаи. Будакесские бандиты-контрреволюционеры зарубили Киша топором.

ЯНОШ АСТАЛОШ,
АРМЕЙСКИЙ ПОЛКОВНИК

Янош Асталош родился в Братиславе 6 апреля 1918 года в семье сапожника. Его отец на несколько месяцев был заключен в тюрьму за то, что в период Венгерской советской республики ему поручили руководство одним из заводов. В 1932 году Янош Асталош поступил учеником к ювелиру.

Уже в семнадцать лет он включился в рабочее движение. В 1935 году Асталош вступил в гимнастическую секцию рабочего спортивного общества «Вашаш» («Металлург»), а в 1936 году уже принимал участие в работе «Красной помощи». В том же году Асталош вступил в профсоюз работников промышленности цветных металлов, а в 1937 году был избран членом руководящего органа этого профсоюза. В мае 1942 года за участие в движении за независимость Янош Асталош был арестован и просидел полтора года в тюрьме. Вскоре после освобождения из тюрьмы он был направлен в лагерь для интернированных в Надьканиже, откуда его освободили советские войска.

С 1945 по 1947 год Асталош работал партинструктором. В 1947 году он избирается секретарем партийного комитета I района Будапешта. В 1948 году Янош Асталош вступил в ряды Народной армии, где был политработником и выполнял различные поручения по организационным вопросам. Где бы он ни работал, товарищи отзывались о нем как о замечательном человеке, уважали его за знания, любили за простоту и прямоту.

30 октября 1956 года контрреволюционный сброд захвативший здание Будапештского горкома на площади Республики, зверски убил Яноша Асталоша. Его жена и четверо маленьких детей оплакивают любимого мужа и отца, а его боевые товарищи — дорогого соратника, который всю свою жизнь посвятил делу народа.

ЙОЖЕФ ПАПП,
ПОЛКОВНИК АРТИЛЛЕРИИ

Йожеф Папп родился в Уйпеште в 1917 году. Его отец и мать более сорока лет участвовали в рабочем движении. Отец Йожефа токарь, в 1919 году был командиром батальона венгерской Красной армии. Поэтому в период белого террора он долгие годы содержался в лагере для интернированных, а после освобождения из лагеря находился под надзором полиции. Его мать была одним из основателей и организаторов движения «Друзья детей» в Уйпеште. Жена Паппа — работница электралампного завода «Эдешюльт иззо».

В 1932 году Йожеф Папп поступает учеником слесаря-механика на судостроительный завод «Ганц». После окончания учебы он два года был безработным, а затем устроился на завод «Эдешюльт иззо». С 1939 по 1941 год Папп находился на действительной военной службе.

В 1941 году он поступил телеграфистом на почту; там проработал до 1949 года. После освобождения, с 1946 по 1948 год Папп был секретарем уйпештской организации Союза венгерской демократической молодежи. В 1950 году он стал офицером Народной армии. Подчиненные любили его за справедливость и отзывчивость.

30 октября 1956 года Йожеф Папп находился в здании Горкома партии на площади Республики. Здесь после захвата здания горкома он был варварски убит озверелыми контрреволюционными бандитами. В результате злодейского убийства, превратившего эту боевую жизнь, двое детей остались без отца.

ЛАЙОШ САБО,
АРМЕЙСКИЙ ПОДПОЛКОВНИК

Лайош Сабо родился в Мишкольце 17 декабря 1913 года. Его мать была подсобной работницей. Мальчиком Лайош попал в государственный приют в Кошице. Бродя по окрестным деревням, он познал, как горек сиротский хлеб. Тринадцати лет он поступает учеником к булочнику. Оказавшись в Праге, он начал работать самостоятельно и там вступил в профсоюз. В 1929 году Лайош Сабо вступил в молодежную организацию Коммунистической партии Чехословакии и в спортивное общество «Пролетарий». В Праге же он закончил заочно четыре класса средней школы.

В поисках работы Сабо скитался по Венгрии, Франции и Польше. В 1937 году он возвратился в Венгрию и в родном городе Мишкольце участвовал в работе профсоюза хлебопекарной промышленности. В 1940 году Сабо стал писарем пункта допризывников. Он часто занимался с допризывниками. В 1944 году он организует отряд и вместе с вверенными ему допризывниками борется против нилашистов. Лайош Сабо вместе со своими «народными гвардейцами» помешал угону на Запад нескольких сот допризывников. После освобождения Венгрии работал вначале полицейским, а затем секретарем Серенчского райкома Венгерской коммунистической партии. Впоследствии он был контролером в области общественного снабжения.

В 1947 году Сабо подал заявление о приеме в Академию имени Кошута, которую блестяще закончил. Сабо был талантливым офицером и выполнял в рядах Народной армии ответственную работу. 30 октября 1956 года Лайош Сабо находился в Горкоме партии на площади Республики. После захвата здания горкома он был убит контрреволюционными бандитами. Две его дочери остались сиротами.

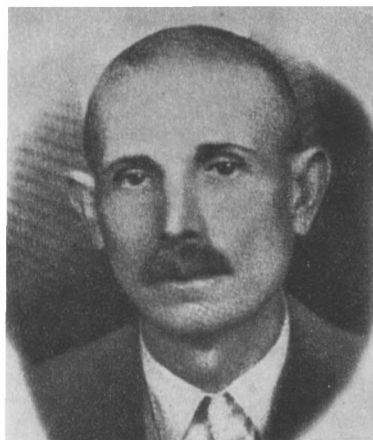
КАЛЬМАН ТУРНЕР,
СВАРЩИК

Кальман Турнер родился 5 октября 1914 года в городе Секеш-фехерваре. Его отец был подмастерьем каменщика и старым членом профсоюза. Закончив шесть классов начальной школы, Кальман Турнер поступил учеником к трубочисту. После трех лет учебы нашел работу в Море. В 1934 году приехал в Будапешт, где работал в строительной промышленности. В 1935 году Турнер принимал участие в большой забастовке строительных рабочих. С 1937 по 1939 год служил в армии. После демобилизации поступил на завод Вейс Манфред, где вначале работал подсобным рабочим, а затем сварщиком.

В 1945 году Кальман Турнер вступил в ряды Венгерской коммунистической партии и был избран в бюро первичной парторганизации сварочного цеха, а затем ее секретарем. В 1950 году он работал в литейных мастерских уполномоченным по работе с кадрами. В 1951 году Турнер перешел на работу в Управление по делам местных советов министерства внутренних дел, но из-за своей прямоты и смелой критики проработал там недолго. В 1952 году он попросил перевести его на производство и поступил сварщиком на прядильную фабрику «Хазай фешьюшфоно».

24 октября 1956 года Турнер принял участие в обороне комитета партии.

4 ноября в середине дня бывшие хортистские полицейские Шандор Ланг и Иштван Мичинай ворвались в квартиру Турнера и на глазах его жены и двух детей убили простого сварщика, верного и самоотверженного борца рабочего движения.

МИХАЙ БЕНЕ,
КРЕСТЬЯНИН

Михай Бене являлся членом производственного кооператива имени Дожа в Сентмартонкате. Он родился в 1895 году. Молодым крестьянским парнем попал в 1916 году в плен к русским, откуда его освободила русская революция. Он сразу же встал в ряды солдат социалистической революции.

В 1921 году Бене возвратился на родину инвалидом и в течение нескольких лет был прикован к постели. Михай Бене был верным товарищем крестьян-бедняков и пользовался у них неизменным доверием. В 1945 году Бене принял участие в работе комитета по разделу земли, а потом стал председателем вновь созданного земледельческого кооператива.

В 1945 году Михай Бене вступил в партию и с этого момента до своей смерти являлся членом бюро местной партийной организации. Члены партии оказали ему доверие, избрав в районный комитет партии.

В 1949 году Бене вступил в производственный кооператив имени Дожа.

26 октября 1956 года бандиты напали на квартиру Михая Бене, пытаясь убить его сына — третьего секретаря Надькатайского райкома партии. Однако в этот день нападавшим не удалось выполнить свой план. На другой день после налета семья Бене покинула квартиру. Однако старый Бене остался дома. Ночью 27 октября бездушные убийцы нагрянули вновь к нему, вытащили из дома престарелого борца венгерских крестьян и с дьявольской жестокостью утопили в колодце.

ПЕТЕР ЛАКАТОШ,
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЫ

Петер Лакатош родился в Пустаоттлака 3 марта 1924 года. Его отец был сельскохозяйственным рабочим, который после освобождения получил три хольда земли.

В 1938—1945 годах Петер Лакатош, как и его отец, был сельскохозяйственным рабочим — работал батраком у крупнейшего кулака деревни.

В 1945 году Лакатош вступил в ряды Венгерской коммунистической партии и стал председателем комитета по разделу земли и секретарем партийной организации села. В 1946 году Лакатош переходит на работу в Мезёковацхазский райком партии, а с 1948 года — в аппарат Центрального Комитета. После окончания двухлетней партийной школы Петер Лакатош работал вначале в сельскохозяйственном отделе ЦК, а с марта 1953 года — в министерстве земледелия. С апреля 1954 года был преподавателем партийной школы. Получив агрономическое образование, он продолжал учебу на факультете экономики сельского хозяйства Будапештского университета.

Во время нападения на Будапештский горком партии Лакатош находился в здании горкома. После захвата здания бандиты выволокли его на улицу и ранили в живот. Лакатоша доставили в больницу Корани, однако вооруженные мятежники не позволили оказать ему немедленную врачебную помощь. Позднее врачам все же удалось оперировать Лакатоша, но большая потеря крови не могла быть компенсирована даже опытным хирургическим вмешательством. Петер Лакатош погиб. Двое сирот оплакивают своего отца.

ИШТВАН ШАРКАДИ,
ПРОКУРОР

Иштван Шаркади родился в Мукачево в 1922 году. Его отец торговал книгами. Семья жила в нужде. После окончания шести классов гимназии Шаркади стал поваром и работал в различных ресторанах. С 1939 года принимает участие в профсоюзном движении. В 1942 году Шаркади приехал в Будапешт. В 1943 году отбывал трудовую повинность. В 1944 году он перешел на сторону Советской Армии и, находясь в ее рядах, принимал участие в освобождении Польши и Чехословакии. Несколько раз был ранен и в результате частично потерял трудоспособность. В сентябре 1945 года после демобилизации возвратился в Будапешт.

С 1945 года Шаркади являлся членом Коммунистической партии. С начала 1946 года работал в Главном управлении полиции Будапешта, а затем в юридической группе министерства внутренних дел.

После освобождения Иштван Шаркади, окончив вечернюю среднюю школу, продолжал свое образование и в 1950 году получил диплом юриста, а позднее, сдав экзамены на судью и государственного прокурора, работал в прокуратуре.

1 ноября 1956 года Шаркади направился в верховную прокуратуру, но по пути был схвачен контрреволюционерами и доставлен в казармы имени Киляна. 4 ноября его перевели в редакцию «Сабад неп», где находилась штаб-квартира Йожефа Дудаши. В тот же день вечером Шаркади был расстрелян «особым отрядом» группы Дудаши.

Жена и шестилетний сын оплакивают мужа и отца.

КАРОЙ ЯКАБ,
МАЙОР ПОЛИЦИИ

Карой Якаб родился в городе Дороге 21 мая 1924 года. Его отец был шахтером, мать работала прислугой, а затем санитаркой, выполняя тяжелую работу. Оставшись вдовой, она одна воспитала шестерых детей. Карою было пятнадцать лет, когда умер его отец, и с ранних лет он был вынужден зарабатывать на хлеб, работая то разносчиком в пекарне, то рассыльным в садоводстве, то расклейщиком афиш. С помощью старшего брата ему удалось получить специальность и стать токарем по металлу.

До 1945 года Карой Якаб работал на заводе «Данувия», а оттуда был направлен в демократическую полицию. За одиннадцать лет Якаб прошел путь от простого полицейского до майора. Работая в полиции, он в течение трех лет занимался в Юридическом институте.

В 1949 году Якаб женился. Он был внимательным мужем и заботливым отцом двух дочерей.

В связи с октябрьскими событиями 1956 года Карою Якабу была поручена охрана продовольственного склада на бульваре Горького. 28 октября, когда советские войска оставили Будапешт, он намеревался возвратиться домой. Выйдя на улицу, Якаб был убит выстрелом в сердце. Его убили из-за угла. На труп прикрепили лист бумаги с надписью: «Так будет с каждым врагом народа».

Народ должен отомстить убийцам, которые оборвали жизнь верных сынов народа, клеветнически назвав их врагами народа.

ПАЛ ФОДОР,
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Пал Фодор родился в 1925 году в Шепшимодьороше (Трансильвания) в бедной крестьянской семье. Закончив четыре класса, Фодор в 1942 году приехал в Будапешт, где поступил на работу учеником механика. После четырехлетнего обучения он с 1946 по 1949 год работал на табачной фабрике в Ладьманёши, а в 1949 году стал сотрудником Комитета партии XI района Будапешта. В 1950 году его направили на работу в министерство внутренних дел.

31 октября 1956 года мятежники вытащили Фодора из квартиры его друга и доставили в казармы имени Килиана. Оттуда 1 ноября он был перевезен в редакцию «Сабад неп», где его допрашивали и пытали в течение четырех дней. Вечером 4 ноября он был убит «особым отрядом» группы Дудаша в переулке за универсамом «Корвин» вместе с Иштваном Шаркади.

Жена и девятилетний сын больше никогда не увидят любимого мужа и отца, честного и самоотверженного человека.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От Издательства	4
Введение	5
Осада здания Венгерского радио 23 — 24 октября	12
Нападение на Центральную телефонную станцию „Йожефварош“	30
Кто руководил отрядами мятежников в Буда	33
Контрреволюционеры в больницах	38
Группы мятежников в гостинице „Континенталь“	44
Контрреволюционная деятельность в Будапештском университете	47
„Столичный национальный комитет“ на службе контрреволюции	51
Новые данные о белом терроре в Будапеште	57
Новые данные об осаде Будапештского горкома партии	75
Контрреволюционные выступления в провинции	87
Йожеф Дудаш и его сообщники	99
Капиталистический Запад и события в Венгрии	108
Кого контрреволюция освободила из тюрем	134
Данные об ущербе и убытках, причиненных контрреволюционным мятежом	136
Пятнадцать мучеников	139

**КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ СИЛЫ В
ВЕНГЕРСКИХ ОКТЯБРЬСКИХ
СОБЫТИЯХ**

Редактор перевода *Э. С. Шейнис*
Технический редактор *Б. И. Корнилов*
Корректор *К. И. Иванова*

Сдано в производство 22/II 1957 г.
Подписано к печати 14/III 1957 г.
60×92¹/₁₆—5 бум. л. 10 печ. л.
Уч.-изд. л. 9,4. Изд. № 7/3755.
Цена 3 р. Зак. 205.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

Министерство культуры СССР. Главное
управление полиграфической промышлен-
ности. Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова. Москва, Ж-54,
Валовая, 28.